

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

№ 7 ФЕВРАЛЬ 1951

Худ. **И. Ершов.** ДЕВУШКА-СТРОИТЕЛЬНИЦА. **Художественная выставка 1950 г.**

На первой странице обложки: занятие кружка по изучению «Краткого курса истории ВКП(б)» в совхозе «Пискаревка», Ленинградской области. Руководит занятиями старший зоотехник совхоза Л. П. Овчинников. **Фото Л. Зиверта**

На последней странице обложки: **К. Ф. Юон.** ГОЛУБОЕ УТРО. ГРАЧИ НА БЕРЕЗАХ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 7 (1236) 11 ФЕВРАЛЯ 1951

29-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Весной взломаются льды тихого Дона. Начнется последний паводок. Мимо крутых берегов в последний раз промчатся ледяные поля. Следующие половодья будут задержаны мощной плотиной Цимлянского гидроузла.

Выше плотины длиной в 13,5 километра образуется гигантское искусственное водохранилище — Цимлянское море, которое вместит 12,6 миллиарда кубических метров воды.

На снимке видна металлическая эстакада; она будет заполнена бетоном и станет частью плотины. Гребень ее поднимется выше рубки машиниста на портальном кране.

Строительство оснащено новейшей техникой. На переднем плане видно судно — земснаряд. Он работает в котловане. Десятки земснарядов намоют в тело плотины 26 миллионов кубических метров земли.

Гидромеханизаторы Цимлянского гидроузла установили мировой рекорд суточного намыва грунта.

Фото А. Гостева.

Доверие и ответственность

— Поздравляем Вас с выдвижением кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР! Как Вы расцениваете это выдвижение!

— Большая честь и большое доверие — так коротко можно ответить на этот вопрос. Меньше всего я думаю, что основанием для выдвижения послужили мои личные заслуги. Народ безгранично верит коммунистической партии и это свое доверие переносит на людей, выращенных партией, поднятых ею.

Я мог бы назвать десятки кандидатур из рабочих нашего же депо, которые вполне заслуживают такой чести. Все мы плоть от плоти, кровь от крови своего народа.

Мне кажется, я оказался в числе кандидатов по той же причине, по какой, скажем, на «Трехгорке» выдвинули мастера В. Ворошина, на «Парижской Коммуне» — Л. Корабельникову, а в Верховный Совет СССР избрали машиниста депо Сортировочная В. Блаженова. Мы живем в своем государстве, и кому, как не нам, под руководством коммунистической партии, товарища Сталина, управлять этим государством!

— Расскажите, пожалуйста, о своей жизни, хотя бы в основных чертах.

— Биография моя мало чем отличается от биографий сотен тысяч молодых советских людей. Я родился в Подмосковье в 1916 году, в деревне. Сельская школа. Потом семилетка, а затем школа ФЗУ Московско-Рязанской железной дороги: я с детства мечтал водить поезда и с завистью смотрел на машинистов. Мечта эта сбылась. Сперва я работал помощником машиниста в депо Москва-Сортировочная. Затем меня перевели на пассажирский паровоз. Я стал настойчиво учиться у стариков. Послали меня в школу мастеров социалистического труда. В 1940 году я впервые самостоятельно повел пассажирский поезд на участке Москва — Рязань. Это была большая радость. И вот уже 11 лет, как я самостоятельно вожу поезда на этом участке.

Шесть лет назад мне присвоили звание машиниста 1-го класса. Конечно, и работать стараюсь, как говорится, соответственно. Одного только натурального топлива за прошлый год сэкономил 210 тонн. Да от каждой промывки 500 рублей экономии даю. Пробег между обточками увеличил вдвое. За декабрь нашему локомотиву присвоено звание «Лучший паровоз сети железных дорог СССР».

— Как Ваши товарищи по депо встречают выборы!

— Так же, как и весь советский народ,— производственными успехами. Традиция советских людей — крупное политическое событие отмечать новыми достижениями.

Наше депо приходит к выборам с показателями, которыми не грех похвалиться. Депо не раз завоевывало переходящее Красное знамя Московско-Рязанской дороги. Большинство машинистов имеет немалую экономию топлива и смазочных материалов.

Самый тяжелый период работы для нас, машинистов,— зима. Погода не благоприятствует движению: большие снегопады, ветры, туманы. Но депо добивается, чтобы ни на один день не срывался уплотненный график. И в этом смысле достигли мы немалого.

Наш коллектив проникнут боевым духом. Особенно радостно трудиться в эти дни, когда вся страна живет ожиданием крупнейшего события. Ведь в нем выражена сущность советского государства, сущность социалистической демократии.

— Расскажите, пожалуйста, как осуществляется советская демократия в Вашем депо!

— Примеров множество, перечислить их — значит рассказать о всей нашей жизни. Ограничусь лишь несколькими.

Машинист паровозного депо Москва-пассажирская Московско-Рязанской железной дороги Аркадий Дмитриевич Мотов зарегистрирован кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР.

В связи с этим корреспондент «Огонька» обратился к тов. А. Д. Мотову с несколькими вопросами.

Машинист А. Д. Мотов.

Среди рабочих нашего депо двое, машинист В. Н. Табунов и электромонтер З. Я. Никитина,— депутаты районного Совета. Теперь вот меня выдвинули. Рядовые рабочие, привлеченные к управлению государством, — это ли не свидетельство настоящей демократии?

А кто занимает у нас все руководящие посты? Те же выходцы из рабочих. Начальник нашего депо В. М. Обухов тоже машинистом был, а потом учился, кончил институт и теперь стал командиром на транспорте.

Где, как не в нашей демократической стране, перед рабочими открыты двери высших учебных заведений! И сейчас машинисты П. В. Зетилов, Н. В. Воякин посещают заочное отделение техникума.

Или вот факты другого порядка. Почитайте наши стенные газеты, побывайте на наших собраниях, — это же демократия в действии! Сам народ за каждым делом наблюдает. Какой бы пост ни занимал человек, если он в чем несправедлив, спуску ему не будет. Зато и заботиться у нас умеют о людях, как нигде в мире.

В жизни нашего депо, как солнце в капле воды, отражается вся наша социалистическая демократия. Под руководством коммунистической партии у нас построено первое на земном шаре общество, где не имущественное положение, не национальность, не пол, не служебное положение, а личные способности, личный труд человека определяют его место в обществе.

— Приходилось ли Вам бывать за границей!

— Нет, за границей я не был, но некоторые мои товарищи ездили и потом рассказывали о своих впечатлениях. Виктор Блаженов, машинист нашей дороги, депутат Верховного Совета СССР, лауреат Сталинской премии, ездил в Румынию. Приятно было узнать от него, что и в Румынии жизнь на нашу становится похожа. Я говорю не только о том, что там национализированы заводы, транспорт, помещики лишены земли. Там в парламенте заседают простые, трудовые люди, они-то и управляют государством. Потому и достигли страны народной демократии больших успехов.

Люди новой Венгрии, или Румынии, или другой демократической страны стремятся овладеть советскими методами работы, чтобы их народ мог быстрее достичь своей цели — социализма.

Вот наш машинист Николай Лунин ездил в Англию с делегацией Верховного Совета СССР. Он там провел локомотив на одном перегоне. Английские железнодорожники только ахали. А разве не могли бы они работать, как Лунин, если бы захотели? Думаю, что могли бы. Но зачем это им? Что изменится в их жизни, если английские поезда станут быстрее перевозить грузы и пассажиров?

— Английская буржуазная печать часто кричит о том, что среди членов британского парламента есть рабочие. Что Вы об этом думаете!

— Я думаю, что правильнее было бы сказать «бывшие рабочие». Бывшие — потому что у них человек, избранный в парламент, становится, как правило, только парламентским деятелем, так сказать, меняет профессию. Да, в английском парламенте есть люди из рабочих, но кто они? Это именно та верхушка рабочего класса, про которую Ленин писал, что буржуазия покупает ее и она становится верным лакеем капитала. Это люди, оторвавшиеся от своего класса. Ясно, что они в парламенте не защищают интересы своего народа, а послушно выполняют волю подлинных хозяев страны — империалистов.

Не могу не сказать несколько слов и об Америке. В американском конгрессе был один представитель американской рабочей партии, Маркантонио. И что же? Его вытеснили. Демократическая, республиканская и либеральная партии выдвинули общего кандидата и немало средств потратили, чтобы протянуть его в конгресс.

Знаем мы и о том, как там подкупают избирателей, как используют всяких преступников, чтобы те подавали голоса под вымышленными именами.

Вот уж действительно демократия наизнанку!

— Если Вам 18 февраля окажут доверие и Вы будете избраны, какие у Вас планы!

— Попрежнему буду работать машинистом: профессию эту очень люблю и с паровозом, кажется, никогда не расстанусь. А планы большие.

Я поставил перед собой одну конкретную задачу и думаю, что решу ее. Хочу довести пробег своего паровоза до 140 тысяч километров без обточки. Чтобы вам понятнее было, скажу, что норма у нас — 75 тысяч километров. У меня уже на счету 85 тысяч. Значит, еще 55 тысяч не хватает.

Если меня выберут в Верховный Совет РСФСР, то придется много времени посвятить депутатским делам. Я встречался с Блаженовым, нашим знатным машинистом. Он мне рассказывал, как складывается его депутатская деятельность. Многое надо успеть депутату.

Я хорошо знаю сталинские слова о том, каким должен быть депутат. И приложу все силы, чтобы доверие народа оправдать и быть его верным слугой.

КАНДИДАТЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА

Конструктор

В кабинете директора Уралмашзавода шло совещание конструкторов. Обсуждался проект универсального прокатного стана для восстанавливавшегося в Сталинграде металлургического завода «Красный Октябрь». Слово взял конструктор Георгий Лукич Химич.

— Мне кажется, что мы совершим ошибку, если примем этот проект,— сказал Химич.— Ведь это же рабская копия того стана, который стоял на «Красном Октябре» до войны. Мы повторяем все старые конструктивные недостатки. Дадим новому цеху действительно новую машину. Я предлагаю...

Предложения конструктора Георгия Лукича Химича сводились к тому, чтобы создать более производительный, технически совершенный прокатный стан. Химич говорил увлеченно и подробно. Он излагал проект, который вынашивал еще до войны. Он уже видел эту машину, мог точно описать каждую ее деталь. Оставалось облечь ее в точные линии рабочих чертежей. Доводы Химича были убедительными.

— Так ли я вас понял? — спросил директор.— Вы предлагаете заново сконструировать целые узлы?

— Да, вы правильно поняли, — подтвердил Химич.

— Успеем ли мы в срок подготовить чертежи?

— Успеем.

И на следующий день конструкторы приступили к работе над новой машиной. Во главе группы встал Георгий Лукич Химич.

Это было в конце 1945 года. Химич тогда только что вернулся из армии. Он еще ходил в офицерском кителе, жадно и с волнением присматривался к переменам на родном заводе, бродил вечерами по улицам города, переживая радость возвращения домой. На «Уралмаше» его встретили старые друзья — товарищи по конструкторской, которую он покинул на второй день войны с фашистской Германией. Офицер-артиллерист, он участвовал в бою за Ельню, сражался под Москвой. С наступающими войсками Химич прошел до Кенигсберга.

Теперь он снова на Урале. Многие думали, что Химичу трудно будет вернуться к специальности, которую он оставил четыре года назад. Многое, вероятно, забылось, стерлось в памяти. Конструктор становится мастером своего дела только в результате неустанного многолетнего труда. Химич, еще до войны встречаясь с видными конструкторами, понимал, что сила их — в знании огромного количества сравнительных материалов. Высказанная мысль должна рождать массу ассоциаций, воспоминаний. Бывало, Химич просиживал целые вечера, рассчитывая уже работающие машины: он запасался сравнительными данными.

Первый месяц своей послевоенной жизни на заводе Георгий Лукич много наблюдал за работой, от которой был оторван четыре долгих года. В просторном и светлом зале, где над чертежными досками склонились десятки людей, всегда царила сосредоточенная тишина.

Работа над проектом универсального стана для завода «Красный Октябрь» особенно заинтересовала Химича. В результате и произошло то его выступление, о котором мы рассказали выше. К чести автора забракованного проекта надо сказать, что он не обиделся и с тем же увлечением стал работать над проектом новой машины...

Георгий Лукич приходил на работу в 8 часов утра, домой уходил в 10—11 вечера. Казалось, этот человек не знает, что такое усталость. Конструкторы с первых же дней увидели, что он не отстал от них за время войны, не растерял своих качеств. Новые и новые оригинальные решения отдельных узлов стана рождались в эти часы радостного труда. На глазах у всех создавалась действительно новая машина. Все в этом стане было проще, надежнее. По производительности он должен был превзойти своего предшественника на «Красном Октябре». Конструктор стремился облегчить труд людей, которые будут обслуживать стан, максимально механизировать и автоматизировать процессы работы.

Потом, когда универсальный стан был готов и отправлен в Сталинград, Химич получил авторское свидетельство. Этим подтверждалась оригинальность конструкции.

В марте 1946 года Георгия Лукича пригласил директор «Уралмаша»:

— Вам поручается проектирование рельсо-балочного стана для Ново-Тагильского металлургического завода. Работа большая. Вот проектное задание,— просто, даже как-то обидно буднично сказал директор.

Именно о таком задании конструктор мечтал много лет! Открывался простор для смелой творческой фантазии.

Конструкторы поставили перед собой задачу создать такой цех, где все тяжелые физические работы будут выполнять одни машины.

Три года коллектив Уралмашзавода трудился над этим заданием. И вот в начале 1949 года в Нижнем Тагиле пускали новый рельсо-балочный стан. Гости, приехавшие на праздник пуска, были восхищены. В здании, сквозь широкие окна которого лились потоки света, у машин стояло всего несколько людей. Работой гигантского блуминга управлял один человек. Он сидел в кресле в операторской будке, похожей на капитанский мостик. Перед ним были расположены десятки рукояток и доска с цветными сигнальными лампочками.

Это было осуществление мечты о цехе, где человек будет только командовать машинами.

Опытные прокатчики, повидавшие на своем веку немало хороших машин и цехов, созданных в нашей стране, поздравляли конструктора:

— Это наша, советская техника. Хорош цех, умные машины!

Нет дороже награды, чем признание народа. В 1950 году Георгию Лукичу Химичу и группе конструкторов и технологов за создание рельсо-балочного стана была присуждена Сталинская премия.

* * *

В 1929 году Химич со своим дружком — таким же, как и он сам, украинским парнишкой — отправился в поисках великих дел из родного Глухова на Восток. Они ехали в легендарную Сибирь — страну отважных советских людей, где по плану Сталина в тайге строили новые заводы, прокладывали дороги. На рассвете 1 мая поезд пришел в Свердловск. Друзья решили, что праздник надо встретить в городе, посмотреть демонстрацию, а уж потом ехать дальше, навстречу мальчишеской мечте. Но случилось так, что они задержались в городе, увлеклись им, а когда спохватились, что надо продолжать путь, оказалось, что все деньги истрачены. Чтобы подзаработать на дальнейший путь, они направились на биржу труда (тогда они еще существовали). Там их спросили о специальности.

— Слесари.

— Такие люди нужны. Пойдете на строительство Уралмашзавода.

Завод стоял еще в лесах. На площадке валили сосны. Все здесь понравилось ребятам — именно такой представляли они стройку. Друзья решили остаться в Свердловске. Химич вскоре попал в конструкторскую: он умел чертить. А через полтора года завод направил Химича в Уральский политехнический институт. В 1936 году Георгий Лукич кончил институт и с дипломом инженера вернулся на завод, который стал для него родным.

Так он стал конструктором прокатного оборудования, уральцем.

...Под Новый год позвонил знакомый инженер из Нижнего Тагила:

— Георгий Лукич, прокатчики приглашают в гости. Встретим вместе Новый год. Посмотрите, как ваш рельсо-балочный работает. Все проектные нормы перекрыты.

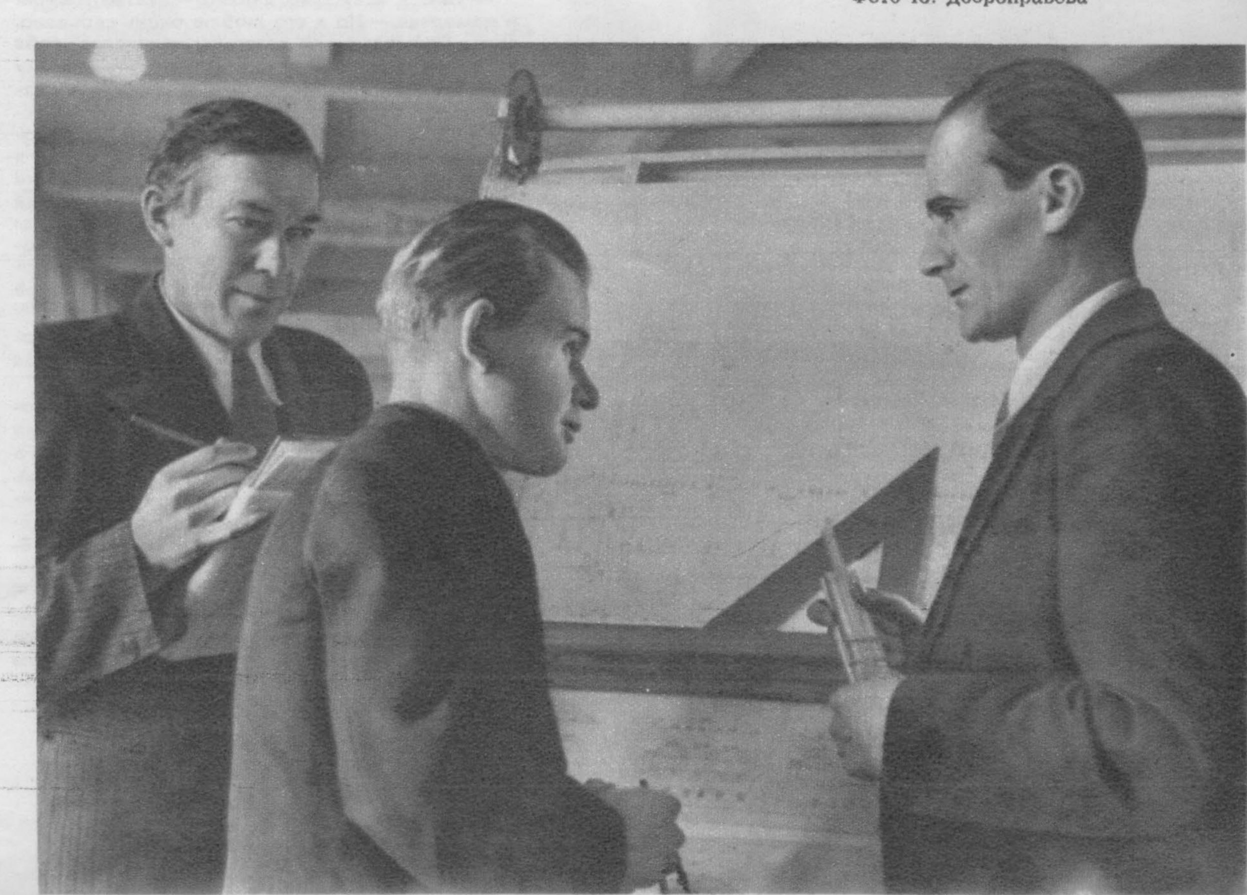
А за несколько дней до этого пришло письмо из Сталинграда. Писали прокатчики «Красного Октября».

«Приезжайте, — писали они. — Стан ваш работает отлично. Встретите Новый год на берегу Волги».

Георгий Лукич Химич в этот день был бы желанным гостем у прокатчиков многих заводов страны. Уралмашевцы вооружили машинами цехи в Днепродзержинске, в Запорожье, в Магнитке, на Челябинском металлургическом. По всей стране катают на них металл...

Слева направо: конструкторы И. И. Кривоножкин, В. И. Широков и Г. Л. Химич за разработкой конструкции нового узла машины.

Фото Ю. Добронравова

В 1951 году произошло самое большое событие в жизни Георгия Лукича Химича.

11 января Георгий Лукич направился на собрание заводского коллектива, где выдвигались кандидаты в депутаты Верховного Совета РСФСР. Собрание проходило в огромном пролете прессового цеха. Тысячи людей стояли между молотами и прессами, сидели на конструкциях, облепили подоконники.

На трибуне Георгий Лукич увидел заместителя главного конструктора Соколова, с которым он в один день вернулся на завод из армии.

— Я знаю Георгия Лукича Химича, — говорил Соколов, — с тридцатого года. Сын крестьянина, ученик чертежника, офицер Советской Армии, руководитель группы конструкторов, лауреат Сталинской премии—вот жизненный путь Химича. Выдвигаю его кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР.

...На следующее утро Химич собрал своих конструкторов.

— Товарищи, — сказал он, — ночью я был у директора. Нам поручена очень интересная работа. Должен сказать, что столь интересной работы я еще не видел. Мы должны для одного завода изготовить такой прокатный стан!..

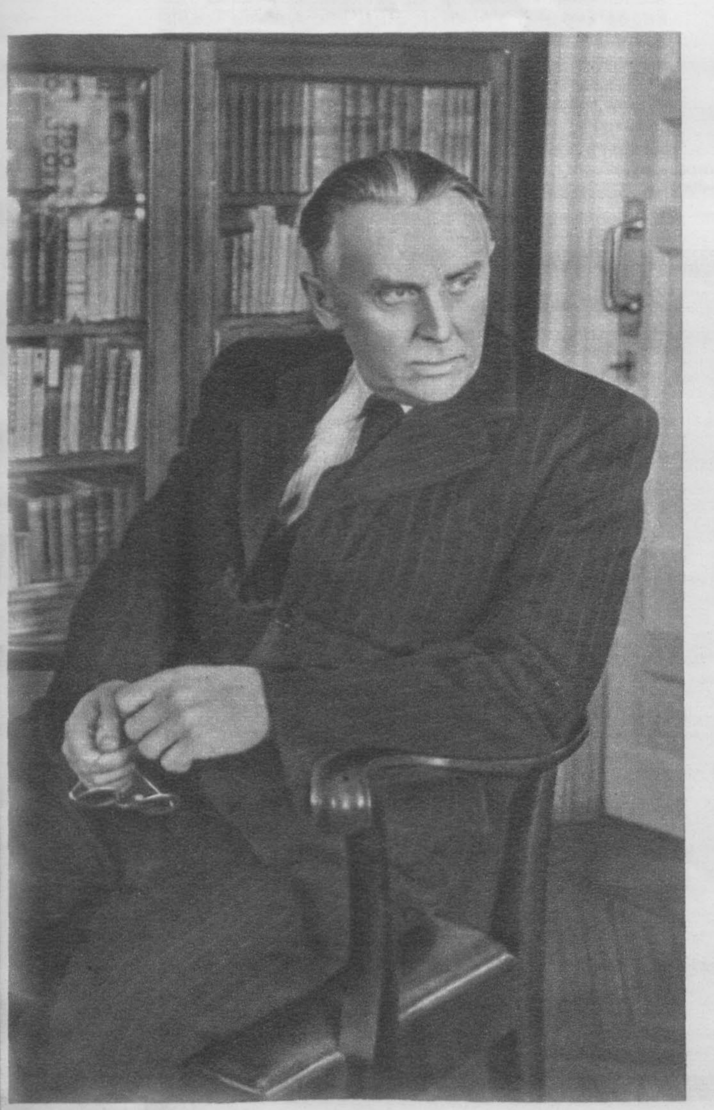
Это будет стан, достойный великой эпохи наступающего коммунизма!

В. СТАРИКОВ

Мастер слова

Константин Федин — автор широко известных романов «Города и годы», «Первые радости», «Необыкновенное лето» — выдвинут избирателями Щербаковского округа Москвы кандидатом в депутаты Верховного Совета Российской Федерации. В этом доверии к писателю, как государственному деятелю, в этом признании заслуг видного представителя советской интеллигенции заключено многое. Инженер душ человеческих, писатель, в Советской стране рядом с рабочими, учеными и колхозниками участвует своим трудом в великой созидательной работе, равной которой еще не знал мир,— в построении коммунизма.

Константин Александрович Федин.

М. Горький говорил, что «советский писатель... не может быть только профессиональным литератором, это — живое лицо, живой, энергичный участник всего того, что творится в стране».

Эти слова полностью могут быть отнесены сегодня и к Константину Федину.

Хозяйский глаз Горького недаром приметил в молодом саратовце, пришедшем в 1919 году в бурливший революционными событиями Питер, настоящего писателя, писателя на всю жизнь. Горький угадал в авторе еще незрелых рассказов, которые почтительно адресовал к нему, как высшему судье и авторитету, молодой Федин, хорошее упрямство, настойчивое стремление найти свои слова, свои образы для изображения людей и потока жизни. «По Вашему письму видно, что Вы становитесь «одержимым», обреченным литератором»,— писал Федину Горький.

И, когда читаешь Федина, всегда останавливаешь свое внимание на том, как пристально и обдуманно обращается писатель со словом, как выбирает он его и как строит фразу, чтобы она вернее и прямее вела читателя к тому, что хочет изобразить или сказать автор. Велик океан слов, созданных народом в его исторической жизни, велики просторы русского языка! Но писатель, отправляясь в эти просторы, должен не только изучить их и не только вообще наслаждаться ими. Он должен уметь выбрать слово для своих художественных целей. «Слово — полководец человечьей силы»,— говорил Маяковский.

Когда читаешь Федина, этого большого русского писателя, когда привыкаешь к его несколько суховатому, но точному слогу, то не раз бываешь благодарен писателю именно как мастеру, который учит тебя обращению с твоим родным языком, учит тебя наслаждаться красотами и богатствами русского языка.

Впрочем, было бы неправильно, рисуя облик Константина Федина как писателя, обойти тот важнейший факт, что Федин не сразу стал таким, каким его знает и любит сегодня советский народ. Константин Федин идейно необыкновенно вырос и поднялся по сравнению со своими произведениями, допустим, двадцатых годов. И в этом нельзя не видеть преобразующего, воспитательного влияния партии Ленина — Сталина, творческую силу которой испытали на себе все без исключения советские художники слова, начиная от Горького и Маяковского. Константин Федин в этом смысле — писатель сталинской эпохи, вдохнувшей поистине новую душу в русскую литературу.

В романе «Необыкновенное лето» есть одно замечательное место. Идет гражданская война. Вся Россия взбудоражена. Матери Извекова, как и Аночке, кажется, что Кирилл «без специальности» в жизни. Он только «политик».

«— Вы очень не любите искусство? — строго спросила Аночка.

— Нет, я искусство люблю,— сказал Кирилл и помолчал.— Но я его люблю очень серьезно. Даже больше: я сам хотел бы причислить себя к людям искусства, служить искусству, потому что хотел бы воздействовать на людей. А разве воздействовать на людей не великое искусство? Пока я учусь еще только ремеслу руководить людьми, то есть специальности. Но я знаю, что ремесло это может быть поднято на огромную вершину, на высоту искусства. Когда в моих руках будут все инструменты, все средства влияния на людей, я из ремесленника могу стать художником. У меня будут все радости художника, если я научусь строить новое общество...»

И Рагозин, старый рабочий, революционер-подпольщик, крепко пожал руку Кириллу за эти его слова.

Хорошие слова! И за ними мы вправе прочитать «верую» и самого художника. Кирилл Извеков мечтал поднять свое дело партийного руководителя, революционера на уровень вдохновенного управления людьми, воздействия на людей. Но не этой ли задаче подчинил Константин Федин и свое искусство мастера слова — поднять его на уровень политики партии, насытить его вдохновением политики, то есть активно участвовать своими произведениями в кипучей жизни народа? Потому что какое же значение имеет искусство, в котором нет того, чем живет и волнуется народ! Это — мертвое, пустое искусство. Пусть им и тешатся буржуазные эстеты.

Горький писал в одном из своих писем еще молодому Федину: «Не приучайте себя к пустякам, если Вы в силах делать серьезное дело. Работайте больше, читайте и наблюдайте людей, раздражайте себя. Вообще, уж если Вы взялись за искусство, не щадите себя!

Тут необходимо, чтобы сердце было трепетно и страстно».

Константин Федин как писатель посвятил себя именно изучению и изображению прежде всего современности в различных ее социальных разрезах. Широк и многообразен жизненный опыт писателя: он сталкивался с людьми многих профессий, положений и на родине и за рубежом. Некоторые ранние произведения Федина посвящены крестьянству и тем процессам, какие происходили в советской деревне в первые годы революции. Другие произведения посвящены судьбам интеллигенции в революции: «Города и годы», «Братья». В двух романах — «Похищение Европы» и «Санаторий Арктур» — дана большая галерея типов капиталистической Европы, глубокий художественный анализ духовной деградации буржуазии и всех, кто связан с ней.

Не все в этих произведениях отличается той идейной ясностью и определенностью, которые свойственны произведениям К. Федина более зрелой поры. Но есть одна черта, какую нельзя не выделить во всем творческом пути К. Федина, при всей его сложности. Эта черта— живой, органический патриотизм художника, неизменное восхищение могучей силой и талантом родного народа. Именно это позволило К. Федину рано разглядеть ядовитую природу буржуазной культуры, прельщающей жалких космополитов-низкопоклонников своими дешевыми блестками. Разглядев, Федин сумел заклеймить ее в образах, замечательных по своей жизненной убедительности (например, капиталиста Филиппа ван Россума в «Похищении Европы»).

Однако лишь в последних своих романах — «Первые радости» и «Необыкновенное лето» — Константин Федин развернулся в полную силу своего эпического дарования художника. Так же как Алексей Толстой в своем романе «Хождение по мукам» создал эпопею революционного обновления России, так и Константин Федин раскрыл по-своему ту же эпоху. Медленно и широко, словно сама Волга, течет повествование в эпопее Федина, захватывая судьбы множества людей, словно сама жизнь, обкатывая людей, отсеивая их, выдвигая из народа все сильное, толкающее жизнь вперед по дороге революции. И самой сильной стороной эпопеи К. Федина является создание писателем превосходных образов двух русских большевиков — Петра Рагозина и Кирилла Извекова — и показ через них той решающей силы, которая помогла русскому народу стать богатырем человечества,— партии Ленина — Сталина.

В сцене встречи на фронте Кирилла с товарищами Сталиным и Ворошиловым Федин показывает, как глубоко тронуло Кирилла обращение Ворошилова к нему на «ты». «Неожиданное, простое это «ты», вдруг изумив, напомнило Кириллу необычайное чувство, когда в юности, на саратовских горах, впервые в жизни старик-рабочий сказал ему ласково — «товарищ» и когда он побежал по горам, чтобы усмирить свое волненье».

Да, нет на свете для советского человека дороже ласки партии, ласки народа! И нет сильнее для писателя вдохновенья, нежели то, что идет от доверия к нему народа.

В своей статье «О борьбе за мир» Константин Федин, член Советского Комитета защиты мира, писал:

«Огромна роль Советского Союза в распространении идеи мира во всем мире. Роль эту исполняет у нас воистину весь народ — и его рабочий класс, и его колхозное крестьянство, и его интеллигенция. Многое возложено народной борьбой за мир и на нас, писателей. Мы должны, мы хотим и мы будем отстаивать мир всеми силами талантов и способностей. Ибо это дело — важнейшее, драгоценнейшее для будущего всего человечества».

В этих словах перед нами облик выдающегося художника слова, советского писателя Константина Федина.

К. ЗЕЛИНСКИЙ

Исследователь

Поздним вечером, когда на улицах столицы уже стихает дневное оживление, в одну из лабораторий Московского университета входит высокий человек в белом халате. Он быстро моет руки, а затем подходит к столу, где среди штативов с пробирками в строгом порядке выстроились сложные аппараты и приборы. Как хорошо работается именно сейчас, в этой тишине уходящего вечера! Пожалуй, это его любимые часы...

Трудно представить себе, что у академика Александра Ивановича Опарина позади остался большой, трудный день. Ничто не выдает в нем естественного утомления. Движения его рук уверенны и точны. За стеклами очков слегка прищурились внимательные, чуть насмешливые глаза.

А между тем ранним утром он был уже в этом старинном здании, и студенты слушали его мягко окающий, звучный голос. Он предпочитает читать свои лекции в первые часы занятий, когда слушатели особенно восприимчивы. А затем он уехал, и дальше все время было расписано не только по часам, но и по минутам.

И если вспомнить сейчас, как прошли эти насыщенные работой часы, то сразу и не определишь, что же было в них главным, наиболее важным: проведенное ли в общении с молодежью утро, день ли, распределенный между научными учреждениями, которыми он руководит, время ли, отданное работе над новой статьей, или этот сосредоточенный вечер исследователя? А может быть, сегодняшнее посещение завода, где так удачно воплощается в практику его последнее научное открытие? Или та телеграмма из-за рубежа, которая напомнила о предстоящем заседании международной организации борцов за мир? Нет, весь день был замечательным!

Да и можно ли отделить одну сторону этой обширной деятельности советского ученого от другой? Ведь, по существу, вся она направлена к одной цели и посвящена неустанной борьбе за торжество передовой, прогрессивной науки во всех областях жизни. А формы этой борьбы так же многообразны, как многообразна сама жизнь в стране, где наука поставлена на службу человеку. Здесь все одинаково нужно, одинаково важно.

* * *

Впервые имя Александра Ивановича Опарина приобрело известность еще в 1922 году, когда он выступил на заседании Русского ботанического общества со своей гипотезой происхождения жизни на земле. Неожиданная и смелая теория молодого ученого базировалась на серьезной научной основе. «Наука пришла туда, где до сих пор царствовали одни поэты»,— писал тогда Валерий Брюсов.

Но прошло почти пятнадцать лет, прежде чем эта гипотеза воплотилась в книгу «Возникновение жизни на земле». Это была книга воинствующего ученого-материалиста. Смело ломая устаревшие представления, опираясь на последние достижения астрономии, физики, химии и биологии, Опарин создал убедительную картину зарождения жизни на нашей планете.

Едва ли найдется научная библиотека в любой стране мира, где не было бы этой книги советского ученого. Она переведена на тридцать языков и продолжает выходить все новыми изданиями. Два года назад Александр Иванович прочел несколько лекций студентам Пхеньянского университета имени Ким Ир Сена. В знак благодарности слушатели поднесли ему экземпляр его труда.

Но хотя впервые «Возникновение жизни» было опубликовано около пятнадцати лет назад, Опарин продолжает и сегодня работать над дальнейшим развитием и обоснованием своей теории. Он считает долгом дать отпор каждой новой попытке идеалистов и мракобесов протащить в науку о мироздании враждебные всякому прогрессу представления о непознаваемой божественной воле. Ведь биология — наука о жизни — попрежнему является одним из основных плацдармов ожесточенной борьбы двух непримиримых философских лагерей — материализма и идеализма. И советский ученый силой всепобеждающего метода диалектического материализма сражается с оруженосцами мировой реакции.

С гневом перелистывает Александр Иванович страницы последнего сочинения одного из «светил» американской физики, Шредингера:

— Вот, полюбуйтесь!.. Формулы, таблицы, внешне наукообразный язык... а в конце концов вывод: «Жизнь — это шедевр господней квантовой механики», и познать ее человек бессилен.

С физиком Шредингером перекликается американский биолог Александер. «Под покровом тайны, — пишет он, — скрывается трон божества». Можно ли оставить без ответа эти вылазки поповствующих идеалистов, тянущих человечество назад, к средневековой мистике?!.

Теория Опарина объясняет одну из самых сложных тайн природы — возникновение живого из неживого. Она заполняет наиболее важный пробел в эволюционной цепи — разрыв между минеральным и органическим миром.

Книга Опарина показывает, как миллиарды лет назад на остывающей поверхности земли шли бурные химические реакции. В раскаленной атмосфере рождались новые соединения элементов.

Это был длительный, но строго закономерный химический процесс. Включая в свой состав азот, углеродистые соединения образовывали аминокислоты. Сцепляясь одна с другой, молекулы аминокислот меняли свое строение, все более приближаясь к сложной белковой молекуле. Так создавался исходный материал для постройки живой материи.

Проходили сотни миллионов лет. И вот на мелководье первобытных морей начали возникать студенистые, полужидкие комочки из соединения белковых веществ. Это были коацерваты. Крохотные капельки усложненной материи жадно впитывали растворенные в воде химические вещества. Миллиарды миллиардов этих капелек распадались, но некоторые оказывались устойчивыми, росли, развивались, делились.

По существу, это была уже живая материя. В ней происходил обмен веществ с окружающей средой. Она сохраняла свою форму, росла, обладала способностью к размножению. Вещество превратилось в существо.

В этой стройной, основанной на точных законах природы гипотезе не остается места для деятельности каких-либо непостижимых умом сил. Вмешательство «божественного начала» оказывается излишним. Где еще смогут окопаться проповедники непознаваемости мира? Материалистическое познание выбивает их с одной позиции за другой.

Когда-то Владимир Ильич Ленин писал: «...всякая, даже самая утонченная, самая благонамеренная защита или оправдание идеи бога есть оправдание реакции». Гипотеза Опарина направлена именно против тех реакционеров в профессорских мантиях, которых имел в виду В. И. Ленин.

Александр Иванович Опарин.

Фото Б. Игнатовича

* * *

Академик Опарин — ближайший ученик и последователь знаменитого русского ученого, создателя советской биохимии, Алексея Николаевича Баха. Биохимия — это наука о сложных химических процессах, протекающих в живых организмах. Продолжая работу, начатую Бахом, Опарин настойчиво изучает химическую жизнь клетки.

Еще в конце прошлого века Баху удалось раскрыть природу ферментов, чрезвычайно активных веществ, которые регулируют все химические процессы, происходящие в клетках растений и животных. Деятельность ферментов заменяет в живом организме высокую температуру, необходимую для большинства химических реакций. Ферменты помогают клетке быстро расщеплять попадающие в нее вещества и создавать из них другие, нужные организму. Но самый механизм действия ферментов выяснен еще далеко не полностью.

Опарин изучает ферменты не в искусственных растворах, а непосредственно в живой клетке. Это помогло ему объяснить сущность многих процессов, казавшихся непонятными. Но самое главное: найдены способы, позволяющие влиять на действие ферментов и изменять его в нужном человеку направлении.

Так наука выходит из лаборатории и идет на помощь производству.

Наука точных знаний становится наукой изобилия. С именем Опарина и его сотрудников связано немало достижений, которыми по праву гордятся советское сельское хозяйство и пищевая промышленность. Вот несколько таких примеров.

Издавна считалось, что сахарные заводы могут работать только сто дней в году. Дело в том, что в хорошей свекле сахар составляет одну пятую часть веса всего корня. Но достаточно этой свекле пролежать три—че-

тыре месяца, как содержание в ней сахара падает настолько катастрофически, что переработка ее становится нецелесообразной.

А между тем стоит удлинить лишь на один день срок работы сахарных заводов СССР, и это даст сумму, равную стоимости постройки целого сахарного завода.

Исследования Опарина и его сотрудников позволили продлить сезон сахароварения не на один день, а на сто! Некоторые наши заводы варят теперь сахар 200—230 суток в году.

Советские биохимики открыли ферменты, «пожирающие» сахар в свекле, и разработали такие методы ее хранения, которые нейтрализуют действие этих ферментов.

Много неприятностей причинил хлебопекам фермент со сложным названием «декстриноген-амилаза». Он образуется в муке, если уборка хлеба происходила в дождливую пору и отсыревшее зерно долго лежало непросушенным. Опарин нашел способ бороться с этим ферментом. А затем он предложил хлебопекам простые и удобные приемы, позволяющие в несколько минут определить качество муки.

Советская хлебопекарная промышленность — самая механизированная в мире. Благодаря помощи ученых наши хлебозаводы выпускают миллионы килограммов хлеба в день, не зная брака.

Опарина и его сотрудников можно встретить не только в цехах сахарных и хлебопекарных заводов. Теория ферментов и практическое ее применение создали совершенно новую отрасль биологии — техническую биохимию. А эта наука нужна повсюду, где человек имеет дело с растениями и их переработкой.

Почему один сорт пшеницы легко переносит засуху, а другой гибнет, едва почва обеднеет влагой? Почему одни арбузы созревают сладкими, а другие нет? Почему одни сорта яблок поспевают к июлю, а другие к сентябрю?

Техническая биохимия отвечает: это зависит от ферментов. Зная их действие, легко выбрать нужный, наиболее ценный в данных условиях сорт.

Но мало собрать хороший урожай. Его надо успешно переработать. И здесь помощь биохимика поистине неоценима.

Сколько веков пьют люди чай! Но до самого последнего времени никто, по существу, точно не знал, как обрабатывать листья чая, чтобы наверняка получать из них ароматный и крепкий напиток. На каждой плантации был свой доморощенный «знаток», который по цвету и запаху ферментированного листа определял, пора ли передавать его в сушку.

Работы Опарина дали чаеведам точную технологию производства, основанную на строго научной базе. Кустарщину заменили лаборатории, формулы, таблицы. Чай делают теперь так же уверенно, как пекут хлеб. Неожиданности исключены.

Недаром на плантациях Индии и Цейлона с такой жадностью изучают каждую новую работу советских чаеведов. В этой области мировой промышленности наша наука прочно заняла ведущее место.

А огромные подземные лабиринты винодельческих подвалов, где раньше годами выдерживалось вино, пока оно не приобретет «букет», определяющий его ценность? И они постепенно станут ненужными. Опарину уже удалось открыть фермент, небольшое количество которого, добавленное в вино, сокращает срок его «старения» во много раз. Раньше этот процесс тянулся много лет, теперь он заканчивается в несколько недель.

Есть область пищевой промышленности, выпестованная биохимиками с самой колыбели. Это — производство витаминов. Советские ученые нашли такие способы сушки овощей, когда в них полностью сохраняются все витамины, открыли новые виды сырья для производства этих «веществ жизни», создали отечественные синтетические витамины.

* * *

Не в традициях советских ученых замыкаться в стенах своих лабораторий.

«Избранники, занимающиеся наукой, — писал когда-то Тимирязев, — должны смотреть на знание, как на доверенное им сокровище, составляющее собственность всего народа».

Опарин верен этому завету великого русского ученого. Неутомимый популяризатор, он каждое свое открытие стремится донести до народа. В обширном списке его печатных работ специальные научные издания чередуются с популярными книжками для молодежи, статьями в «Энциклопедии», «Блокноте агитатора», комсомольской газете или детском журнале «Дружные ребята». Он часто выступает по радио или в лекториях Общества по распространению политических и научных знаний.

И, может быть, именно это горячее стремление нести знания народу впервые подсказало Опарину, что подлинная научная деятельность неразрывно связана с деятельностью политической. За право на науку человечество должно бороться так же, как за право на свободу. Ибо мировой фашизм в любом его обличии всегда пытается наложить оковы на работу ученого.

Александр Иванович хорошо помнит о своем первом столкновении с фашизмом. Это было много лет назад, в самые первые дни гитлеровской Германии. Как раз тогда он получил знаменательное письмо от одного из крупнейших немецких издателей:

«Мы очень хотели бы напечатать вашу книгу «Происхождение жизни», но вынуждены отказаться от своего намерения, так как часто упоминаемая вами фамилия Энгельс, к сожалению, не переводится на немецкий язык...»

Разве не перекликается это замаскированное издевательство с таким же лицемерно вежливым по форме, но достаточно настойчивым предложением «покинуть территорию Соединенных Штатов в разумный срок», которое получил Опарин от государственного департамента в дни работы американского конгресса деятелей науки и культуры в защиту мира в марте 1949 года? Тогда его доклады были намечены во многих научных учреждениях Америки. Но даже в Вашингтоне ученые ждали его напрасно. Правительство Трумэна испугалось свободного слова советского академика.

Впрочем, по-своему оно было право. Ибо сегодня борьба за расцвет передовой науки неотделима от борьбы с опасностью войны, разжечь которую пытаются Трумэн и его хозяева — враги всякого прогресса и свободы.

И разве не по ним били тогда гневные слова советского академика на конгрессе?

— Для ученого, — говорил Опарин, — настоящего, истинного ученого, совсем не безразлично, как используются, каким целям служат те достижения, в которые он вкладывает свой ум и свои творческие усилия. Совесть никогда не позволит ему равнодушно взирать на то, как дело его рук — пусть даже против его воли — используется для уничтожения ни в чем не повинного населения! И мы все, советские ученые, объединены в своем стремлении бороться за дело мира, против поджигателей войны!

В те дни еще был цел лежащий ныне в развалинах Пхеньянский университет. Но слова советского ученого уже предостерегали мир от кровавого разгула банд Макартура...

Вот почему и сегодня с той же последовательностью и настойчивостью, с какой он отвоевывает у природы ее тайны, академик Опарин отдает свои силы неутомимой борьбе за мир. Он борется за него оружием передовой науки.

Где бы ни выступал Опарин за последние годы: в Бухаресте или Праге, в Хельсинки или Берлине, на собрании общества французских биохимиков в Париже или перед корейскими студентами, — повсюду он говорил об истинном знании, устремленном на благо человечества, смело разоблачал фальсификаторов науки и отступников от ее высоких целей.

Послушное приказу Уолл-стрита, английское правительство запретило Опарину, ученому с мировым именем, въезд в Англию на Шеффилдский конгресс мира. Конгресс состоялся в демократической Варшаве. И там представители восьмидесяти трех стран единодушно избрали академика Александра Ивановича Опарина членом Всемирного Совета Мира. На этом ответственном посту он с достоинством выполняет благородный долг ученого, представляя самую передовую в мире советскую социалистическую культуру.

Таков облик ученого-патриота, выдвинутого студентами и профессорами научных учреждений Москвы кандидатом в депутаты Верховного Совета Российской Федерации.

А. ДОРОХОВ

Скульптурный портрет В. Маяковского работы М. Робермана.

ВЫСТАВКА, ПОСВЯЩЕННАЯ ВЫБОРАМ

В помещении минского Дома офицера открылась республиканская выставка работ белорусских художников, посвященная выборам в Верховный Совет республики. Широко представлены произведения живописцев, скульпторов, графиков и театральных художников.

Большое место в экспозиции выставки занимают произведения, посвященные образам великих вождей В. И. Ленина и И. В. Сталина. Вот перед нами монументальная скульптурная композиция: Ленин, устремивший взгляд вперед, широким жестом руки как бы указывает Родине путь в будущее. Рядом Сталин, его верный ученик, гениальный преобразователь нашей страны, сосредоточенно слушает любимого учителя.

Композиция эта, мастерски исполненная народным художником БССР, лауреатом Сталинской премии З. Азгуром, привлекает всеобщее внимание посетителей выставки.

Многие работы воссоздают славное революционное прошлое. А. Волков запечатлел в графике задушевную беседу Владимира Ильича Ленина и Иосифа Виссарионовича Сталина, встретившихся в предоктябрьский период.

Молодой художник П. Романовский показывает В. И. Ленина и И. В. Сталина в Смольном, в беседе с трудящимися. Гродненский художник В. Морозов в акварельной сюите «По сталинским местам» знакомит нас с пейзажами Кавказа, где начиналась революционная деятельность Сталина.

На картине Н. Овчинникова показан прием И. В. Сталиным в Кремле выдающегося преобразователя природы академика Т. Лысенко.

Среди участников выставки молодые ученики виднейшего ваятеля республики З. Азгура — А. Заспицкий и М. Роберман, представившие небольшие скульптуры Ф. Дзержинского и В. Маяковского.

Многие работы посвящены темам мирного труда. На большом полотне художника В. Цвирко отображен эпизод застройки колхозного села. В групповом портрете Л. Ран воссоздал образ знатных людей колхоза имени Молотова. Художник Х. Лившиц показал аппаратный цех Минского тонкосуконного комбината, М. Беленицкий — колхозную конеферму.

Выставка белорусских художников отображает огромные социалистические преобразования Белоруссии за годы советской власти.

А. ЕСАКОВ

ТИБЕТ

Китайская народно-освободительная армия идет на помощь тибетскому народу.

Н. НИКИТИН

В западной части Китайской народной республики на высоте более четырех тысяч метров над уровнем моря лежит горная китайская провинция Тибет. Площадь Тибета — более миллиона квадратных километров. Это площадь Великобритании, Франции, Дании, Голландии и Бельгии, взятых вместе. Живет в Тибете около трех миллионов человек.

Тибетцы называют свою провинцию «областью снежных гор». Высота горных вершин доходит там до семи тысяч метров.

В Тибете зима суровая, с долгими буранами и вьюгами, а лето жаркое, сухое. Осадков выпадает мало, в среднем не более 120 миллиметров в год. Зимой население терпит большие лишения от холода, летом — от засухи.

Крупнейший населенный пункт Тибета — Лхасса, главный город провинции, в нем живет около 20 тысяч человек.

Власть в Тибете сосредоточена в руках высшего буддийского духовенства и феодалов. Девяносто процентов тибетцев угнетаются сотней аристократических семей.

На самой высшей ступени иерархической лестницы стоит далай-лама (далай — высший, всемогущий). Нынешнему далай-ламе четырнадцать лет, до его совершеннолетия Тибетом правит регент.

Территория Тибета разбита на тринадцать районов, которые подчинены монастырям, возглавляемым ламами высокого ранга. Еще в средние века, когда далай-лама управлял государственными делами, был введен ранг панчен-ламы, ведавшего делами духовными и имевшего одинаковый вес с далай-ламой. Распри между монастырями и отдельными духовниками-феодалами вокруг политической и религиозной власти привели к тому, что панченлама был изгнан из Тибета.

...Когда подъезжаешь к Лхассе с востока, видно, как на одной из высот, окружающих город, в летнюю пору под солнечными лучами сверкает золотом крыша огромного белого здания с множеством окошек. Это постоянная резиденция далай-ламы — дворец Потала, построенный еще в средние века. Крыша главного здания покрыта листовым золотом, остальные крыши дворца-монастыря позолочены.

Богатства монастыря накоплены веками тяжелого труда простых тибетцев. Во дворце Потала собраны ценнейшие образцы тибетской графики, живописи, резьбы по дереву и кости, скульптуры — памятники искусства тибетского народа. Мелодичный перезвон колокольчиков, подвешенных под крышами зданий и качающихся от дуновения ветра, как бы напоминает о тех, на чьих костях стоят эти храмы.

В Тибете буддизм — единственная религия. Выступление против буддизма расценивается в Потале, как измена. Чтобы принудить народ покоряться буддизму, применялись средневековые пытки, казни. Предпоследний далай-лама, дух которого, согласно тибетской религии, «перевоплотился» после его смерти в нынешнего далай-ламу, ввел до двух десятков видов таких наказаний.

Все эти порядки сохранялись благодаря полуколониальному положению Тибета и всего Китая. Они до последнего времени поощрялись империалистами США и Англии, заинтересованными в том, чтобы держать Тибет в темноте и невежестве. Вот почему в провинции совершенно нет школ, если не считать нескольких школ для подготовки правительственных чиновников, и все население поголовно неграмотно.

Тибет называли страной монахов. Каждый мужчина здесь был обязан пробыть определенное время послушником в монастыре и работать на лам, как раб. Монахов же, постоянно живущих в пяти тысячах монастырях, насчитывается в Тибете более трехсот тысяч.

Низшее монашество, как и трудовой народ Тибета, находится в подчинении у богатых лам, управляющих монастырями и являющихся одновременно крупными феодалами. Они имеют свои поместья, владеют большими табунами скота, оросительными системами, залежами ископаемых. Далай-лама наделяет тибетскую знать большими привилегиями и правами. В своих поместьях тибетские аристократы до сих пор сами творят суд над арендаторами и многочисленными слугами, у них свои вооруженные отряды, арсеналы.

* * *

Обширная территория Тибета населена неравномерно. В западной части на расстоянии сотни километров редко можно встретить селение. Лишь в долинах и у рек кочуют стада горных баранов, пони и изредка яков. Иная картина на склонах гор и в долинах восточной и центральной части Тибета. Там чаще встречаются селения с крупными монастырями.

Долина реки Цзанпо — жизненно важный для Тибета район. Это цепь зеленых оазисов, окруженных обширными полями. Здесь проживает почти половина всего населения провинции.

Весной, которая в Тибете наступает очень рано, в долинах рек и на склонах гор зеленеет ячмень, цветут миндальные и абрикосовые деревья. Каждый мало-мальски пригодный кло-

Типы тибетских феодалов.

чок земли возделывается. Обрабатывается земля самым примитивным способом: мотыгой и сохой, которую тянет як, а часто и человек.

Нищета, голод, высокие налоги вынуждают крестьян зачастую отдавать детей (мальчиков) в монастырь, где ребенок и становится ламой на всю жизнь.

По горным дорогам и тропам, ведущим в Лхассу, вереницами движутся люди с тяжелой поклажей. В провинции нет ни одной дороги, по которой могла бы проехать хотя бы двуколка. Все грузы переносят на плечах носильщики или, в крайнем случае, их перевозят вьючные животные.

* * *

С древних времен тибетские далай-ламы получали от китайского императора грамоты на управление провинцией. В Потале хранится грамота, выгравированная на золотой дощечке. Она была пожалована китайским императором в XIV веке далай-ламе Лобзангу Красноречивому. Далай-лама посетил Пекин и был принят императором, как подчиненный правитель одной из провинций. В грамоте далай-лама признается главой провинции.

Еще в древности и в средние века в Лхассе постоянно находились два высших представителя пекинских властей — амбани, назначенные китайским императором. Амбаням был присвоен равный ранг с далай-ламой. Одни эти факты достаточно подтверждают, что Тибет издревле является частью Китая.

В тяжелые годы иностранных нашествий Китай неоднократно защищал тибетский народ. Так было в древности и в средние века, так было и в начале нашего века, когда военная экспедиция английских империалистов вторглась в Тибет, чтобы огнем и мечом покорить его. Далай-лама заручился тогда полной поддержкой Китая. Единство китайского и тибетского народов заставило английские войска оставить Тибет.

После ряда неудачных попыток отторгнуть эту провинцию от Китая Англия вынуждена была, по Пекинской конвенции 1906 года, безоговорочно признать суверенитет Китая над Тибетом. Конвенция 1914 года, подписанная представителями Англии в Симле, также указывает на то, что Тибет является китайской территорией.

Однако английские империалисты не прекратили своих происков в Тибете. Перед второй мировой войной Англия вела подрывную работу в Тибете совместно с Японией. Они стремились отторгнуть эту провинцию от Китая, превратить ее в военный плацдарм.

Давно замышляют отторжение провинции Тибет и американские империалисты. Они значительно позже англичан проникли в этот район, но сумели завербовать агентуру среди тибетской феодальной знати, в особенности среди непосредственного окружения далай-ламы. Еще в 1942 году, когда японские войска уже захватили жизненно важные районы Китая, американское Бюро стратегической службы (разведка) направило двух своих агентов для подрывной и шпионской работы против тибетского народа. В дальнейшем Тибет посещали под разными благовидными предлогами и другие агенты Уолл-стрита. Одним из последних побывал в Тибете под видом радиокомментатора известный разведчик Лоуэлл Томас, который, как сообщал журнал «Чайна мансли ревью», помимо инструкций госдепартамента, привез далай-ламе личное послание от Трумэна и большое количество подарков.

По возвращении в США Томас утверждал, что правители Тибета якобы хотят, чтобы США снабжали их современным оружием и направили «советников по вопросам ведения партизанской войны» против Народно-освободительной армии Китая. Вскоре правители Тибета заявили от имени несовершеннолетнего далай-ламы, что они намерены послать миссии в США и Англию, дабы объявить о «независимости» Тибета.

Летом прошлого года американские империалисты начали доставлять в Тибет вооружение. В Тибет был послан с «секретным поручением» некий Кермит Рузвельт, который создал при далай-ламе так называемый «военный кабинет».

Когда летом 1949 года гоминдановский режим был в основном разгромлен, власти Лхассы по указке американских империалистов устроили инсценировку «изгнания» гоминдановских представителей из Тибета. Агентство Синьхуа еще в сентябре 1949 года отмечало, что это было сделано по прямой указке английских и американских империалистов. Цель этой провокации заключалась в том, чтобы окончательно превратить Тибет в колониальную базу иностранного империализма.

* * *

Демократическая общественность Тибета выступила с решительным протестом против англо-американских притязаний в Тибете. Она обратилась к Центральному народному правительству Китайской народной республики с просьбой как можно скорее освободить провинцию Тибет и создать там народную власть. Находившийся в провинции Цинхай панчен-лама в своем телеграфном обращении к председателю Центрального народного правительства Мао Цзе-дуну и главнокомандующему Чжу Дэ поддержал эту просьбу. «Тибет,— писал панчен-лама,— является общепризнанной территорией Китая. Народ Тибета сам признает, что он — часть китайского народа. Поведение властей Лхассы нарушает территориальные права и противоречит желаниям народа Тибета».

Премьер Государственного административного совета и министр иностранных дел Центрального народного правительства Китайской народной республики Чжоу Энь-лай заявил, что Народно-освободительной армии приказано освободить народ Тибета и стать на защиту китайских рубежей. «Это мероприятие,— заявил Чжоу Энь-лай, — необходимое для безопасности нашей родины, мы стремимся осуществить путем мирных переговоров. Демократические элементы в Тибете приветствуют это, и мы надеемся, что местные власти Тибета не будут больше медлить с тем, чтобы вопрос получил мирное разрешение».

Но, как показали дальнейшие события, американские и английские империалисты еще более усилили нажим на окружение далай-ламы. Они потребовали, чтобы власти Тибета отказались от всякого соглашения с Центральным народным правительством.

Китайский народ преисполнен решимости освободить своих братьев-тибетцев и помочь им строить новую, свободную жизнь. Выполняя волю китайского и тибетского народов, Народно-освободительная армия Китая в конце октября прошлого года начала освобождение Тибета — последней провинции континентальной части Народной республики, находящейся еще под гнетом иностранного империализма.

Кавалерия Народно-освободительной армии Китая по пути в Тибет.

Народно-освободительная армия продвигается в трудных природных условиях. Отсутствие дорог, высокие горные перевалы, труднопроходимые тропы, бурные, горные реки, дремучие леса и джунгли осложняют быстрое продвижение. На пути Народно-освободительной армии один из самых высокогорных районов мира. Но никакие преграды не могут остановить воинов, несущих освобождение своим тибетским братьям! Они преодолели бурные верховья рек Янцзы, Меконг и Силуэн. Переправившиеся через горную реку Цзиньцацзян войска Народной армии освободили крупный стратегический пункт в Восточном Тибете — город Чамдо, расположенный на главном пути в Тибет. Население города, из которого пять тысяч — ламы, встретило освободителей с великими почестями.

Население освобожденных городов и деревень Тибета оказывает большую помощь и поддержку армии-освободительнице. Жители освобожденных районов предлагают свои услуги в качестве проводников, помогают переносить грузы и снаряжение, чинить дороги, строить переправы, вылавливать шпионов и диверсантов.

Коварный замысел англо-американских империалистов — отторгнуть Тибет от Китая и превратить его в плацдарм разбойничьей войны против народно-освободительного движения народов Азии — терпит крах. Как заявил заместитель председателя Центрального народного правительства Китайской народной республики Чжу Дэ, англо-американские агрессивные планы в отношении Тибета будут сорваны, и в недалеком будущем тибетский народ освободится от ига империалистов и их агентов.

Население радостно приветствует Народную армию-освободительницу.

КАДРЫ ИЗ ЦВЕТНОГО ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФИЛЬМА «ОСВОБОЖДЕННЫЙ КИТАЙ»

Суд над помещиком.

Правительство организовало детские сады и ясли для детей солдат и офицеров Народно-освободительной армии.

Китайская молодежь активно участвует в общественной жизни. Пионервожатая выступает в одной из пекинских средних школ.

Первое октября в Пекине. Народ восторженно приветствует своего вождя Мао Цзе-дуна.

КИТАЙСКИЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ В КОРЕЕ

Корейская газета «Нодон Синмун» печатает большое количество корреспонденций, рисующих благородный облик отважных китайских добровольцев.
Ниже публикуются отрывки из этих корреспонденций.

БОЙ В ГОРАХ

В горах началась метель. Китайские добровольцы лежали в кюветах горной дороги, на которой с минуты на минуту должна была появиться колонна автомобилей с вражеской пехотой. Китайские юноши прижимались к земле. Их все больше засыпало снегом — издали можно было подумать, что по краям дороги навалены сугробы.

Но вот послышался шум моторов, и тотчас прогремел сигнальный выстрел. На дорогу выскочила колонна грузовых машин с американскими солдатами. Китайские добровольцы дали один за другим несколько залпов и начали забрасывать машины гранатами. Ущелье огласилось воплями интервентов. И тогда все услышали голос командира китайских добровольцев: «Не давать врагу передышки! Третье отделение, бей передние машины, остальным продолжать огонь на месте!»

Командир отделения сразил четырех вражеских солдат из автомата. Следовавший за ним доброволец взял нескольких солдат в плен. Многие американские вояки забрались под машины, но их и оттуда вытащили. Добровольцы заставили этих солдат бросить оружие...

В другом бою отряд китайских добровольцев окружил большую группу американских и лисынмановских солдат. Вражеские солдаты не раз пытались вырваться из окружения, но натыкались на железное кольцо китайских добровольцев. На помощь окруженным были вызваны подкрепления. Но и к добровольцам торопились их китайские товарищи. С возгласами «За братский корейский народ, за нашу родину!» они устремились в атаку. Кольцо, в котором были зажаты враги, все сужалось, и вскоре на поле боя осталось несколько сот трупов неприятельских солдат.

ЮН БЕН ХУ ПИШЕТ ПИСЬМО В КИТАЙ

Юн Бен Ху, офицер корейской Народной армии, не раз отличался в боях с интервентами. Потеря близких, страдания родной земли не сломили его воли, а, наоборот, закалили ее. Солдаты любят своего офицера, потому что видят в нем пример доблестного служения родине.

Недавно газета «Нодон Синмун» опубликовала письмо Юн Бен Ху, которое он послал в Китай. Это волнующий человеческий документ, показывающий, как прекрасна дружба корейского и китайского народов — дружба, скрепленная кровью.

«Многоуважаемые китайские матери! Я вам пишу это письмо из маленькой корейской деревни, которую воины Народной армии только что освободили с помощью ваших славных сыновей. Землю вокруг этой деревни топтали американские варвары-людоеды. Они ничего не пощадили здесь. Все, созданное потом и трудом простых корейских людей, уничтожено. С тех пор, как Советская Армия в 1945 году освободила эту деревню, крестьяне построили здесь много новых домов. Они собирали богатые урожаи. Они украшали свои дома так, как никогда не украшали их до этого. Ведь все вокруг теперь принадлежало им, простым крестьянам, и только им! Но американские интервенты-людоеды все разрушили, все сожгли. И все же нам очень дорога эта деревня-пепелище!

Теперь деревня освобождена. Крестьяне спустились с гор. Они говорят: мы построим на этом месте новую деревню, и еще лучшую.

А мы вместе с вашими сыновьями идем вперед, мы стремимся на юг — к победе. И ваша горячая и святая любовь ведет нас вперед.

Нам очень тепло от этой вашей материнской любви и от ваших подарков.

Многоуважаемые китайские матери!

Спасибо вам за то, что вы воспитали таких смелых сыновей. Они героически сражаются, проливая кровь за счастье корейского народа.

Мы идем снова в бой! И мы верим в победу!»

ЕЩЕ ОДИН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ

«Я пишу эти строки в маленьком блиндаже, куда едва проникает солнечный свет», — так начинается письмо одного китайского добровольца своим родителям.

Письмо говорит о благородстве и храбрости китайских юношей, сражающихся плечом к плечу с солдатами корейской Народной армии.

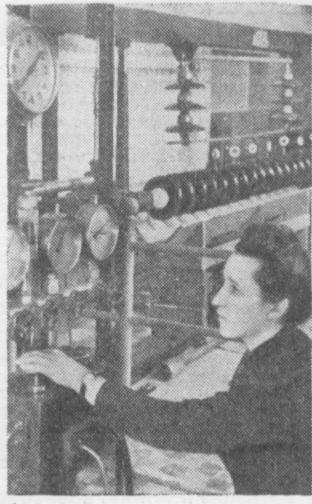
«Прошлой ночью мы форсировали реку Н., — говорится в письме. — Эту реку нельзя сравнить с нашей Янцзы — она, как ручей, и мы быстро преодолели ее... В эту ночь я опять мало спал. Но спать не хочется. Через небольшое отверстие в блиндаже я вижу поле с разрушенными фанзами. А рядом сожженные американские танки и машины, машины, машины.

Вчера там был бой. Мы находились на противоположном берегу реки и слышали, как вражеские солдаты говорили: «Мы отсюда не уйдем». Но вот сегодня ни одного из этих «храбрецов» не осталось. Они лежат у своих танков и машин, лежат мертвые.

С солдатами корейской Народной армии мы живем очень дружно...

Мы видим ужасные раны корейский земли. Видим много трупов корейских стариков, женщин и детей. Вот разрушенный бомбой маленький домик. У обвалившейся стены три трупа — муж, жена, ребенок. Повидимому, это молодые. Они недавно построили себе дом, получили от республики землю и хорошо жили. И вот сегодня нет этой семьи.

Вместе с бойцами корейской Народной армии мы будем мстить американским захватчикам за эти злодеяния, за гибель мирных корейских людей».

На Славянском арматурно-изоляторном заводе имени Артема. Лаборантка А. Т. Малеева проводит испытание подвесных высоковольтных изоляторов.
Фото И. Юшко

Почетный заказ

Нет, кажется, на заводе рабочего, который не знал бы о нем: заказ великих строек — предмет гордости всего коллектива.

Не впервые рабочим и инженерам Славянского арматурно-изоляторного завода имени Артема решать сложные технические проблемы. На Волховской и Днепровской ГЭС, на многих линиях электропередач стоят изоляторы с маркой Славянского завода. Марка эта — гарантия отличного качества, надежности в эксплуатации, устойчивости против атмосферных влияний и грозовых явлений.

Трудная техническая задача поставлена сейчас перед заводом. Нужно создать новый тип тяжелых подвесных высоковольтных изоляторов для гигантских линий электропередачи. Проблема эта решается в содружестве с коллективом ученых Москвы и Харькова.

В гостях у сталинградцев

Сталинградский вокзал... Часто сюда собираются десятки празднично украшенных автомобилей, стекаются колонны сталинградцев с красными бархатными знаменами и букетами живых цветов. Шумными аплодисментами, дружескими улыбками, крепкими рукопожатиями встречают трудящиеся города-героя своих многочисленных зарубежных друзей — посланцев миролюбивых народов.

На этот раз на вокзале особенно многолюдно. Сотни юношей и девушек Сталинграда пришли сюда, чтобы приветствовать молодых представителей нового Китая.

К перрону подходит поезд, раздаются возгласы на русском и китайском языках:

— Да здравствует великий Сталин!

— Да здравствует вождь китайского народа Мао Цзе-дун!

Сталинградцы радушно усаживают гостей в автомобили, и они едут в лучшую гостиницу города, чтобы отдохнуть с дороги.

На другой день на площади Павших борцов состоялся многотысячный митинг.

Делегатов нового Китая от всего сердца приветствовали секретарь Сталинградского обкома ВЛКСМ тов. Денисов, знатный сталевар завода «Красный Октябрь» тов. Сидельников и студентка сельскохозяйственного института тов. Самарская.

— Имя Сталинграда, — сказал в ответной речи Герой Народно-освободительной армии Китая, Чжао Синь-юань, — вдохновляло и вдохновляет воинов китайской армии на героическую борьбу за полное освобождение нашей родины от американских империалистов и их гоминдановских приспешников.

В тот же день гости посетили места, связанные с пребыванием в городе в дни царицынской эпопеи великого Сталина. В музее гости познакомились с документами, повествующими о великой Сталинградской битве, с биографиями защитников Сталинграда.

— У мужественных сталинградцев мы учились и учимся побеждать врага, — сказал Герой Народно-освободительной армии Китая Чжан Минь.

П. ЧЕРНУЩЕНКО

В Сталинградском музее члены делегации Китайской народной республики делают запись в книге отзывов.
Фото А. Брянцева

ВОЕННЫЕ «ЗАСЛУГИ» МИСТЕРА ЧЕРЧИЛЛЯ

...По соглашению с американцами Черчилль постоянно держит гитлеровских генералов в курсе переговоров трех западных держав о ремилитаризации Западной Германии и сообщает им «рекомендации», касающиеся создания западногерманской армии...

(Из газет.)

Рис. Н. Лиса

Черчилль: — Этот орден, генерал, я получил от вас за затягивание прошлой войны, а от американцев я получил орден за разжигание новой...

Замечания по поводу...

К ПОЛЕТАМ ДУАЙТА ЭЙЗЕНХАУЭРА В ПАРИЖ, ЛОНДОН, РИМ и т. д.

Дуайт, свершая свой «облёт»,
Напрасно лезет вон из кожи:
Бензина много он сожжёт,
Но все же мир поджечь не сможет!

ЦЗЯН ТИН-ФУ

Он ни пава, ни ворона,
Не китаец и не грек,—
Бродит в здании ООНа
Трюгвелиший человек.

Сергей ШВЕЦОВ

К НОВЫМ ВЫСОТАМ НАУКИ

В президиуме годичного собрания Академии наук СССР.

Фото Б. Николаева

Яркими электрическими огнями залит московский Дом ученых. Радиофицированные залы, большой и малый, вместительное фойе переполнены. Здесь собрались известные всей стране ученые — академики, члены-корреспонденты, профессора и доктора наук.

Годичные собрания Академии наук СССР стали нерушимой традицией: в начале февраля штаб советской науки подводит итоги своей многосторонней созидательной деятельности, направленной на благо народа.

В зале настороженная тишина. Берет слово вице-президент Академии наук академик И. П. Бардин. Он предлагает почтить светлую память безвременно скончавшегося, всеми любимого президента академика Сергея Ивановича Вавилова, крупнейшего ученого, выдающегося государственного и общественного деятеля. Все присутствующие в молчании встают...

1950 год, отметил И. П. Бардин, насыщен важнейшими событиями в жизни академии. Определяющее влияние на движение вперед советской науки оказали гениальные работы товарища Сталина в области языкознания. Борьба мнений, свобода критики, творческие дискуссии — вот путь развития, указанный И. В. Сталиным.

В то время, как капиталистические страны охвачены судорогами военной истерии, Советский Союз открыл новую эпоху покорения стихий природы силами разума, науки и техники. По великому сталинскому плану преобразования природы советский народ приступил к сооружению мощных гидроэлектростанций, грандиозных судоходных каналов, новых разветвленных оросительных систем, преобразующих лицо нашей планеты.

С большим докладом, посвященным основным итогам научной деятельности и внедрения в народное хозяйство законченных в минувшем году работ, выступил главный ученый секретарь президиума Академии наук академик А. В. Топчиев.

— Благодаря постоянной заботе и вниманию партии Ленина — Сталина, — говорит он, — советская наука стала самой передовой в мире, а советские ученые завоевали большой авторитет и глубокое уважение среди прогрессивных ученых всего мира.

Докладчик рассказывает о работах в разных областях естествознания, характеризует успехи армии советских ученых в физике и химии, в астрономии и геологии, технике и биологии. Множество приведенных примеров слагаются в величественную картину творческого расцвета и могущества нашей науки.

В помощь стройкам коммунизма включились почти все исследовательские учреждения академии.

Большими успехами увенчались труды биологов. Профессором О. Б. Лепешинской установлены неклеточные формы жизни и происхождение клеток из бесструктурного живого вещества. Создана новая теория развития клетки на основе диалектического материализма. Академиком Т. Д. Лысенко доказано в эксперименте, что, изменяя условия внешней среды, можно добиться превращения одного вида растений в другой. Тем самым по-новому поставлен вопрос об образовании вида, подвергнута критике теория примитивного эволюционизма — постепенного развития — в биологии.

В заключение А. В. Топчиев остановился на центральных задачах, поставленных перед академией в 1951 году.

С докладом «Новое в науке о биологическом виде» выступил Герой Социалистического Труда академик Т. Д. Лысенко.

На собрании было оглашено сообщение о присуждении золотых медалей и премий имени выдающихся ученых страны за лучшие научные работы. Академик И. П. Бардин вручает золотые медали имени И. И. Мечникова академику Т. Д. Лысенко, имени А. С. Попова — члену-корреспонденту Академии наук СССР А. Л. Минцу, имени А. П. Карпинского — доктору геологических наук профессору В. А. Варсанофьевой.

Двадцать восемь премий получает большая группа ученых разных специальностей.

Радиоприемник «Латвия»

Когда смотришь на новый приемник «Латвия», который выпускает сейчас Рижский завод «ВЭФ», то прежде всего привлекают внимание тщательность и изящность его внешней отделки. Приемник облицован полированной светлокоричневой фанерой из ценных пород дерева. Шкала нанесена на большой прямоугольник, наклонно расположенный в нижней части ящика. На шкале пять диапазонов: длинноволновый, средневолновый и три коротковолновых, два из которых полурастянутые, а третий растянутый. Это значительно облегчает прием коротковолновых станций.

Приемник имеет четыре ручки управления. Одна из них служит для переключения тембров: слушатель может выбрать наиболее приятный для него тембр голоса, или музыки.

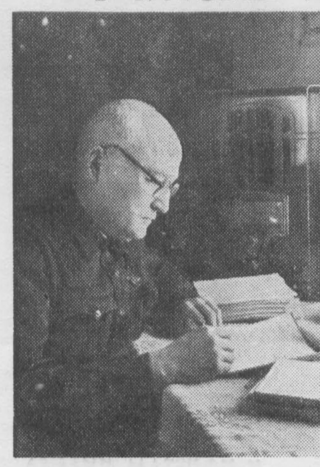
Новый приемник — 13-ламповый, поэтому длина его достигает 642 миллиметров, а высота — 406. Дозольно большой объем ящика повышает качество звучания.

Слушатели, уже приобретшие приемник «Латвия», дают ему высокую оценку: значительно снижены колебания звука, которые обычно бывают при приеме коротковолновых станций; облегчена отстройка от соседних станций.

«Латвия» по своим электроакустическим данным отнесена к приемникам 1-го класса.

Р. ЕВГЕНЬЕВ

Учитель из кишлака

Заслуженный учитель Таджикской ССР Абдулло-Заде Абдукахар.

Фото О. Кнорринга

Никогда еще, кажется, он не получал столько писем от своих учеников. Они узнали из газет: их учитель Абдукахар Абдулло-Заде — кандидат в депутаты Верховного Совета Таджикской ССР. И вот почтальон приносит в дом старого учителя послания воспитанников, согретые сыновней любовью.

Тридцать два года учительствует Абдулло-Заде. Памятны ему времена, когда нынешний кишлак имени Чкалова назывался еще Кастокоз, по имени бая, и не было еще той чудесной школы, в которой сейчас учатся дети дехкан. Их старшие братья и сестры, а может, отцы и матери тоже были учениками Абдулло-Заде. Слава учеников — инженеров, агрономов, врачей, артистов — согревает сердце старого учителя. Он перечитывает поздравительные письма, телеграммы.

Телеграмма от Ашуры из Сталинабада. Она окончила в кишлаке среднюю школу с золотой медалью и учится в университете. Из двадцати человек, окончивших прошлой весной школу, восемнадцать юношей и девушек поступили в высшие учебные заведения. Большинство — в педагогический институт: молодежь хочет пойти по стопам учителя.

Эти письма напомнили Абдулло-Заде Москву, Всесоюзную конференцию, а потом и Конгресс сторонников мира, участником которых он был.

Абдулло-Заде спрятал в стол письма, телеграммы и вышел из своего директорского кабинета в просторный коридор, наполненный шумной детворой. Девочки с тонкими, туго заплетенными косичками окружили его дочь,— она тоже стала педагогом.

— Отец! Дети спрашивают, написал ли ты уже о своем согласии баллотироваться в депутаты?

Учитель подошел к девочкам, погладил их иссиня-черные волосы и ответил так же, как дехканам на предвыборном собрании:

— Пусть сбудется воля народа!

Я. МИЛЕЦКИЙ

ДЕНЬ БОРТВРАЧА

Каждое утро на Горьковскую станцию санитарной авиации почтальон приносит пачку телеграмм и писем. Все они адресованы доктору Анне Николаевне Поляковой.

Седая женщина в белом халате, неторопливо надев очки, развертывает сложенные бланки и, быстро пробегая их, одновременно диктует дежурной сестре:

— В Петряксы — окулиста с медикаментами. В Починки —терапевта на консультацию. В Наруксово — отоларинголога с инструментами, будет операция...

Сняв телефонную трубку, сестра звонит в клинику медицинского института, на аэродром, метеостанцию, называет фамилии врачей и пилотов. Слушая ее, Анна Николаевна добавляет вполголоса:

— Татьяне Евгеньевне скажите, чтобы валенки взяла, ей от места посадки по снегу идти придется... Александру Иванычу напомните, чтоб тем же рейсом завез кровь в Лукоянов.

Анна Николаевна Полякова перед вылетом в очередной рейс.

Фото Н. Капелюша

Ампулы с кровью, которые надо доставить больному, лежат тут же на столе, надежно укутанные мехом. Рядом небольшие чемоданы с переносными рентгеновскими аппаратами. Напутствуя рентгенолога и техника, отъезжающих на аэродром, Полякова говорит:

— К двум часам пусть шофер за мной заедет. Мне сегодня в Воскресенское лететь.

С телеграммами и срочными вызовами покончено. Анна Николаевна пододвигает к себе письма с адресом:

«г. Горький, депутату Верховного Совета РСФСР А. Н. Поляковой».

«Друг доктор!..», «Дорогая Анна Николаевна!..», «Милая наша Аннушка!..» — задушевно и просто обращаются к своей избраннице люди самых различных возрастов и общественных положений. О многом приходится думать, о многом хлопотать, выполняя их пожелания и наказы. В селе Ильинском удалось по просьбе колхозников добиться открытия новой школы.

Бортврач! Только в нашей стране могла возникнуть и получить массовое распространение эта необычная специальность. Сорок лет назад, когда на московском ипподроме медичка высших женских курсов Полякова наблюдала первые полеты знаменитого Уточкина, она, конечно, не предполагала, что когда-нибудь аэроплан так же прочно войдет в ее обиход, как и трамвай.

Четверть века спустя, уже немолодой женщиной, матерью семейства, она посвятила себя новому делу со всем пылом юной курсистки. Ее не смущало, что вылетать порой приходится в непогоду, что над заволжскими лесами низкие облака прижимают самолет к самым макушкам деревьев, что посадка на вспаханном поле сопряжена с риском.

Лесорубы и трактористы, получившие внезапные увечья на работе, колхозницы в трудных родах, сельский учитель, свалившийся в приступе аппендицита, — кого только не оперировала хирург Полякова за пятнадцать лет работы в санитарной авиации! Друзья ее и спутники, пилоты, врачи, как-то подсчитали: Анна Николаевна провела в воздухе около четырех с половиной тысяч часов, налетала почти полмиллиона километров.

Сама Полякова, впрочем, равнодушна к подобной статистике.

— Не в цифре тут дело, — говорит она. — В нашей работе важно другое: плановость, регулярность, система. Авиация позволяет из областного центра повседневно руководить лечебным делом на местах, растить, воспитывать молодых врачей.

Неутомимой общественной деятельностью, самоотверженным служением народу Анна Николаевна Полякова завоевала всеобщую любовь и уважение среди своих земляков. Они вторично выдвинули ее кандидатуру в депутаты Верховного Совета РСФСР.

С. МЕСЯЦЕВ

Вот они в своем классе... Тут и воспитанники школы, и учителя, и гости.
На снимке (слева направо): Нина Дмитриевна Ковшова-Араловец, подполковник Б. Челлини, лауреат Сталинской премии В. Клевке, писатель В. Ажаев, кандидат химических наук Я. Зельвенский, кандидат химических наук, лауреат Сталинской премии Д. Циклис, кандидат физических наук А. Соколинский, инженер В. Пейсахов, писательница Л. Кабо, директор 276-й школы Щербаковского района В. Чичварин, учительница С. Кононова.

Фото Д. Бальтерманца

В своем классе

Есть у советской школы добрая традиция — проводить встречи с ее бывшими питомцами. Каждая такая встреча многому учит ребят, заставляет десятиклассников подумать о будущем. Взрослые приходят в свою школу, с которой связаны светлые годы их детства и юности, не ради одних только воспоминаний, задушевных разговоров. Они считают своим долгом как бы отчитаться перед школой во всем, что сделано ими за год — от встречи до встречи.

...Вечером на всех четырех этажах высокого здания 276-й школы на улице Мархлевского, в Москве, зазвенели голоса. На дверях классов появились необычайные указатели: «Здесь собирается выпуск 1920 г.», «Выпуск 1930 г.», «Выпуск 1940 г.», «Выпуск 1950 г.». В классах можно было встретить ученого с почетным значком лауреата Сталинской премии и писателя, имя которого известно сейчас всей стране, полковника, закончившего ратный путь в Берлине, и инженера, уже построившего не один завод. У входа в зал сидели парадно одетые десятиклассники и записывали всех, кто прибывал на дружескую встречу.

Директор школы В. Н. Чичварин, встречая гостей, рассказывал нам:

— Школа существует сорок лет. Двенадцать тысяч выпускников покинули ее стены. Среди них назову лауреатов Сталинской премии писателя Василия Ажаева, химиков Д. Циклиса и В. Клевке, солиста Большого театра И. Петрова, кинооператора В. Томберга. Нашу школу окончили заслуженная артистка республики С. Головкина, заместитель художественного руководителя театра имени Ермоловой В. Комиссаржевский, артистка того же театра Софья Сайтан... Здесь училась Герой Советского Союза Наташа Ковшова.

В одном из классов школьники окружили высокую женщину с грустными глазами. Она провела рукой по парте и сказала:

— Здесь сидела Наташа Ковшова, моя дочь...

Нина Дмитриевна достала из папки письма дочери, полученные в 1941 году с фронта. С напряженным вниманием слушали школьники строки, полные горячей любви к партии, товарищу Сталину. «Я твердо верю в нашу победу,— писала 18 сентября Наташа.— Скорей бы в бой. Мне кажется, что как только наш отряд пойдет в бой, так и покатится обратно поганая фашистская свора». В другом письме, к своей школьной подруге, Наташа мечтала о таком вечере, как сегодня в школе, о встрече с друзьями. «Как было бы хорошо... после войны собраться всем вместе в школе, вспомнить о боях и подумать о будущем, о новой жизни»...

Каждый год встречаются школьные друзья, и после войны всегда они вспоминают отважную партизанку, свою подругу Наташу Ковшову, в которой педагоги воспитали смелость и безграничную любовь к Родине.

Открывая традиционный вечер выпускников, писатель Василий Ажаев с любовью говорил о школе, благодарил учителей за все то хорошее, что они дали ему и многим товарищам. Он рассказывал о творческих планах, работе над новой книгой, о своих поездках и общественных делах. С таким же отчетом о работе за год выступали и подполковник В. Челлини, и В. Маркович, лишь в прошлом году надевший студенческий мундир Московского геологоразведочного института, и лауреат Сталинской премии Д. Циклис.

— Работать только на «пять»,— призвал в заключительном слове Василий Ажаев.— На следующей встрече, через год, расскажем школе о новых успехах в труде, учебе, творчестве. До встречи в будущем году, друзья!

Е. РЯБЧИКОВ

Модели этого года

Когда соседки или знакомые спрашивают Юндеву: «Ну, что нового, Людмила Кузьминична?» — она знает, что речь идет не о ее семейных новостях. У Людмилы Кузьминичны такая профессия, что ее рабочие дела волнуют всех знакомых женщин. Впрочем, не только знакомых и не только женщин — мужчины справляются реже, но это не значит, что интерес их к работе Юндевой меньше.

Четыре месяца тому назад в ассортиментном кабинете Министерства легкой промышленности СССР был открыт трикотажный отдел, начальником которого назначили Л. К. Юндеву. С тех пор все новое и интересное, что изготовляется трикотажной промышленностью Советского Союза, не минует ее придирчивого взгляда.

Под руководством Людмилы Кузьминичны работники кабинета готовят выставки, проводят конкурсы, отбирают лучшие образцы для массового выпуска изделий на фабриках. Совсем недавно отсюда на международную выставку в Лейпциг ушло 300 экспонатов.

Мы побывали в ассортиментном кабинете в тот момент, когда здесь шло заседание художественного совета министерства. У стендов Подольской фабрики стояли столы, за которыми сидели члены совета, а вокруг расположились представители других предприятий. Из внутренней комнаты показалась женщина в элегантном синем шерстяном жакете. Она обошла присутствующих. Руководитель художественного совета обратился к сидящим:

— Кто хочет высказаться?

Но и до его вопроса было ясно, какие последуют высказывания: женщину встретили одобрительными репликами: «Очень интересный орнамент», «Хорошо задуман крой спины», «Оригинальные карманы, надо это практиковать». Потом началось детальное обсуждение модели.

На выставке трикотажных изделий.

Фото Б. Дмитриева

Полчаса спустя столы «переехали» к стендам Тушинской чулочной фабрики.

Мы долго ходили мимо стендов экспонированной здесь выставки трикотажных изделий, готовящихся к весенне-летнему сезону 1951 года. Тут представлены пока модели только ленинградских и московских фабрик, но их уже более двух с половиной тысяч штук. А со всех концов Союза все поступают и поступают образцы. На стендах можно увидеть яркие детские костюмы, юбочки со свитерами, отделанные красивой вышивкой, дамские платья и жакеты, халаты, пижамы.

При каждой фабрике есть лаборатория. Это фабрика в миниатюре — тут и швейное и вязальное производство. Когда художник замышляет какое-нибудь изделие, а замышляет он его всё целиком — и фактуру, и расцветку, и фасон, — он предлагает лаборатории исполнение образца. Приходится думать о подборе цветных нитей для полотнищ, делать точный математический расчет. Тут на помощь художнику приходит мастер.

С каждым днем все больше и больше работы в ассортиментном отделе — новые выставки, конкурсы, отборы. В 1951 году выпуск трикотажных изделий увеличится по сравнению с предыдущим годом на тридцать процентов, и ассортиментному кабинету есть над чем потрудиться.

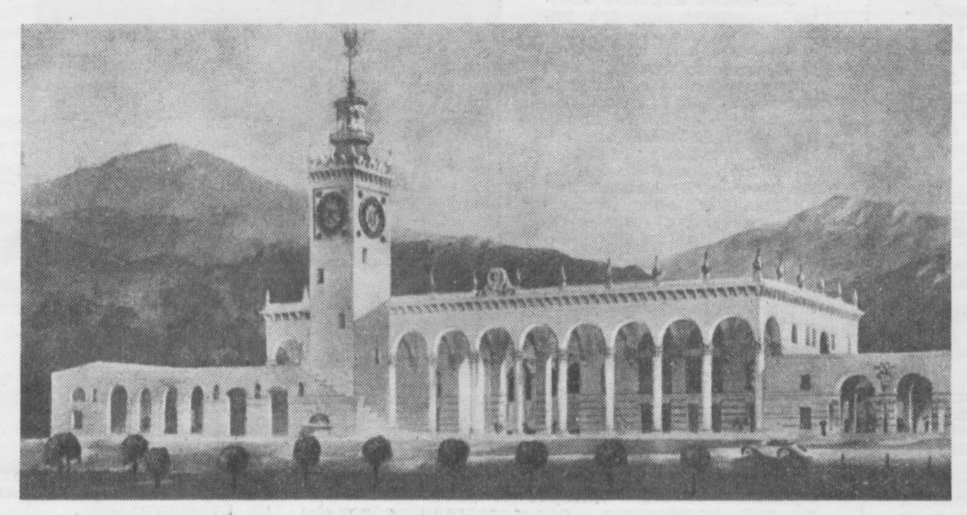
Е. ТАРХАНОВА

Новые вокзалы

В конце этого года в Сочи будет открыт новый вокзал. Со вкусом оформленное здание украсит преддверье города-курорта. Запроектированы просторные залы для пассажиров, читальня, комфортабельная гостиная, вестибюль, лепные украшения, изящная мебель, люстры.

Вокзал строится по проекту хорошо известного в стране архитектора Алексея Николаевича Душкина. По его проекту построена станция метро «Маяковская», а теперь возводится высотный дом у Красных ворот.

Сочинский вокзал — одно из многих станционных зданий, построенных после войны. В минувшем году на железнодорожных магистралях страны появилось более трехсот новых вокзалов. Их можно видеть на узловых и линейных станциях, когда едешь из Москвы в Симферополь, Сочи, Киев, Одессу, Ригу, Брест, Ленинград. Не так давно гостеприимно распахнулись двери вокзалов в Чернигове, Виннице, Армавире. Строятся вокзалы также в Одессе, Симферополе и Днепропетровске, Курске и Харькове.

Так будет выглядеть сочинский вокзал.

В сооружении и восстановлении станционных зданий участвуют лучшие советские архитекторы. Они вкладывают в свой труд много творческой инициативы и мастерства, стремясь, чтобы новые вокзалы были красивее и удобнее прежних. Большое внимание уделяется отделке зданий.

Стройки вокзалов по праву считаются на транспорте ударными стройками.

СОЛНЕЧНЫЙ ПУТЬ

Всего лишь три года назад на экранах нашей страны с успехом демонстрировались документальные киноочерки о первых послевоенных днях молодых советских республик Латвии и Эстонии.

Сейчас вышли новые цветные документальные фильмы «Советская Латвия» и «Советская Эстония» [1].

Три года — короткий для истории срок. Но как изменился облик республик, как преобразились латвийские и эстонские земли! Там, где немецко-фашистские оккупанты оставили за собой так называемую зону пустыни, колосятся колхозные нивы, вырастают красивые, комфортабельные дома, воздвигнуты огромные корпуса заводов и фабрик.

Новые фильмы отражают невиданно быстрый рост народного хозяйства республик. Побывав у рабочих Электротехнического завода — на родине стахановского движения в Латвии — или в знаменитом сланцевом бассейне «Эстонском Донбассе», в одном из латвийских портов или на Кренгольмской мануфактуре, — зритель всюду видит самую совершенную технику, видит людей, устремленных в будущее, своими делами приближающих это светлое будущее — коммунизм.

Ярко и убедительно об этом же рассказывают кадры, посвященные работе Торфокомбината в Тоотси (Эстония). Кинообъектив представляет зрителю группу работников комбината, удостоенных Сталинской премии за изобретение фрезерного торфокомбайна.

Кадр из фильма «Советская Эстония». Радостным праздником отметил эстонский народ десятилетне своей республики.

Не менее глубокие перемены произошли и в деревне. Никогда еще не видели поля Латвии и Эстонии таких мощных сельскохозяйственных машин —десятки МТС обслуживают колхозное крестьянство Прибалтики.

Экран воспроизводит целую галерею знатных людей колхозной деревни, в недавнем прошлом бесправных батраков и батрачек. Это бригадир А. Уэрт, лучшая доярка Сабина Боровик, Герой Социалистического Труда конюх А. Катковский («Советская Латвия»), Председатель колхоза «1-е Мая» Мария Вахеоя, Эльмина Отсман — первая девушка-трактористка и комбайнерка, семья Героев Социалистического Труда — животновод И. Паукку и доярка Л. Паукку («Советская Эстония»). Колхозы принесли этим людям новую жизнь, счастье творческого труда, всенародную славу.

Неповторимы национальные особенности каждого народа, и потому поразному решают творческие задачи съемочные коллективы фильмов «Советская Латвия» и «Советская Эстония». Но есть черты, свойственные всем народам нашей страны, и они, эти черты, нашли отражение в кинокадрах: пафос вдохновенного созидания, последовательная борьба за мир роднят оба фильма.

О счастливой жизни поет латышский народ: «Дорогою Ленина к счастью и славе, со Сталиным в сердце к победам идем...»

Ликующим гимном звучит: «Путь солнечный народ Эстонии избрал. Нас ведет Сталин!»

Точно перекликаясь, разрастаются эти песни, их слышат все, кому дорог мир, все республики нашей Родины, все страны, все народы.

[1] «СОВЕТСКАЯ ЛАТВИЯ». Сценарий В. Калпиньша и Ф. Киселева. Режиссер — Ф. Киселев. Главный оператор — В. Масс. Производство Рижской киностудии.

«СОВЕТСКАЯ ЭСТОНИЯ». Сценарий И. Бачелиса. Режиссеры — И. Гиндин и В. Томберг. Операторы — В. Парвель и С. Школьников. Производство Таллинской киностудии.

В. Загонек. «ВЕСНА В КОЛХОЗЕ».

Филиалы художественной выставки

Вслед за открытием в Третьяковской галерее Художественной выставки 1950 года в Москве открылись еще три филиала этой выставки.

Представленные на них произведения многосторонне отражают жизнь нашей страны, воспроизводят ее славное прошлое, рисуют успехи мирного, созидательного труда, яркие образы передовых советских людей. Подавляющее большинство произведений выполнено на высоком профессионально-художественном уровне.

В центре внимания зрителей монументальное полотно «Великая клятва» — коллективная работа художников Н. Бабасюка, Р. Зеньковой, А. Папикяна, Ю. Подлясского под руководством А. Герасимова и картина С. Дудника «Дети приветствуют И. В. Сталина в день 70-летия».

Среди историко-революционных полотен выделяются картины В. Булгакова «Ленин и Сталин обсуждают план разгрома Деникина», М. Антоняна «И. В. Сталин у гроба В. И. Ленина».

Тема мира, волнующая сейчас всех честных людей на земле, получила воплощение в живописи, скульптуре, плакате, графике.

Три новых выставки позволяют отметить значительные успехи изобразительного искусства. Бесспорный шаг вперед сделан в жанровой живописи, —это одно из серьезных достижений истекшего года.

Характерная особенность нынешнего смотра — большое количество работ молодых художников, впервые дебютирующих на всесоюзных показах. Среди них — свыше тридцати выпускников художественных вузов, представивших свои дипломные работы.

Радует рост художников периферии Российской Федерации.

Удачно выступили в этом году мастера ряда союзных республик, особенно Прибалтики, Средней Азии, Белоруссии, Украины.

Следуя лучшим традициям классического и советского искусства, всемерно развивая чувство нового в оценке явлений нашей жизни, год от года растет и крепнет творчество советских художников.

Студия живописи на заводе

...Покосившаяся хатенка с ветхой соломенной крышей. Убогий кувшин, надетый на кол старого плетня. Двор пустой — хоть шаром покати.

Знакомая картина жизни дореволюционного украинского села.

Все это мы видим на полотне стахановца киевского завода «Большевик» Николая Демьяненко.

Другие его картины посвящены величайшим социалистическим преобразованиям, происшедшим на селе за годы советской власти. Вот новая, колхозная деревня с правильно распланированными улицами, красивыми, благоустроенными домами, добротными колхозными строениями. Производится посадка полезащитных полос. К хлеборобам из города приехал ученый, он помогает оградить плодородные поля от губительных суховеев.

Николай Демьяненко — сын колхозника, уроженец села Белозерье, Черкасского района, на Киевщине. С детства он проявлял большой интерес к рисованию. Еще в школе-семилетке преподаватели обратили внимание на выдающиеся способности мальчика. Однако война помешала осуществлению его заветной мечты.

В рядах Советской Армии Николай Демьяненко каждую свободную минуту посвящал рисункам — отображению боевых эпизодов, показу героизма защитников Родины, их непоколебимой веры в победу над врагом. Через огонь сражений пронес он свой альбом художника.

Занятие в студии живописи при Дворце культуры завода «Большевик» в Киеве. На переднем плане стахановец Н. Демьяненко.

После демобилизации, возвратившись в 1947 году в Киев, тов. Демьяненко поступил на завод «Большевик». Узнав, что во Дворце культуры завода создана студия живописи, он сочетает работу с учебой, упорно совершенствует мастерство живописи. Его последние работы навеяны любовью к русской классической литературе — «Дуэль Пушкина и Дантеса», «Цыганы» и другие.

Кроме Н. Демьяненко в студии занимается рабочий котельного цеха Золотов, который вместе с ним готовится к поступлению в Киевский художественный институт. Участник Великой Отечественной войны мастер токарного цеха Ильницкий увлекается акварелью. Он написал картины «Отражение вражеской атаки» и «Встреча героических советских воинов двух фронтов под Сталинградом».

По вечерам за мольбертами во Дворце культуры можно часто видеть рабочих и специалистов завода. Студией руководит художник А. И. Гасенко, воспитанник Ленинградской академии художеств.

В. КУЧЕР, Е. КРЫЖАНОВСКИЙ

МАРКСИСТСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ — ШКОЛЕ

Академик В. В. ВИНОГРАДОВ

Труды И. В. Сталина по вопросам языкознания, открывшие новую эру в развитии советской науки о языке, произвели коренной переворот в методике и практике преподавания языков.

Советская школа тесно связана с общим прогрессивным движением советской науки и культуры. Достижения науки у нас незамедлительно переносятся в практику, направляют ее развитие. Естественно, что обнародование гениальных трудов И. В. Сталина по языкознанию привело к коренной перестройке всей системы обучения родному и иностранным языкам в свете сталинских указаний.

Дело в том, что так называемое «новое учение о языке» академика Н. Я. Марра успело пустить свои корни и в советской школе. Под его влиянием грамматика преподавалась в крайне искаженном виде. Сам Н. Я. Марр отрицал грамматику как учение о строе слова и строе предложения. Он подменял ее антиисторическими и фантастическими домыслами о скачкообразном развитии языка и мышления в связи со сменой общественных формаций, а также гаданием «на кофейной гуще вокруг пресловутых четырех элементов».

«Ученики» Марра признали квинт-эссенцией, сгустком языка, синтаксис, рассматривая его как некоторую сумму универсальных, всеобщих «оголенных понятийных категорий», посвоему выраженных в языках разных систем. Они презирали и объявляли «языковой техникой», привлекательной лишь для формалистов, морфологию — тот раздел грамматики, который занимается описанием форм слова, изучением системы изменений разных разрядов слов, изложением правил их изменения.

В период господства марровской «теории» страницы методических и педагогических журналов пестрели комическими наставлениями, поучающими, как надо извлекать классовую идеологию из языка, отыскивая ее как в связном целом предложении, так даже и в отдельных словах.

Вместо осмысленного и развивающего изучения живого родного языка, его грамматического строя, его выразительных средств прививалось оторванное от действительности теоретизирование, направленное на внедрение понятия о языке как идеологической надстройке классового характера.

Нашлись даже такие преподаватели, которые внушали ученикам пятого класса мысль о приятности и полезности анализа слов по марровским четырем элементам. Эти преподаватели учили автоматически собирать огромные гнезда слов, с запрятанным в них одним и тем же элементом, вроде: солнце, слепой, след, слеза, слух (элемент сал). В чаду этой бредовой фантасмагории «ябеда» в сознании некоторых преподавателей возникала из «я» и «беда», «ноздря» — из «нос» и «дыра». Что было делать, раз «Н. Я. Марр считал грамматику пустой «формальностью», а людей, считающих грамматический строй основой языка — формалистами» (Сталин).

Труды И. В. Сталина по вопросам языкознания вносят яркий свет и в методику и практику обучения языку. На их основе должно быть решительно перестроено преподавание родного и иностранных языков. Огромное и важное дело воспитания подрастающего поколения, призванного завершить построение коммунистического общества в нашей стране, получает в этих работах новые марксистские теоретические основы. Это в особенности относится к изучению в средней школе языка, который является важнейшим средством общения, орудием борьбы и развития общества.

Перед советской школой встала ответственная и важная задача: реализовать великие творческие идеи товарища Сталина по вопросам языкознания в преподавании русского и других национальных языков, внедрить марксистское языкознание в школьную практику. Решение этой задачи требует содружества языковедов с методистами и преподавателями языков, сочетания научной теории и практики.

Именно с этой целью была организована Объединенная сессия отделения литературы и языка Академии наук СССР и Академии педагогических наук РСФСР, посвященная работам И. В. Сталина в области языкознания и вопросам преподавания языков в советской школе. Сессия прошла в обстановке творческого сотрудничества работников науки с учителями русских и нерусских школ и вызвала широкий отклик и напряженный интерес в рядах языковедов, педагогов и советской общественности.

В развернутом постановлении, принятом на сессии, указывается объем и содержание русской грамматики как основного предмета школьного обучения русскому языку, определяются цели и задачи преподавания литературного произношения и орфографии.

Грамматическая теория при изучении языка должна быть неразрывно связана с практикой. Ведь грамматика, излагая правила изменения слов и правила сочетания слов в предложении, служит в то же время основой создания и закрепления орфографических и пунктуационных навыков. Кроме того в связи с изучением и усвоением грамматической теории происходит упорядочение и обогащение речи учащихся.

Для успешного осуществления этих задач необходимо освободить теоретический курс русского языка от всего того, что не имеет существенного образовательного или практического значения, от дробного перечня мелких, нередко надуманных правил и исключений из них.

В постановлении подчеркивается необходимость широкого ознакомления учащихся со словарным составом языка: намечается место семантики (смысловой стороны языка) в общей системе изучения языка. Учащиеся должны получить ясное понятие о словарном богатстве русского языка, о тонко развитой системе значений и оттенков, свойственной русским словам, об источниках пополнения словарного состава русского языка. На материале современного русского языка должен быть наглядно показан глубокий смысл сталинского обобщения, сталинской афористической формулы: «Словарный состав отражает картину состояния языка: чем богаче и разностороннее словарный состав, тем богаче и развитее язык».

Расширению словаря учащихся, освоению разнообразных пластов словарного состава русского языка должно быть уделено особенное внимание. Следует более точно определить объем словаря, которым должны овладеть учащиеся. Работа над обогащением словаря учеников должна вестись главным образом на уроках объяснительного и литературного чтения.

В постановлении рекомендуется также освободить грамматический разбор от неоправданного осложнения, целиком подчинив его задачам прочного усвоения знаний и навыков, и рассматривать явления языка, по возможности, в исторической перспективе.

Принцип историзма прежде всего должен найти свое выражение при освещении явлений современного русского языка. Преподаватель должен уметь различать в нем элементы живые, развивающиеся и вновь возникающие, и элементы отживающие, отмирающие или даже вымирающие. Он обязан убедительно показать учащимся эту динамику развития языка, этот процесс постепенного и непрестанного накопления элементов нового качества, новой структуры языка и отмирания элементов старого качества. Важно также показать учащимся пути и формы совершенствования языка, раскрыть перед ними на ярких и доступных иллюстрациях связь языка с историей народа — его творца и носителя.

Само собой разумеется, что, обучая школьников русскому языку, следует дать им некоторые сведения о языке как общественном явлении, на основе работ товарища Сталина по вопросам языкознания показать значение языка в истории развития общества.

Учащиеся должны получить ясное представление о величии и мощи русского языка. Для этого необходимо прививать им живое чутье выразительных средств русского языка, его синонимики, его стилистического многообразия, пользуясь яркими, выразительными примерами лучших произведений русской художественной и научно-публицистической литературы XIX и XX веков. Пробуждение любви к русскому языку сыграет большую роль в воспитании у наших учащихся советского патриотизма. Оно усилит и умножит их познавательный интерес к более глубоким сторонам истории и современной системы русского языка.

При изучении русского языка в нерусских школах надо сосредоточить внимание на практическом овладении этим могучим средством межнационального общения народов Советского Союза. Изучение русского языка, его грамматического строя и словарного состава в нерусских школах должно опираться на знание учащимися родного языка и сопровождаться необходимыми сравнениями структур того и другого.

Естественно, что в преподавании родных языков в школах народов Советского Союза следует руководствоваться теми же принципами, какие ложатся в основу обучения русскому языку. Однако нельзя забывать специфические особенности каждого языка.

Основная задача обучения иностранным языкам — научить школьников читать, понимать и переводить иностранный текст в подлиннике, а также укрепить у них навыки иностранной устной и письменной речи. Сопоставление с родным языком содействует ясному осознанию особенностей иностранного языка и углубленному пониманию своеобразия родного.

Таким образом, Объединенная сессия чрезвычайно ярко и наглядно продемонстрировала готовность советских языковедов и представителей русского, родных и иностранных языков приложить все свои силы к тому, чтобы окончательно освободиться и освободить школьное преподавание от ошибок так называемого «нового учения о языке», ликвидировать вредные последствия теории Н. Я. Марра и быстрее осуществить гениальные указания И. В. Сталина по вопросам языкознания.

Предстоит большая и углубленная работа по пересмотру методики преподавания языков на новых, научных основах, по созданию новых учебников, учебных пособий, программ. Ряд вопросов школьной методики и практики преподавания языков не может быть решен без предварительного теоретико-лингвистического исследования. Точно так же осуществление таких задач, необходимых для подъема культуры речи, как составление словарей для школы — толковых, этимологических, синонимических и орфографических,— невозможно без помощи специалистов.

Преподаватели языка и методисты справедливо указывали в своих выступлениях на сессии, что советские философы и языковеды должны в ближайшее время создать ряд трудов, посвященных разработке марксистского учения о связи языка и мышления, о соотношении грамматики и диалектической логики, о языке и художественной литературе, о стиле писателя или литературного течения, о внутренних законах развития языка.

Выдвигалась также проблема упорядочения терминологии, отмечалась потребность в учебнике по лексикологии, то есть по той языковедческой дисциплине, которая исследует закономерность исторического развития словарного состава языка и характеризует его состояние на каждом этапе его истории.

Объединенная сессия положила начало творческому содружеству работников науки и учителей-практиков и доказала необходимость его дальнейшего роста. Мобилизовав свои силы и знания, армия советских лингвистов и педагогов добьется новых успехов в развитии советского языкознания в свете сталинского учения о языке и в применении основных его положений к практике. Тем самым приблизится к своему полному разрешению величественная задача, стоящая перед советской школой,— готовить подлинных, творчески мыслящих строителей коммунизма, высокограмотных и культурных людей.

ХЛЕБ ЖИЗНИ

Рассказ

П. ПАВЛЕНКО

Рисунок В. Высоцкого

— Это не нас ли встречают? — вглядываясь в дальний, теряющийся у горизонта конец шоссе, недоуменно произнес водитель «Победы» и мельком взглянул на пассажирку, сидящую рядом с ним. То была кандидат в депутаты, известная в этих местах мастерица высоких урожаев Анна Георгиевна Птицына, невысокая, худощавая и, судя по зоркому взгляду ее серых, все время напряженных глаз, горячая нравом.

— Меня? — забеспокоилась она и быстро обернулась к сидящему на заднем сиденье. — Товарищ Бучма, а товарищ Бучма?

Второй секретарь райкома, с полчаса как вздремнувший — он не спал вторые сутки напролет,— пробурчал, не раскрывая глаз:

— Да-да... как же... — но тотчас проснулся, проглотил слюну, отер ладонью губы и обеспокоенно взглянул на дорогу, где, сливаясь с серыми тонами неба и земли, смутно угадывались люди.

— Точно, точно. Это нас встречают, — еще без всякого отношения к событию, не одобряя и не браня, установил он. — Это их, верхнезапрудские школьники, — и только сейчас проснулся по-настоящему. — Вот же самовольщина, скажи, пожалуйста! — рассердился он вслед за тем. — Вчера еще был у них и все объяснил — и что собираемся в Доме культуры, и что в три часа ровно, и что прибыть всем на машинах, а они!.. Вот же партизаны, честное слово!

Кандидат в депутаты взглянула на щиток «Победы» — часы показывали близко к двенадцати — и перевела глаза в сторону от дороги.

День был на редкость плох. Разгонистый ветер, крепчавший с рассвета, забелил лужи в колеях и приклеил к дороге сухие клочья перекати-поля, вихры соломы и грязные стружки, занесенные бог знает с какой далекой колхозной стройки.

Горизонт с утра синел, набухал, грозил снегопадом, а сейчас был иссиня-черен, точно там, вдали, уже давно стояла глухая ночь. Повертривало как следует. Холмики гравия по краям дороги, голые сады, широкие полосы паров за ними и скирды сена у горизонта были одного темнокоричневого, земляного тона и казались вылепленными из грязи.

Даже зеленые пространства дружно взошедших озимей, полузапорошенных осенней пылью и первым снежком, были сейчас белесо-зеленоватыми, с коричневым земляным налетом.

— А школьников-то вы напрасно, товарищ Бучма, пешком пустили, — сухо сказала Птицына.

— Что ж теперь делать, Анна Георгиевна? Это знаете, почему они в степь вышли? Первыми приветствовать. А как же! Ребят-то не пригласили на встречу, вот они и подумали по-своему...

Водитель машины, зрение которого было лучше, чем у его пассажиров, заметил Бучме:

— А тут, Евгений Андреевич, не только школьники. Я и взрослых замечаю.

Бучма пошевелился, ничего не ответив. Пусть уж что будет, то и будет! Но Птицына, которая умела и любила выступать по писанному, с цифрами, была раздражена. Она выступала уже и третьего дня и вчера и очень устала от этого непривычного занятия, а ей предстояло говорить и сегодня и завтра, и она все время беспокойно думала об этих докладах с цифрами и цитатами. «Легче гектар сада перекопать»,— мелькнуло у нее.

И вот подите же! Сейчас ей придется опять выступить, и теперь уже без всякого плана, перед детьми, которых она не сможет забрать с собой в машину, а должна будет оставить на краю станицы. Это казалось ей поступком жестоко бюрократическим, хотя она и не знала, как поступить иначе.

— Перепростудятся еще, — произнесла она вполголоса.

— Ну за это, товарищ Птицына, не беспокойтесь, — улыбнулся водитель. — Наши степняки — народ цельносварной, без швов. Да там, гляжу я, кроме детей, народу-то!

Теперь уже и сама Птицына видела, как навстречу машине, согнув головы под ударами расходившегося ветра и едва удерживая в руках картонные транспаранты, узенькой колонной шли школьники, а за ними шло воинское подразделение, и было заметно по раскрасневшимся на ветру лицам солдат, что они шли и пели от всей души, с удовольствием.

«Победа» остановилась перед плакатом, на котором была наклеена надпись:

«Да здравствует наш депутат т. Птицына А. Г.!»

Анна Георгиевна вышла из машины под дружные аплодисменты встречающих и в ответ взмахнула шерстяным платком, который едва не вырвало из ее рук ветром. Чувствуя, что ей трудно говорить на ветру, школьники тесно обступили ее, за ними четырехугольником стали солдаты, и молодой, ладный офицер, стягивая с рук перчатки, направился прямо к Анне Георгиевне.

— Раньше, чем спасибо сказать за встречу, — смущенно улыбаясь, торопливо произнесла Птицына, — хочу, товарищи, укор вам сделать. Вот смотрите: написано у вас: «Да здравствует депутат...» А я кандидат в депутаты, и еще выборы покажут, буду ли, нет ли. Так что лучше исправить бы.

Она на мгновение приостановилась, чтобы сделать небольшую паузу, а после нее сказать что-нибудь из своей большой речи, но все подумали, что она ждет ответа, и ближе всех стоящая к ней девочка в отцовском ватнике, похожая на чайник, укутанный варежкой, звонко вскрикнула ей в лицо:

— А у нас места не было для «кандидата», наш картон маленький, а буквы большие!

Все громко засмеялись, а девочка стала обиженно оглядываться по сторонам, чтобы заплакать.

После веселого девочкиного выступления торжественная речь, к которой склонялась Анна Георгиевна, была уже ненужна, но другой, простой и сердечной, у нее еще приготовлено не было, потому что до сего дня она выступала на многолюдных собраниях, где речи были строго деловые и серьезные.

Но тут она услышала за спиной шаги, неясный шепот, шушуканье,— что еще? Обернувшись, она увидела, что к ней медленной поступью приближается дородный старик с седой бородой, которую ветер широко раздвоил книзу, как у генерала Скобелева. Старик держал поднос, покрытый рушником, на подносе огромный каравай хлеба, а на каравае — что шло вразрез с обычаем — чайный стакан, до краев наполненный красным вином.

— Дорогая нашему сердцу Анна Георгиевна! — негромко, но очень важно, торжественно начал старик. — Встречая вас у въезда в станицу, мы хотим первыми из всех лично приветствовать вас. Мы выражаем вам свое спасибо. Мы,— старик отчаянно вздохнул,— мы хотим... как бы сказать... отдать вам должное внимание, — и тут все сразу поняли, что оратор забыл свою речь и будет теперь петлять, пока не найдет нужных слов или не умолкнет растерянно под негромкий пересмех молодежи.

«Эх, жалко старика»,— подумала Птицына и, чтобы не видеть его позора, чуть скосила глаза. То, что она увидела, несколько отвлекло ее от стариковой речи. Волоча длинные скамьи и доски, по дороге из станицы двигались люди. Поставив дюжие плечи под переносную трибуну, что всегда стояла на площади станицы, на месте первомайских и октябрьских демонстраций, десятеро солдат тащили ее сюда, укутанную кумачом и украшенную портретами вождей.

Встреча, назначенная на три часа, стремительно передвигалась к двенадцати. Все, видно, летело прахом — и концерт районной самодеятельности, запланированный тотчас после встречи с кандидатом в депутаты, и закладка «Сада в защиту мира» имени знатного садовника Птицыной, — и Анне Георгиевне оттого, что она нечаянно подвела Бучму, стало вовсе не по себе. «Хоть бы уж скорей кончал свою речь старик»,— думала она, чувствуя себя во всем виноватой, а между тем тот, вздыхая так глубоко и резко, что медали позвякивали у него на груди, упорно продолжал свою речь. Сжимая поднос побелевшими от волнения пальцами, точно он хотел раздавить его на глазах у всех, старик, не мигая, глядел на Птицыну:

— Мы хотим вам сказать: в душе нашей вы уже в полном смысле депутат, и мы будем голосовать за вас от мала до велика, и я лично отдам за вас все свои голоса...

Он, должно быть, хотел сказать, что отдаст все свои силы на строительство коммунизма, но эта мысль на ходу столкнулась с другой, что он с удовольствием проголосует за Птицыну, обе пострадали при столкновении, но народ его отлично понял, только какой-то смешливый казачонок в лихо сдвинутой на затылок кубанке хохотнул в рукав курткки.

— Я тоже хочу сказать вам от старшего поколения, с нашей стариковской позиции. Кто таков был ваш покойный бзтько Максим Птицын? Если просто сказать, так голытьба, безлошадник, не своей судьбы человек. А вы? А вы из самой науки сотворены, хотя наша станичная кровь в вас. Был раньше мужик без науки, а ныне наука не может без мужика, негде ей быть, как при нем.

Скосив глаза, Птицына следила за тем, как доски были уложены на козлы и на них взобрались старики и старухи, а для себя молодежь составила вместе две тачанки, бестарку и несколько велосипедов, образуя пятое, самое высокое кольцо вокруг нее, Птицыной.

«Должно быть, трибунку сейчас вкатят сюда, и мне с трибуны придется говорить», — хозяйски соображала Анна Георгиевна, пытаясь быстро построить план своего ответного слова и все еще мучительно не находя ни одной соответствующей обстоятельствам мысли. Трогательная, сбивчивая речь старика волновала ее до слез, мешая сосредоточиться.

— Спросили мы раз одного ученого, кто есть счастливый человек, по его мнению,— продолжал старик,— и он ответствовал нам: «Тот,— говорит, — счастливый, кто свою часть, свою долю от общего хлеба жизни имеет, кто с частью общего дела идет...» И я присоединяюсь к тому мнению. Большого счастья вам, Анна Георгиевна, большого вам пая в общем деле! Я прошу вас при случае после выборов рассказать нам о борьбе за мир, поскольку вы соучаствовали в том, а теперь удостойте отведать нашего колхозного вина и принять колхозную хлеб-соль, наш хлеб жизни.

Величаво поклонившись Птицыной, старик протянул ей поднос с

хлебом и стаканом вина на каравае. Она хотела было принять поднос со всем тем, что на нем стояло, но, побоявшись уронить, взяла сначала стакан с вином. Смелость ее всем понравилась.

— За ваше здоровье, за ваши дела-успехи! — провозгласила она и, выпив, приняла поднос, низко поклонилась собравшимся и благоговейно, как целуют знамя перед боем, поцеловала хлеб.

И то, как она отнеслась к хлебу, тоже понравилось, тронуло людей. Потом она распустила посвободнее вязаный головной платок и откинула в стороны полы пальто, ставшего невероятно тяжелым. Лицо ее сразу побледнело и заострилось. Она нервно вздохнула раза два — твердого плана речи у нее все еще не было, но дело должно было идти о чем-то очень простом, одинаково касающемся и ее и их, и цифры тут казались лишними.

— Еду я сегодня, родные мои, по степи и все примечаю, запоминаю, чтоб дома ребятам своим рассказать, каким почетом ихняя мать окружена, — начала она, опуская руки по швам и прижимая их к телу, чтобы не было видно, как они дрожат. — Ох, батюшки мои, не ждала и не гадала я никогда такого!.. Я и во сне не видала себя депутатом, а тут... Вот, думаю я, прожить бы мне эти четыре годочка, прожить бы, чтоб поглядеть, как жизнь наша за это время еще изменится и какая новая красота родится, товарищи милые!

Бучма, стоявший позади нее, негромко кашлянул, точно хотел напомнить, что эта встреча не та, которую он имел в виду. Но она уже не хотела его слушать и досадливо отмахнулась от него. Люди встретили ее от души, и она считала себя обязанной говорить с ними, не думая ни о чем другом и не откладывая сил про запас.

— Вот я вам сейчас покажу на примере, как наша жизнь резко меняется.

В позапрошлом году дали нашему совхозу план — обеспечить семенами персика того сорта, что я вывела, целую область. Значит, надо, деточки, тридцать тысяч цветов опылить искусственно. — Она сказала «деточки», хотя глядела на старика, и тот невольно улыбнулся. Кандидатка волновалась не меньше его. — А мы едва десять опыляем. Видите, какое положение? Что делать, не знаю. Пришла домой, плачу, места не нахожу себе.

А мои ребятишки шепчут: «Мамочка родная, а ты к нам, к ребятам, обратись, мы поможем». А правда, думаю, попробую. Я в одну школу, я в другую, в Дом пионеров, в райком комсомола, где с лаской, где со слезой — и что вы думаете? Утром приходят вот такусенькие, человечков пятьдесят — шестьдесят. Собрали мы их, объяснили, в чем дело, а я учу их и прошу, приговариваю: «Деточки родненькие, поучитесь у меня как следует, помогите, видите, сил никаких нет успеть». На другое утро приходит человек семьдесят, потом сто, двести, триста, и повзрослее которые, и военные молодые люди — и пошло дело! Да вот вижу я в строю Колю, товарища Нечипорука, — не знаю, известно это начальству или нет, а он у меня самый первый из первых помощник был. Вместо тридцати, вижу я, пятьсот тысяч цветов опылили. А тут, как на грех, выпадает мне за границу ехать, в народную демократию. Я ни в какую — некогда, мол. А мне тетя Нюра: «Все заняты-перезаняты, твой черед». Ну, вижу, не отобьюсь, поехала.

Она сказала об этом так просто и спокойно, точно командировка ее в соседнее государство, являющаяся, собственно говоря, путешествием, была для нее с малолетства делом обычным.

В это время внесли на круг передвижную трибунку, и Птицына, не прерывая рассказа, стала подниматься на нее.

Она поднималась все выше и выше. Ветер рвал полы ее пальто и тянул назад, но ей уже не было холодно, она даже не слышала ветра. Все горело в ней таким пламенем, что, казалось, положи подмышку термометр, покажет сорок. Новый отряд школьников подходил из станицы с букетами искусственных цветов и рисунком молодого сада на большом картоне:

«Мы посадили «САД МИРА» на сто восемнадцать корней».

Бежали девушки в белых передничках. И если бы Анна Георгиевна могла слышать их, она бы услышала, как они переговаривались между собой:

— Кто ж теперь столы к обеду накроет, девушки? Ой, даст нам пить Серафима Васильевна!

— Да ничего не будет, все наши обедающие сюда побежали.

— А майор?

— Да вот он, твой майор! Будет он в такое время дома сидеть!

Это бежали официантки и уборщицы из офицерской столовой, а за ними спешил оркестр. Все хохотали до упаду: ветер гулял и играл в жерле огромной медной трубы, и от этого шатало во все стороны оркестранта Филю. Играть на таком ветру было, должно быть, трудно, но музыканты бежали, потому что сбегалась вся станица.

А она, маленькая, бледная, ничего не чувствуя, кроме огромной радости и счастья, что может стоять перед народом и говорить с ним, как сама с собою, отчаянным голосом продолжала:

— Ну, приезжаем мы в Болгарию, на их кооперативный крестьянский съезд, встречают, как родных, и обнимают, и в гости каждый к себе зовет, и уж так целовали, как мои дети меня никогда не целовали...

Народ ласково заулыбался, захлопал в ладоши.

— И не за то целовали, что я актриса кино или певица какая, а за вас, дорогие мои, за вас всех меня целовали, что я из сталинской страны к ним приехала. Так что эти обнимки и поцелуи я вам с низким поклоном передаю, поскольку они ваши.

Она замолчала, собираясь с силами, а окружающие, заражаясь ее

Письмо в Дуброву

Максим ТАНК

Редко встретиться с вами,
Земляки, удается —
Дел неотложных у вас
Ведь немало найдется,
Много дела и мне.
Вот и сходятся вместе
Только песня моя
Да из колхозов известья,
Напечатанные
В республиканской газете.
Этого мало, конечно.
Сердечно до света
Говорить у костров бы
Хотелось ночлежных
Где-нибудь на лесистых
Речных побережьях,
Иль на рынке медельском,
Мне с детства знакомом,
Где не глохнет в дни ярмарок
Радостный гомон!..
На исходе зима.
Как всегда, над бадьею
Журавли заскрипели,
Кони пошли к водопою.
Вы, пока еще звонок
Лед под конским копытом,
С заливной луговины
Вывезти сено спешите.
Для колхозных амбаров
Возите бревна с делянок
Иль готовите к севу
Уже семена спозаранок.

А под вечер порой
К вам зайдет кто-нибудь
из райкома.
Говорить о делах своих
Вы с ним будете дома
До рассвета, пожалуй.
Медельчан-то я знаю!
Это их любопытству
Не отыщешь ты края.
Хорошенько обсудят,
Хорошенько расспросят —
Что по радио слышат,
Что газеты приносят.
И таких вечеров
Сколько память моя сохранила,
Сколько раз меня дума
К вашим кострам уносила!
Как живешь, председатель,
Давний и славный мой друже!
И сейчас, верно, часто,
Когда начинается стужа,
Ноют раны твои,
Партизанские старые раны.

Как живут-поживают
Наши друзья-партизаны:
Гришка Коваль, что ковать
Мог оружье для войска,
Янка — наш музыкант,
Подрывник наш геройский,
Клим — следопыт и охотник,
Разведчица Зося!
Жаль, на свадьбе ее
Побывать не пришлося,
Чарку поднять за нее,
За красавку, за мужа —
Хомку Якима,
Чтоб век они прожили дружно.
Знал я Хомку-отца —
Он пчеловод был толковый.
Солдатом, сказали соседи,
Привез в деревушку Дуброву
Часы он впервые.
Часы эти видел я тоже.
Их в гроб пчеловода —
Сосновое тесное ложе —
Вложили на память.
Забита доска гробовая,
А эти часы, и в могиле
Время свое отбивая,
Счет свой вели и вели
Времени панской неволи...

Как поживает
Плотник Стрыган Анатолий!
Сколько колхозных он гумен
построил,
Срубов поставил на свете!
Помню, когда-то,
В минувшие дни лихолетья,
Дом свой решил он построить,
Да староста, зная,
Не дал разрешенья:
Мол, близко чужие сараи.
Мало землицы своей,
Вот тут-то наш плотник и
вздумал
Новую хату срубить
В старой хатенке угрюмой.
Узнала полиция —
Вмиг прилетела в Дуброву,
А там уж под черные своды
Сруб поднимается новый...
Видишь, чуть старое тронешь —
И сколько приходит на память!
Горе тяжелых годин,
Оно прошумело, как замять...
В этом году на полянах,
Светлых, веселых,
Строить начнете просторный
Колхозный поселок.
Славное место
Строители выбрали ныне!
С севера речка Шипавка
Воды несет по долине.
Рядом луга, а леса
Небо вдали подпирают.
Взглядом окинешь леса —
Нету им, кажется, края.
Сколько грибов, и брусники,
И клюквы на этих просторах!
Сколько здесь птичьих
гнездовий,
Звери скрываются в норах!
Жаворонки взмывают,
В солнечном рея блистанье,
Радостный крик куликов,
Тетеревов бормотанье.
Свист соловьиный гремит.
Удода звук слышится трубный...
Прямо хоть свадьбу играй —
Куда там цимбалы да бубны!
Нет лучшего места
Для яблонь, для груш и для
вишен,
Чем южные склоны,
Где ласковым веет затишьем.
Пчелам такой уголок
Придется по вкусу, я верю,
За садом простор луговой,
Бор, где колышется вереск.
Плотина заставит Шипавку
Служить по-иному —
Встанет электростанция,
Где Темный раскинулся омут,
Чтоб покорилась народу
Потока гремящая сила,
Чтобы она турбины
И ночью и днем крутила,
Чтобы на сталинской карте,
Опоясанная лесами,
Сияла Дуброва родная
Солнечными огнями!

Не поленись написать мне
Про все, про все, председатель.
Близки и сегодня сердцу,
Как были близки когда-то,
Дела родимой Дубровы, —
Хоть и давно там не был.
Сколько на трудодень
Вы получили хлеба!
Кто учится, как работают
Люди колхозной Дубровы!
О гидростанции буду
Ждать весточки с первого слова.
Сразу дела оставлю
И соберусь в дорогу,
Сразу приеду к вам я,
Товарищи, на подмогу.
Мы, земляки, одолеем
Силу слепой стихии...

Шлю вам привет сердечный,
Друзья мои дорогие,
Вам, и полям, и вербам,
Что ветви к воде склонили, —
Когда-то складывать песни
Они ведь меня учили.

Перевел с белорусского
Анатолий КУДРЕЙКО

волнением и благодарные за внимание к ним, за то, что она слила свои успехи и свою славу с их общей жизнью, долго и дружно аплодировали ей.

Теперь они были с ней в Болгарии, и все, что произошло там, происходило и с ними.

— Потом нас распределили кого куда, — продолжала Анна Георгиевна, — чтобы нам по болгарским селам проехать. Рабочие люди по заводам разъехались, а нам, колхозникам, земледельческие трудовые кооперативы попались. Приехала я в огромадный садовый кооператив, сто двадцать гектаров, чисто одни сливы, милые мои. Сорта замечательные, а на душе у меня неспокойно, имею замечания и пожелания, а сказать совестно, все ж таки гостья я, да и хозяева,—нельзя сказать, чтобы плохие садовники, а крепкие, знающие дело мастера. А был с нами один наш товарищ, сопровождающий, он и говорит: «А вы, Анна Георгиевна, о себе, о своих ошибках и трудностях сначала заговорите, их недостатки своими назовите...» Я послушалась его. Выступаю. Только рассказала, как я новый сорт персика вывела, как назвала его «победитель», слышу, кричат мне: «Знаем, знаем». Откуда вы можете знать? «Из газет», — говорят. Ну, ладно. Перехожу на тех ребят, что опылять мне помогали, — и опять: «Знаем, знаем». Откуда вы и про это знаете? «Из газет». Ну, раз вы такие образованные, говорю, так позвольте вам сказать... и пошла, и пошла, и о перекопке, и об удобрении, и об обрезке, и о том, что свободно можно на молодых сливах персики прививать, а кое-где, в закутках, и мандаринчики развести. Надо, говорю, микроклимат соображать. Ну, пошли мы с ними, теплые места повыбирали. Вот здесь, говорю, и сажайте. Двое суток критику наводила.

Из толпы выкрикнули:

— А хозяева что?

— А хозяева — народ от практики, видят: об ихней пользе речь — и меня одобряют, конечно. Только один председатель маленько переживал, ну он же и расправился со мной, вот вы увидите. Поделилась я с ними опытом — и домой. А через неделю письмо от них, из Болгарии,— на соревнование вызывают. Это все председатель, конечно. Все мои советы приняли, на двухстах сливах персик заокулировали, траншейную культуру мандаринов ввели. Вот тебе и обменялась я опытом! Ждала я своих гостей в прошлом году — не приехали, в этом сразу после Нового года сообщение — прибыли. Чую, прикатили на разбор дела. Их председатель Людмил Павлов весь участок моей бригады сквозь прошел, как сыщик, всего коснулся, а в конце доклад сделал. «Признаю, — говорит, — что Птицына в этом году лучше нас поработала, но в будущем, если она новый темп не возьмет, обязательно должны мы ее побить и непременно,— говорит,— побьем. Так и знай,— говорит,— другарка Птицына, что побьем, вперед тебя выскочим, и будешь тогда ты у нас учиться, а не мы у тебя», — и грамоту мне подает.

Анна Георгиевна всхлипнула, глаза ее подернулись слезою, но она быстро справилась с волнением и продолжала с еще большим подъемом:

— А в той грамоте сказано, что я у них почетный член нынче.

Речь ее прервали аплодисментами, и она долго стояла, всхлипывая и теперь уже ничего не видя перед собой, а руководясь только биением сердца.

— Вот какие люди нас догоняют, дорогие мои! И идти нам с вами надо изо дня в день быстрее, из году в год резвее, раз мы их опытнее. И вы, родные мои,— она склонила голову перед народом,— помогите мне. Взялись мы с вами впереди других идти, так уж давайте ног не жалеть. Даю вам слово, что не только силы, но жизнь свою для коммунизма не пожалею, как не жалеет своих сил и здоровья для нас товарищ Сталин.

Портрет его как раз возвышался перед нею, и она обратилась к портрету, точно сам Иосиф Виссарионович присутствовал на этом станичном митинге:

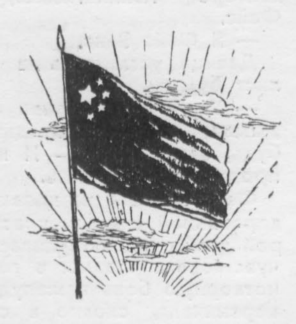
— Спасибо вам, товарищ Сталин, за почет, что мне оказан, за славу, возданную труду моему, а за меня не бойтесь — не подведу! Вот и все мое заявление.

Под аплодисменты, оживленный гул голосов и нескладный рев оркестра Анна Георгиевна стала спускаться с трибуны.

— Вы уж меня, товарищ Бучма, не ругайте, — сказала она, смущенно отворачивая лицо от секретаря, который поджидал ее внизу. — Знаю, все ваши планы я позапутала, да подошло под самое сердце, не удержалась. Уж очень сначала меня та надпись расстроила — «депутат», а потом речь старикова, ласка его. Вот, думаю, как меня уважают, а я, гляди, скоро позади своих учеников окажусь. Надо, думаю, начистоту поговорить... Ну уж ладно, как-либо поправим дело, вы только не обижайтесь.

Стихи этой зимы

Виссарион САЯНОВ

1. КИТАЙСКИЕ ГОСТИ В МОСКВЕ

Я вырос там, где, расцветая
У края дедовской земли,
Цвета небесные Китая
К границам нашим подошли.

Как тяжелы пути в пустыне!..
Дорога степью нелегка...
В таежный город в блузах синих
К нам гости шли издалека.

Я узнавал в протяжном пенье
Чуть-чуть натянутой струны
Годов недавних вдохновенье,
Обычай древней старины.

На голубые переправы
И розовые пустыри
Ложится отблеск величавый
Китайской утренней зари.

Прошли года... раскрылись
дали...
Полнеба в зареве, в огне,
И наши песни зазвучали
На дальней-дальней стороне.

Я узнаю в звучанье этом
Друзей старинных голоса,
Озарены Октябрьским светом
И над Пекином небеса.

Да, этот год незабываем:
Быстрей орлиного крыла
Заря, что рдела над Китаем,
Свой свет над Азией несла.

Зима... Восходят по ступеням
Китайцы в снежной синеве...

О, как бы радовался Ленин,
Когда б увидел их в Москве!

Мы знаем подвиг их
безмерный...
На их знаменах — честь и труд.
Они путями дружбы верной
В Страну Советскую идут.

К свершеньям новым, к новым
далям
Идут по праздничной земле.
Их, как отец, встречает Сталин
С улыбкой радостной в Кремле.

2. ГОЛОС

Как эту девушку звали,
Никто мне сказать не мог,
Хоть долго ее искали
У края лесных дорог.

Струился дымок по ветлам,
По тихим садам села,
И голосом тихим, теплым
Кого-то она звала.

Я помню: в платочке белом,
Когда замерцала ночь,
Она ушла под обстрелом,
Чтоб верным друзьям помочь.

Ползла по лугам в тумане,
Со мной перешла межу...
Мария! Тамара! Таня!
Как звать ее,— не скажу.

Не знаю, но только часто
Зову ее: «Друг родной,
Скорее мне крикни:
«Здравствуй!» —
Узнаю я голос твой».

Океанские пароходы
В балтийских портах гудят...
Ты ль это зовешь сквозь годы!
Не твой ли я встречу взгляд!

Рассвет над снегами реет,
Хрустит под ногами лед,
И девушка из Кореи
По радио нас зовет.

Грозит ей недоля злая...
В огне и в дыму поля.
Как сердце веков, пылает
Обугленная земля.

Но знают все: кореянка
Отчизне своей верна,
И смело навстречу танку
С гранатой идет она.

Все громче слова в эфире,
Взволнованнее рассказ...
Пусть знают все люди в мире,
Где совесть веков сейчас.

Там с тьмою заря боролась...
Трепещет в лесу рассвет...
Я слышал такой же голос
В слепящем огне ракет.

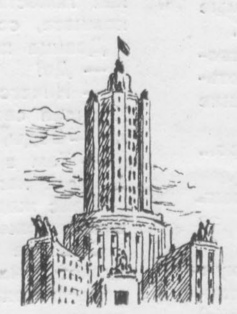
Мария! Тамара! Таня!
Она вам во всем родня,
Я вижу ее в Пхеньяне
В начале Большого Дня.

Как вы голосами схожи!
И песня одна у вас:
Ведь был ей всего дороже
О вашей борьбе рассказ.

3. СТРОИТЕЛЬ

Зимою этой долго он болел,
Лежал один и в тишине больницы
На жизнь свою задумчиво глядел,
Мечтал, листая прошлого страницы.

И проходило время перед ним,
Вставали вновь года неодолимо.

Кто говорит:
«Воспоминанье — дым»!
Ведь и сейчас былое счастье зримо.

Тридцатый год...
Кузбасс...
Зима...
Снега...
В бараках тесных чуть дымятся трубы,
И отступает к берегу тайга:
Ее теснят седые лесорубы.

Он строил город.
В улицах прямых,
В больших домах
нашел он отраженье
Заветных дум и помыслов своих,
И перед ним всегда одно виденье:

Оно теперь подходит ближе, ближе...
Чисты снега над горною грядой...
Прозрачен зимний полдень и недвижен,
И вольно дышит город молодой.

И вдруг поёшь, едва увидев это,
Припомнив первый города чертеж:
Как много в окнах воздуха и света!
Как вид из окон на тайгу хорош!

А сколько жизней, радостных и юных,
Оттуда гордый начали полет!
Там песня та ж колышется на струнах,
Что он сейчас вполголоса поет.

И вот опять метельная пора,
А он лежит беспомощно в палате,
Вдруг в дверь стучат.
Вошла к нему сестра
В хрустящем, накрахмаленном халате.

— Вам телеграмма...
— От кого!
Он сел,
Надел очки, прочел прямые строки...
— Как!
Поздравленье!
В честь давнишних дел...
Увидел снова он простор широкий...

Да, надо жить!
Не знал он лучше часа...
Все побеждает жизни торжество:
Отныне будут в городе Кузбасса
Звать переулок именем его.

Да, жизнь зовет, и он идет навстречу...
Слеза блеснула в старческих глазах...
Пусть груз тяжел,
но не согнутся плечи:
Ведь новый город строится в горах!

4. ПОТОМКУ

Как меняется стих, и как сердце растет!..
Далеко мы ушли от былого —
Ведь сегодня пленительней песен полет
И щедрее становится слово.

Поднялась наша жизнь, вместе с нею и мы
И сильней и уверенней стали.
В дымной мгле января, в небе этой зимы
Раскрывались по-новому дали.

Изменяется стих, и в его простоте
Наша жизнь с ее красотою.
Знаю, Ленин в своей вдохновенной мечте
Жаждал землю увидеть такою.

Все величие дел нашей жизни храня,
Всем дыханием нашим согретый,
В перекличке веков голос нашего дня
Будет вечно греметь над планетой.

Ты, идущий вослед в знаменитых веках,
Ранним утром весеннего сева
Подержи эту книгу в могучих руках
И прислушайся к слову напева.

Не увижу тебя, но пишу для тебя,
Всюду вижу твое отраженье,
Если будешь ты жить, эту землю любя,
Наших дней ты исполнишь веленье...

ВАШИНГТОНСКАЯ ИСТОРИЯ

Джей ДАЙС

Рисунки Л. Бродаты

Роман американского журналиста Джей Дайса «Вашингтонская история» вышел в США в прошлом году. Содержанием романа является история молодой американки Фейс Роблс Вэнс, служащей государственного департамента. Ее, не знающую за собой никакого преступления, вызывают в пресловутую Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности, затем — в Федеральное бюро расследований. Знакомые, к которым Фейс обращается за поддержкой, отворачиваются от нее. В деле принимает участие влиятельный адвокат Дэйн Чэндлер, который защищает в ее лице демократические права американских граждан. В процессе расследования обнаруживаются факты, порочащие Фейс в глазах властей: ее покойный отец, испанец, проживший много лет в США, не успел оформить свое американское гражданство; сама она в свое время выражала симпатии испанским республиканцам. Этого достаточно, чтобы обвинить Фейс в «подрывной деятельности» и приговорить к высылке из США в Испанию, то есть к передаче в руки франкистских палачей.

Ниже мы помещаем два отрывка из романа.

I

В это утро у Фейс уже не было надобности обманывать мужа и делать вид, что она уходит на работу: Тэтчер еще спал, когда она вышла из дому. Видимо, он напился вчера сильнее обычного. Все же она поторопилась уйти из страха, чтобы он вдруг не проснулся и не увидел ее. Фейс взяла такси и велела шоферу ехать прямо к Кэпитол Хиллу. Втайне она испытывала удовлетворение оттого, что ей не придется сегодня лицезреть своего начальника мистера Кэннингхэма: он вызывал теперь у нее чувство отвращения.

Желая произвести наилучшее впечатление на членов комиссии, Фейс надела свой любимый наряд: жемчужно-серое платье с широким поясом, красные сандалии, короткую нитку огромных деревянных бус вокруг шеи и взяла красную соломенную сумку... «Все это, конечно, немного похоже на ансамбль из модного журнала «Вог», — подумала Фейс, — однако сойдет». Она была довольна своим внешним видом, вполне удовлетворена тем, что напоминала одну из сотен или даже тысяч женщин среднего класса Америки.

Было еще совсем рано, и Фейс, чтобы убить как-нибудь время, решила побродить и посмотреть Кэпитол Хилл, как заправский турист. День был мрачный и пасмурный. Тяжелые громады домов теряли свои очертания и сливались в одну сплошную огромную массу из серого камня, холодного и неприветливого. Фейс остановилась у подножья лестницы. Длинный ряд ступеней вел к колоннадам Верховного суда. Фейс долго смотрела на надпись на фронтоне: «Закон опирается на справедливость». «Это то, во что верит адвокат Дэйн Чэндлер, — подумала она. — Может быть, когда-нибудь, в лучшие времена, он станет верховным судьей. Кто знает? Странные вещи случаются». Фейс стояла у величественного фонтана, курила сигарету и размышляла. Рука ее слегка дрожала. Что это? Воспоминания о Чэндлере или она так волнуется перед слушанием дела?

Она прошла мимо бронзовой статуи Нептуна и поднялась по бесчисленным ступенькам ко входу в библиотеку конгресса — ей вдруг снова захотелось прочесть Декларацию независимости. Ей вспомнилось, как гордился ее отец, когда она начала изучать Декларацию в

школе, и как он цитировал ей по памяти целые куски. Жесты его при этом были благородно-патетичны. Каким истинным патриотом был ее отец!

Пергамент хранился в полированной бронзовой шкатулке, под желтым стеклом. У шкатулки стоял навытяжку часовой с ружьем. «Эти слова, — с волнением подумала Фейс, вчитываясь в текст, — самые величественные слова, которые когда-нибудь писались в Америке».

«...Мы считаем очевидными следующие истины: что все люди сотворены равными, что они наделены своим Творцом некоторыми неотъемлемыми правами, в числе которых — жизнь, свобода и стремление к счастью...»

Фейс испуганно взглянула на свои часы. Еще не пора, но скоро... Лучше она пойдет медленно, не торопясь. Не стоит опаздывать...

Когда Фейс отошла от хранилища, ей показалось, что часовой очень внимательно наблюдает за ней. Глупости! Просто он наблюдает за всеми, и в особенности, пожалуй, за смазливыми девушками.

На часах было почти одиннадцать, когда Фейс вошла в приемную комиссии. Темноволосая, с прыщеватым лицом девица («Определенно, родственница кого-нибудь из конгрессменов», — подумала Фейс) сидела за маленьким столом и неуклюже барабанила пальцами по пишущей машинке, будто вела беспорядочную стрельбу. «Такую и пятнадцати минут не держали бы в конторе Кэннингхэма», — подумала Фейс.

— Я Фейс Вэнс.

Девица уставилась в исписанный лист бумаги.

— Угу, — проговорила она, не подымая глаз. — Присядьте где-нибудь, вас вызовут. — И невозмутимо продолжала печатать.

Фейс присела на краешек длинной деревянной скамьи, краска на которой давно уже облупилась. Фейс почувствовала спазмы в горле и тошнотворную боль в желудке. Она так нервничала, словно в самом деле за ней была какая-то вина. Очевидно, достаточно человеку попасть под подозрение, чтобы он уже почувствовал себя виноватым, хотя и не совершал никакого преступления. Остановившимся взглядом смотрела она на огромные, плотно закрытые двойные двери, которые вели в зал заседаний, и терпеливо ждала. Ни один звук не долетал оттуда. Большие медные шарообразные ручки дверей были украшены замысловатой резьбой в стиле рококо, заимствованном в дворцах Европы. «Когда эти ручки повернутся, — сказала себе Фейс, — настанет твой час».

Прошло минут тридцать. Шары на ручках стали поворачиваться. Фейс напряженно выпрямилась. Трое мужчин с раскрасневшимися нахмуренными лицами, сопровождаемые часовым, прошли через комнату. Выражение лица у часового было удивленно-презрительным.

— Кто эти люди? — осторожно спросила Фейс у машинистки.

— Рабочие лидеры, — равнодушно ответила апатичная девица. — Вчера одного из них обвинили в лжесвидетельстве, другого — в оскорблении конгресса. Третьего, похоже, отпустят.

— А что они совершили?

— Один слишком много болтал, другой не произнес ни слова, относительно третьего я ничего не знаю. Очевидно, он свидетельствовал против этих двух.

— О-о!

Машинистка тыкала пальцами наугад.

— Становится жарко, — произнесла Фейс.

— Разве? — отозвалась девица. — Воздух здесь вентилируется.

Время шло. Фейс сидела оцепеневшая, ни о чем не думая, и курила сигарету за сигаретой. Ей очень хотелось, чтобы машинистка заговорила с ней, выразила ей хоть немного участия. Но та молчала, не обращая никакого внимания на посетительницу. Как видно, люди, вызываемые в Комиссию по расследованию, не могут рассчитывать на человеческое обхождение.

Капли пота стекали у Фейс по спине. В груди чувствовалась страшная тяжесть. Она медленно поднялась, сделала несколько шагов по комнате, со страхом глядя на машинистку.

Девица подняла глаза:

— Да?

— Ничего, — ответила Фейс. — У меня немного помялось платье. — И снова села. Сердце бешено колотилось, губы пересохли и вспухли. — Воды, — прошептала она.

— Там в холодильнике есть вода, — небрежно кивнула девица. — Можете напиться.

Фейс жадно глотала воду из бумажного стаканчика. Напившись, она в изнеможении опустилась на скамью.

Силы ее были на исходе. Она чувствовала: еще немного, и с ней может начаться истерика.

Часы показывали ровно пять. Постепенно Фейс снова впала в оцепенение.

Она уже почти засыпала, когда медные шары повернулись, большие двери открылись. Высокий, костлявый человек с густыми пепель-

но-седыми волосами появился на пороге. Фейс вздрогнула. Она узнала его по описанию Дэйна Чэндлера: это был П. Дж. Гаррисон, главный следователь комиссии. Давно отступившийся от своих радикальных убеждений, он был теперь известен как ренегат, жестоко преследующий своих бывших единомышленников.

— Фейс Роблс Вэнс? — спросил он сурово и холодно.

— Да, — промолвила молодая женщина, еле шевеля губами.

— Войдите, — сказал он мягче. — Ваша очередь.

Зал заседаний открылся перед ней, грандиозный и величественный. Он почему-то напомнил ей павильон Голливуда, запечатленный в сцене из «Большого вальса». По обеим сторонам зал был украшен рядами конических колонн, с потолка спускалась огромная хрустальная люстра. Казалось, что под звуки туша, исполняемого оркестром, здесь каждую минуту может появиться император Франц-Иосиф в парадном облачении, увешанный медалями.

Киноаппараты и батарея прожекторов были расставлены опытной рукой стратега, чтобы можно было заснять все, что происходит в зале. Немного ближе находился стол, на нем несколько микрофонов для представителей прессы. Все аксессуары были налицо, но полное отсутствие репортеров и публики показалось Фейс зловещим. В такой обстановке нечего и ждать беспристрастного отношения. Члены комиссии будут действовать и говорить, как им заблагорассудится. Никто не сможет им помешать.

У дверей стоял часовой. Проходя мимо него, Фейс уловила запах жевательной резинки.

В дальнем конце зала, за массивным полукруглым столом, стоящим на возвышении, сидели, словно архангелы в день Страшного суда, пять конгрессменов. За столиком, чуть ниже, устроились стенографистки. Фейс в сопровождении Гаррисона прошла между бесчисленных рядов пустующих стульев.

— Станьте вон там, — Гаррисон указал Фейс на место, откуда она была бы хорошо видна сидящим за полукруглым столом.

Фейс остановилась, словно пригвожденная, сжимая в руках свою красную сумочку.

Гаррисон уселся на свое место.

Из пяти членов комиссии Фейс узнала троих по точному описанию Чэндлера. Она была уверена, что не ошиблась... Даже не глядя на таблички с фамилиями, укрепленные позади каждого кресла...

Председательствующий Говард Скиннер сидел посредине. Это был сморщенный человечек, едва видный за таким большим столом. Черты лица его были тяжелые, под глазами обвисли мешки, на голове копна белых волос. Он с нежностью поглаживал свой председательский молоток.

Справа от него сидел Ченси Дэйкен, демократ с юга, который фактически возглавлял комиссию и всем распоряжался. Он казался карикатурой на самого себя: квадратная челюсть, взъерошенные светлые волосы, сигара во рту. Голос у него был грубый, взгляд беспокойно блуждал по комнате и наконец сосредоточился на стройной фигуре Фейс. Молодая женщина залилась краской и отвела глаза.

Слева от председателя сидел Моди Винсент, молодой человек, либерал-демократ. У него были большие черные глаза и очень черные волосы, так коротко остриженные, что походили на мягкую блестящую шерсть животного; лицо худое, болезненно-желтое с выступающим вперед узеньким подбородком. Моди Винсент играл карандашом, вертя его между большим и указательным пальцами правой руки. Выражение его глаз было загадочным и бесстрастным.

Два остальных конгрессмена напоминали неудачливых дельцов из провинции, которые, не найдя у себя на родине выгодного бизнеса, вынуждены были ради заработка заняться политикой. Оба среднего возраста, они казались утомленными жизнью.

Внезапно председатель Скиннер громко застучал молотком, как будто успокаивая большую шумную аудиторию.

— Сегодня мы заседаем как Комиссия по расследованию, — высокопарно возвестил он. — Прошу привести к присяге.

Гаррисон протянул через стол Библию с золотым обрезом и сделал знак Фейс положить на нее руку. Она это сделала, и Гаррисон проговорил фальцетом, быстро, сливая слова:

— Клянетесьвыговоритьправдуиничегокромеправдыдапоможетвамбог.

— Клянусь, — ответила Фейс, вся дрожа.

— Ваше имя? — спросил председатель.

Удивившись, Фейс произнесла:

— Фейс Роблс Вэнс.

— Мисс или миссис?

— Миссис, — все более удивляясь, ответила Фейс.

— Вы работали в федеральном правительстве, в исполнительном отделе, в должности помощника по административным вопросам?

— Да.

— Сколько времени?

— Восемь лет. Я начинала как стенографистка.

— У вас, вероятно, собралось за это время немало сведений о правительстве?

— Но... это само собой разумеется... всякий на моем месте...

Скиннер посмотрел на нее в упор.

— Но вы также интересовались делами иностранных правительств?

— Одну минутку, господин председатель, — перебил его Дэйкен. — Мы выясним это позже. А сейчас я хотел бы уточнить несколько примечательных фактов из жизни этой молодой женщины. — В его голосе с мягким акцентом южанина не было и оттенка угрозы или суровости.

— О, пожалуйста, конгрессмен, — охотно согласился председатель. — Она в вашем распоряжении.

Ченси Дэйкен так сжал свою сигару в зубах, что она поднялась под углом в тридцать градусов. Стенографистки торопливо приготовили чистые страницы, очевидно, наперед зная, что сейчас последует. Два

безличных конгрессмена заворочались в своих креслах. Один из них подался вперед, сжав голову руками. Моди Винсент оставался бесстрастным.

— Миссис, — сказал, прищурившись, Дэйкен. — Скажите, вы атеистка?

— Но... я... — Фейс замолчала, вспомнив предостережение Чэндлера. «Это провокационный вопрос».

«По закону (она помнила слова Чэндлера, несмотря на волнение) комиссия имеет право задавать вопросы, относящиеся только к расследованию. По конституции каждый гражданин свободен в своих религиозных убеждениях. Америка не знает деления на верующих и неверующих. Такой вопрос не имеет никакого отношения к американизму. Если вы ответите на него, члены комиссии будут донимать вас другими каверзными вопросами, пока не поймают вас на слове».

— Что вы молчите? Скорее, — торопил Дэйкен, — отвечайте!

У Фейс закружилась голова. Ее мутило.

— Я считаю, что этот вопрос не имеет отношения к делу, — пролепетала она наконец. — Религия — это частное дело каждого. Я...

— Вы не подчиняетесь комиссии? — прогремел Дэйкен.

Фейс испугалась. Она почти готова была ответить Дэйкену, когда спокойный голос Чэндлера снова вспомнился ей: «Не позволяйте им ставить вас к позорному столбу и запугивать. Они будут пытаться сделать это всеми способами. Вы сможете помешать им только, если будете твердо стоять на своем».

— Я подчиняюсь комиссии, — громко сказала она. — Я пытаюсь найти с вами общий язык. Я охотно буду отвечать, если вы станете задавать мне вопросы, относящиеся к делу.

Председатель яростно застучал по столу.

— Это не ваше дело — указывать комиссии. Отвечайте на вопросы вежливо или вам плохо придется!

На мгновение наступила такая тишина, будто все вокруг затихло и перестало дышать. Стенографистки замерли с карандашами наготове. Ченси Дэйкен зажег спичку и поднес ее к потухшей сигаре.

— Скажите, — спокойно спросил он, выпуская дым. — Нет ли в ваших жилах еврейской крови?

Фейс была поражена.

— Если и есть, то, во всяком случае, я об этом не знаю.

— Вы не уверены в этом?

— А кто может быть уверен?

Дэйкен повернулся к председателю.

— Она не уверена, — сказал он и засмеялся. Потом наклонился и зашептал на ухо Скиннеру: — Клянусь, она сложена, как Рахиль!

Фейс вспыхнула, и в ее темных глазах зажегся огонь затаенной ненависти.

— А может быть, — с изысканной вежливостью спросил Дэйкен, — может быть, вы будете так добры сказать нам, общаетесь ли вы с неграми?

— Что вы имеете в виду?

Дэйкен стряхнул пепел с сигары.

— Я должен объяснить вам, молодая леди, что это не ваше дело — задавать нам вопросы. Это наше дело — задавать вам вопросы. Общаетесь ли вы или общались когда-либо с неграми?

— Все в Америке общаются с неграми.

— Господин председатель, — заорал Дэйкен, — эта женщина невыносима! Если так будет продолжаться, я буду требовать, чтобы ее привлекли к судебной ответственности за «неуважение к конгрессу».

Скиннер нахмурился.

— Отвечайте на вопросы! — крикнул он, грохнув по столу молотком.

— Я еще раз попытаюсь, — сказал Дэйкен. — Признаете ли вы свободную любовь?

— Это глупо, — Фейс снова покраснела. — Конечно, нет.

— Так, — сказал Дэйкен. — Кажется, мы получили, наконец, от нее хоть один определенный ответ.
— У меня есть вопрос, — вмешался председатель. — Верите ли вы в демократию?
— Конечно, я верю в демократию, — сказала Фейс, почти плача. — Я хотела бы, чтобы ее было немного больше.
Фейс посмотрела на конгрессменов. Теперь они пронзали ее взглядами. Перед ее глазами промелькнул переплет журнала, который она видела как-то в ресторане во время завтрака. Несколько мужчин с дьявольскими лицами истязали тонкими тростями почти обнаженную светловолосую девушку со связанными руками и заткнутым ртом. На лицах мужчин было садистское удовлетворение, которое заставило Фейс содрогнуться... Но то была лишь обложка журнала... А теперь она чувствовала себя так, будто это ее связали, заткнули ей рот и истязают вопросами.
Фейс заметила, как Гаррисон, лицо которого, казалось, раз и навсегда приобрело мрачное выражение, написал записку Ченсу Дэйкену. Конгрессмен прочел ее, жуя сигару, потом грубо спросил Фейс:
— Знаете ли вы человека по имени Эйб Стоун?
— Знаю.
— Запишите это особо, — обратился Дэйкен к стенографисткам. — Как часто собираются радикалы в вашем доме?
— Они у меня не собираются, — возразила Фейс, возмущенная вопросом. Имеет ли он в виду те времена, когда она предоставляла свою квартиру для вечеринок членов профсоюза?
— Это расходится с информацией, которую мы получили из надежных источников, — сказал Дэйкен. — Не забывайте, что вы присягали. Лжесвидетельство строго наказывается.
— Связь с иностранцами — это, по-моему, вопрос поважнее, — нетерпеливо вмешался Скиннер. — Я хочу знать, мисс, работали вы или не работали для красной Испании?
— Если вы спрашиваете, работала ли я для законного испанского правительства, против фашистов, то я отвечу: — Да. То, что я сделала, — это очень мало, но я горжусь этим.
Дэйкен сказал:
— Значит, вы сознаетесь, что у вас была непосредственная связь с иностранным правительством?
Фейс была потрясена такой наглостью.
— Я этого не говорила. Ведь во время войны я работала и по сбору вещей для Англии. Значит, по-вашему, я британская шпионка?
— Назовите имена людей, которые руководили вашей работой для испанцев, — предложил Скиннер.
— Но ведь это вам известно, — вспыхнула Фейс. — Их фамилии можно найти, стоит только просмотреть газеты того периода.
Фейс повернулась к Моди Винсенту, который когда-то произносил спичи, призывая оказывать помощь испанским республиканцам, безмолвно взывая к нему о помощи. Он ответил на ее взгляд мимолетной улыбкой, но ничего не сказал. С необычайной озабоченностью он стал вдруг набивать табаком и разжигать свою узорчатую трубку. Винсент старательно задымил, выпуская облака дыма. Трубка казалась слишком большой для его узкого лица.
— Мисс, — торжественно сказал председатель, — я хотел предупредить вас, что мне не нравится ваше поведение. Вы не оказываете должного уважения к избранным представителям народа. Ваши ответы свидетельствуют об этом. Вы как будто не понимаете, что предстали перед официальным органом конгресса Соединенных Штатов Америки.
— О, я понимаю, вполне понимаю... — прошептала Фейс, оробев.
Конгрессмен, тот, который сидел, подперев голову руками, неожиданно поднялся и побрел к выходу. Вид у него был такой, словно он думал в этот момент о чем-то совершенно не связанном с разбором дела. Он исчез через маленькую дверь позади возвышения.
— Ну, теперь, вероятно, мы поняли друг друга и можем перейти к главному, — рявкнул Ченси Дэйкен. — Вы считаете себя гражданкой Соединенных Штатов?
— Да, конечно.
— Но фамилия вашего отца Рублс?
— Роблс, — поправила Фейс.
— Испанец?
— Отец родился в Испании. Но он...
Дэйкен как будто готовился к прыжку:
— Есть у вас свидетельство о рождении?
— Не-нет...
— Чем же вы можете доказать, что вы гражданка Соединенных Штатов? — торжествуя, спросил Дэйкен.
— Моя мать рассказывала мне, когда и где я родилась.
— Может она подтвердить это клятвенно?
— Она... она умерла.
Фейс вдруг обуял страх, хотя она не могла понять, чего ей бояться.
— Ага! — Дэйкен велел стенографисткам: «Записывайте!» Он вынул сигару изо рта. Его глаза торжествующе сияли. — Вы коммунистка?
— Но... — далекий предостерегающий голос Чэндлера как будто прозвучал рядом с нею:
«Проверка политических убеждений, какие бы они ни были, равно как и религиозных убеждений, не входит в компетенцию Комиссии по расследованию. Комиссию интересуют исключительно прямые действия, направленные на ниспровержение правительства, и притом только действия. Попирать свободу политических убеждений — значит устанавливать контроль над свободой мысли, а это уже нарушение конституции. Не позволяйте им запугивать себя».
Фейс шумно вобрала воздух:
— Я протестую против такого вопроса, как выходящего за пределы полномочий комиссии. Мои личные убеждения никого не касаются, и я хочу, чтобы мой протест внесли в протокол.
Дэйкен не дал ей продолжать:
— Вы отказываетесь отвечать на вопрос?
— Я не отказываюсь, — закричала Фейс, — я протестую! Я настаиваю на своем праве протестовать...
— У вас нет этого права, — насмешливо сказал председатель, — это юридическая фикция, о которой по старой памяти разглагольствуют радикальные адвокаты... Но мой долг — внушить вам, что мы можем привлечь вас к ответственности за «оскорбление конгресса», а это будет вам стоить тысячи долларов штрафа и года тюрьмы. Хотите в тюрьму? Подумайте дважды, прежде чем оскорблять комиссию. Ну, теперь отвечайте на вопрос!
— Вопрос задается в таком тоне, что я не могу на него отвечать, — сказала Фейс.
Ее сердце бешено колотилось, она изнемогала от удушья, словно не могла проснуться от ужаса дикого ночного кошмара. «Если бы Чэндлер был здесь, чтобы помочь мне!» — думала она.
Гаррисон снова передал записку Дэйкену. Тот прочитал ее и спросил вкрадчиво:
— Если вы не красная, то как случилось (это нам известно из проверенного источника), что вы бесстыдно выставили напоказ в своей комнате на пианино бюст Карла Маркса?
— Это неправда! — закричала Фейс. Ее голос дрожал от гнева и возмущения. — Пойдите и взгляните сами... — Она беспомощно ловила воздух.
— Она осмеливается и это отрицать! — гремел Дэйкен. — Перед лицом фактов!
Чувствуя неистовую готовность сопротивляться, желая дать отпор, Фейс снова закричала:
— Я хочу сделать заявление! Я хочу знать, кто мои обвинители! Я требую перекрестного допроса! Я требую защитника! Я хочу сделать заяв...
— Будет! — завопил, яростно стуча молотком, председатель. — Хватит! Слишком поздно сегодня делать заявления. Мы голодны и устали. Вы можете написать что вам там угодно на листке бумаги, и, может быть, мы включим это в протокол. А пока мы примем к рассмотрению факт оскорбления комиссии. Заседание окончено!
— Если я оскорбила комиссию, то это потому, что комиссия оскорбила мои гражданские права...
Но никто ее уже не слушал.
Председатель по привычке стукнул в последний раз молотком. Конгрессмены выпрямились во весь рост. Вместе с нахмуренным Гаррисоном, стенографистками и часовым они удалились через маленькую дверцу, оставив дрожащую Фейс одну в большом зале.
Внезапно наступившая тишина была тяжелой и угнетающей.
Фейс со стоном упала на стул. Она чувствовала себя изможденной, выпотрошенной. Неужели это жалкое, обессиленное создание — она, Фейс Роблс Вэнс? «Я как насекомое, на которое наступили ногой, раздавили, но не убили. Медленная смерть — вот что это такое!»
Фейс истерически захохотала...
Только сейчас она заметила, что высоко на стене висят часы. Стрелки показывали десять минут седьмого. Фейс решила позвонить Чэндлеру.
Стремительно выбежала она из зала заседаний в пустой коридор и мимо колонн, украшавших вход, спустилась по мелькавшим мраморным ступенькам на улицу. Ее хлестнуло горячим воздухом, словно из нагретой печи. Вечернее небо казалось раскаленным.
Фейс отыскала телефонную будку в маленьком ресторанчике, где обычно завтракала, и в одуряющей духоте кабинки набрала номер конторы Чэндлера. Телефон звонил и звонил, но никто не отвечал. Вероятно, уже все ушли.
Запах жареной рыбы, шедший из ресторана, вызывал тошноту.
Торопливыми движениями, мешая сама себе, Фейс листала телефонный справочник. Наконец она нашла букву «Ч». Она водила пальцем по ряду Чэндлеров, но не могла найти то, что искала. Она начала просматривать список снова. Никакой Дэйн Чэндлер не значился в списке телефонных абонентов. На мгновение Фейс показалось, что она сейчас потеряет сознание.

II

Утреннее солнце медленно разгоняло пелену тумана, укрывшую землю. Было жарко, собаки брели по улицам с высунутыми языками, а дети бегали полуголые. Фейс это утро казалось странно тихим, даже зловещим. Тишина и покой, которые царили перед фасадом Белого дома, предвещали бурю.
Ей указали войти не с главного, увенчанного колоннами входа, между Пенсильвания-авеню и Конституция-авеню, а с переулка, в пристройку. В большом здании уже не хватало места: секретная полиция за последнее время развила такую активность, что ей пришлось занять и другие дома вокруг конгресса. Ее агенты были везде, они рыскали повсюду с озабоченным видом. Эти люди казались теперь Фейс какой-то обезличенной силой, которая, будучи однажды приведена в действие, уже не может быть остановлена. Она катится вперед, как гигантская лавина, для которой человек — ничто, пылинка. И хотя сознание подсказывало ей, что она, Фейс Вэнс, уже захвачена этой лавиной, но она все еще не хотела этому верить. Такое несчастье подобно смерти. Фейс гнала от себя эту мысль. Это невозможно было себе представить.
Теперь она должна заставить себя двинуться, иначе вечно будет стоять неподвижно перед этой пристройкой. Фейс сделала один шаг, потом второй и, к своему удивлению, очутилась перед дверью, ведущей в какое-то неизвестное ей здание, за которой, вероятно, и скрывалась эта страшная, пугающая ее сила.
Около дверей стоял вооруженный часовой.
— Да? — спросил он. — В чем дело?
Он вернул ее к сознанию реальности.
— Меня вызвали в комнату 5 Б, — объяснила Фейс со смелостью, которой вовсе не ожидала от себя.
Он слегка отступил и снял телефонную трубку.

— 5 Б? — проговорил он в телефон. — Это О'Брайен. Вы еще не начинали утренние допросы? Тут внизу девушка... — Он повесил трубку и спросил, проверяя: — Ваша фамилия Вэнс?

— Да,— ответила она почти шепотом.

— О'кэй, о'кэй! — часовой надавил кнопку, и из других дверей вышел еще один часовой. — Отведи ее в пятую Б,— сказал он, показав подбородком на Фейс.

Она последовала за часовым в лифт, и они медленно стали подниматься. На каждом из пяти этажей Фейс успевала заметить длинный коридор и бесконечный ряд канцелярий и кабинетов. И у каждой двери стоял вооруженный часовой.

На пятом этаже было по-иному. Он был разделен перегородками на маленькие комнаты. На одной из дверей была большая черная буква «Б». Часовой ввел ее туда.

Ее встретил унылый молодой человек с песочными волосами. Его брови и ресницы были цвета соломы, как будто выгорели на солнце. На улице Фейс легко прошла бы мимо, даже не заметив его. Такая же унылая стенографистка сидела над открытым блокнотом с приготовленным, остро отточенным карандашом.

— Садитесь на этот стул,— сказал молодой человек.

По его произношению Фейс сразу определила, что он с юга. Пожалуй, из Арканзаса, хотя это трудно было сказать наверняка.

Она вспомнила, как однажды мистер Кэннингхэм сказал, что Юг — это питомник, где взращивают будущих блюстителей закона. В южных колледжах по специальному заказу обучали белых англо-саксов, выходцев из средней буржуазии, презирающих рабочих. Их как следует тренировали, затем предлагали им работу, чины и славу. Они быстро двигались в погоне за положением. И в случае успеха попадали на работу в секретную полицию.

Когда молодой человек с песочными волосами повернулся, Фейс заметила, что у него из-под рубашки выпирает кобура револьвера. «Неужели они считают меня такой опасной?» — задыхаясь от волнения, подумала Фейс. Она закрыла глаза, потом снова открыла их и попыталась улыбнуться.

— Я должен вам задать несколько вопросов,— сказал агент, проглатывая буквы.— Отвечайте: «да» или «нет». Чем больше «да», тем лучше, и говорите медленно, чтобы стенографистка поспевала за вами. Но раньше я должен привести вас к присяге. Запомните, за ложные показания вас ждет суровое наказание. Вы меня поняли?

— Да, почти поняла.

— Ну, начали. Ваше имя?

Вопросы сыпались один за другим. Где она работала? Сколько времени? Фамилии непосредственных начальников? Когда и где родилась? Имена родителей? Замужем? Имя мужа? Имя ребенка? Служанки? Адрес? Все адреса за последние пять лет? Школа? Путешествие, когда и куда? С кем?

Она отвечала по возможности точнее, стараясь не волноваться. Вопросы задавались унылой скороговоркой, ответы выслушивались с тем же выражением безразличия. Стенографистка писала, как автомат. Потом без всякого предупреждения характер вопросов изменился:

— Брали ли у вас когда-нибудь отпечаток пальцев?

— Конечно,— ответила Фейс,— их берут у всех правительственных служащих.

— Делали ли вы замечания, возражали ли против этого?

— Но я не помню.

— Да или нет? — в его голосе зазвучали твердые нотки.

— Я сказала, не помню.

— Принадлежите ли вы или принадлежали когда-нибудь к организации, которая призывает к насильственному свержению правительства Соединенных Штатов?

— Нет! Конечно, нет!

— Вели вы когда-нибудь разговоры, осуждающие правительство?

Она заколебалась.

— ...Не в том смысле, как вы это говорите. Не осуждающие. Но я всегда критиковала полицию. Это — мое право.

Агент позволил себе слегка улыбнуться. Улыбка не была дружеской, ни в коем случае, скорее циничной.

— Отзывались ли вы когда-нибудь с восторгом о Советском Союзе?

Ее удивление возрастало.

— Может быть, это и бывало относительно отдельных вещей и во время войны. Но что за смешной вопрос? Разве я не могу говорить все, что мне заблагорассудится, относительно той или иной страны?

Агент остановил на ней свой взгляд.

— Я не просил вас излагать свою точку зрения. Я задал вопрос, чтобы получить на него ответ: «да» или «нет». Ну, нет или да?

— На такой вопрос невозможно ответить,— сказала Фейс взволнованно.

— Читали вы когда-нибудь произведения Карла Маркса?

— Некоторые,— ответила она прямо,— еще в колледже. На уроках экономики. Не могу сказать, что я в них очень хорошо разобралась, хотя и стремилась понять.

— Какие газеты вы читаете?

— Любую, какая мне попадется в руки,— ответила она, начиная злиться.

— Я спрашиваю о специальных газетах.

— Ну, это не ваше дело,— вспыхнула Фейс.

Он повременил и многозначительно подмигнул стенографистке, которая записывала с исключительной быстротой.

— Я предпочел бы, чтобы мы с вами столковались,— сказал агент,— это будет лучше для дела. Я задам вам другой вопрос: ваш отец был американским гражданином?

Она затрепетала:

— Нет. Но он собирался стать им. Он приготовил документы, но в это время умер.

Агент улыбнулся снова, еще более отчужденно.

— Вам было пять лет, когда вы приехали в Америку из Испании вместе со своими родителями?

— Да,— подтвердила она и быстро спохватилась,— надеюсь, вы знаете, что я родилась в Америке?

— Вы уже говорили это, когда отвечали на один из предыдущих вопросов,— ответил агент без какой бы то ни было тени оживления, словно он был не человек, а робот. — Получали ли вы когда-нибудь вознаграждение за свою деятельность в пользу испанских республиканцев?

Она почувствовала, как напряглись все жилы у нее на шее. Гнев душил ее больше, чем страх. Что они от нее хотят — приклеить ей ярлык иностранного агента? Она знала, что существовал какой-то закон, согласно которому повелевалось всем иностранным агентам зарегистрироваться в департаменте юстиции. Но она не помнила, был ли еще этот закон в силе. Боже милостивый... Неужели они?..

— Почему вы замолчали? — спросил агент. — Вы поняли вопрос?

— Конечно, поняла,— ответила она зло. — Вы что, считаете меня идиоткой? Я вам отвечу: моя деятельность для Испанской республики была исключительно добровольной. И я не вижу необходимости ни объяснять это, ни защищаться.

— На этом можно закончить,— отозвался агент так, словно Фейс ничего и не говорила. — Хотите вы что-нибудь добавить?

У Фейс было странное чувство, словно этот человек наизусть заучил свои вопросы, произносил их абсолютно механически, и что он не слышал ничего из того, что она ему отвечала. Стенографистка была целиком поглощена своей работой, тщательно записывая каждое ее слово, поэтому агенту и не было надобности прислушиваться к ее ответам. И все же у Фейс было страстное желание кинуться на него с кулаками, заставить его слушать ее, заставить его понять, что он имеет дело с живым человеком. Она знала, что все это было бы бесполезно.

— Да,— сказала она,— я должна кое-что сказать.

Фейс остановилась, ожидая, какое впечатление произведут на него ее слова. Лицо агента оставалось бесстрастным. Стенографистка спокойно свернула свои записи, приготавливаясь уходить. Таким образом, теперь уже никакое заявление не имело значения. Однако Фейс все же решила высказаться.

— Во-первых, я не понимаю,— продолжала она,— зачем меня сюда вызвали. Я не понимаю, какие цели преследует это расследование и чего вы от меня хотите. Я не совершила ничего преступного, и вы зря тратите свое время и казенные деньги. Кроме того мне не нравятся вопросы, которые мне здесь задавались. Это были пристрастные вопросы, они преследовали определенную цель. Мне кажется...

— О'кэй, довольно, — перебил агент. — Если это все, что вы хотели заявить, я занесу в протокол, что вы выразили протест. Так у нас обычно делается. Не имеет смысла тратить время и бумагу на записывание речей. — Он кивнул стенографистке, и она сделала в записи добавление. — Разговор окончен. Завтра приходите сюда в десять часов утра, чтобы подписать этот документ.

— Благодарю,— ответила Фейс, дрожа от гнева. — Но завтра я не приду. И я ничего не подпишу, пока мне не будет предоставлено право защиты и право самой задавать вопросы.

— Лучше будет для вас, если вы придете,— зловеще сказал агент, однако на лице его промелькнуло беспокойство. — Там, выше, не понравится, если документ не будет подписан.

— Я ничего не подпишу,— твердо заявила Фейс. — Мне можно идти?

Она готова была швырнуть в него стоящий на письменном столе тяжелый ониксовый прибор, за что пришлось бы тяжело расплачиваться. Надо было уходить, пока собственный гнев не навредил ей. Одна внезапная мысль пришла ей на помощь: «Ведь в конце концов все это моя испанская кровь». Она едва не рассмеялась, эта мысль вернула ей самообладание.

Когда наконец часовой вошел, агент отпустил ее и, повернувшись к стенографистке, с облегчением сказал:

— Чорт побери, на сегодня с меня хватит!

Страх оставил Фейс, как только она слилась с шумной толпой на улице. После слушания дела в комиссии сегодняшний разговор с агентом казался только фарсом.

Фейс прислонилась к уличному фонарю, приступ смеха овладел ею. Какие напыщенные ослы, какие идиоты! Какие... Ей не хватало слов. И вдруг она задрожала всем телом, спина ее покрылась холодным потом. О, нет! Она недооценивает их. Недооценивает значение всего этого расследования.

Какие страшные дни, наполненные невообразимыми событиями и людьми! Однако реальные, мучительно реальные. Только сейчас ей стало ясно, что ведется, тщательно подбирается секретное досье под рубрикой: «Фейс Вэнс». Здесь, в Америке.

Потрясенная, Фейс направилась к конторе Дэйна Чэндлера. Он был теперь ее единственной опорой.

Перевод с английского
Н. ВЕТОШКИНОЙ и М. ЮФИТ

КАРЬЕРА РОБЕРА ШУМАНА

Жан **КАТАЛА**

Робер Шуман занимает ныне пост министра иностранных дел Франции. Если, однако, мы обратимся к истокам его жизненного пути, то окажется, что на свет божий он появился в 1886 году в Люксембурге и по рождению является подданным именно этой страны. Юные годы Робера Шумана были отмечены также и тем, что его будущим занимались отцы-иезуиты, исподволь готовя «способного мальчика» к роли верного слуги их ордена.

Люксембург — страна живописная, но, как известно, весьма скромная по размерам. Достигнув зрелого возраста, Робер Шуман, никогда не страдавший чрезмерными патриотическими чувствами, ощутил необходимость подыскать себе родину, по размерам более соответствующую его личным аппетитам. Франция и Германия, две соседние страны, казались для этого одинаково подходящими...

Отцы-иезуиты, к которым он обратился, посоветовали избрать Германию. Под скипетром его величества императора и короля Вильгельма II он не только сможет верно служить на пользу ордена, но и получит блестящие перспективы личного преуспеяния.

Робер Шуман внял совету стать немцем. И он был принят в немецкое подданство.

* * *

На своей новой родине, сначала в ультрареакционном Боннском университете, потом в Берлинском и, наконец, за конторкой адвоката в Страсбурге, на аннексированной французской земле,— всюду герр Шуман старался в поте лица оправдать доверие своих духовных наставников. В ту пору еще один молодой агент общества Иисуса встречался с Шуманом, оказывал ему дружеское покровительство и давал о его деятельности самые благоприятные отзывы. Этого человека звали Конрад Аденауэр.

Наставники решили, что наступило время открыть Шуману доступ в «святая святых» — в среду магнатов рурско-рейнской металлургии, заправил пресловутой партии «центра», этого станового хребта католической церкви в кайзеровской империи. Началась, к вящщей славе святейшего престола, закулисная деятельность Шумана в политических кругах католической Германии. Одновременно немецкие пушечные фирмы стали доверять ему малозначительные судебные дела.

Так Робер Шуман появляется на службе у семьи де Ванделей. Он мог быть доволен: взгляды представителей этой семейки на патриотизм блестяще совпадали с его собственными. После аннексии Германией части Лотарингии в 1872 году, когда заводы означенной фамилии оказались по обе стороны новой франко-германской границы, один из де Ванделей, Карл, превратившийся в немца, занял депутатское кресло в берлинском рейхстаге и там бдительно охранял интересы всего треста, а братья его для тех же целей заседали в палате депутатов в Париже.

Такое разделение труда было, можно сказать, семейной традицией у де Ванделей и свято соблюдалось многими поколениями. Во времена Французской революции, в 1792 году, глава фамилии бежал из Франции, чтобы сражаться против нее в войсках прусского короля. Его нежная мамаша в это же время получала неплохие барыши от продажи пушек армии республики. И, наконец, племянник занимался шпионажем в Меце по заданиям пятой колонны того времени...

Столь удачно начавшаяся карьера Робера Шумана была прервана на самом крутом ее подъеме. Началась первая мировая война. Ему пришлось надеть немецкую форму солдат кайзера. Заметим в скобках, что ловкие и услужливые руки впоследствии изъяли документы об этом периоде жизненного пути Шумана; и он, натурально, принял позу благородного негодования, когда четыре года назад появилась в печати его фотография в мундире капитана вильгельмовской армии...

Поражение, которое понесла в 1918 году Германия, толкнуло Шумана на серьезные размышления: не пора ли распроститься с этой родиной, оказавшейся далеко не столь прочной, как предполагалось ранее? Может быть, в конце концов все-таки... Франция? И он снова отправился за советом по знакомому адресу.

Святые отцы объяснили ему, что обстановка изменилась: Пуанкаре собирается восстановить во Франции древние привилегии святой церкви, и именно здесь теперь можно служить делу Ватикана с наибольшим эффектом. Что касается немецких пушечных королей, то они отнеслись к проекту нового перевоплощения Шумана со спокойной благожелательностью: ведь магнаты Рура и французский «Комитэ де Форж» — это одна большая семья. Немецким концернам как раз и нужен был тогда во Франции верный человек. А то французские кузены начинали что-то слишком всерьез рассматривать свою победу 1918 года!

Святые отцы и пушечные короли снабдили бывшего люксембуржца, а затем добровольного подданного Вильгельма всеми надлежащими документами. Из них явствовало с полной «очевидностью», что Шуман — не кто иной, как бедный житель Лотарингии, насильно загнанный в немецкое подданство.

В 1919 году герр Шу́ман стал мосье Шума̀н.

* * *

Превратиться в 33 года во француза, да еще нелегально, да еще не зная толком Франции,— это было, конечно, делом нелегким. Но о Шумане заботились его покровители. Из германской партии «центра» отцы-иезуиты передали своего питомца прямиком во французскую христианско-демократическую. А немецкая ветвь де Ванделей вручила его заботам французской ветви, которая и оплатила избрание Робера Шумана депутатом от департамента Мозель. Правда, эта операция была проведена слишком топорно. В 1924 году около 200 депутатов парламента потребовали на этом основании лишить Шумана депутатского мандата. Его спасло реакционное большинство.

Вплоть до 1940 года депутат Робер Шуман старательно держался в тени. Он предпочитал отстаивать интересы своих хозяев на закрытых заседаниях парламентских комиссий, на неофициальных совещаниях в узком кругу или в беседах без свидетелей, с глазу на глаз. Иногда, впрочем, ему приказывали вылезать на поверхность и выступать публично. Приходилось, например, оказывать поддержку немецким агентам в Эльзас-Лотарингии, тем более, что они были одновременно и агентами Ватикана; или оберегать семью де Ванделей от национализации металлургии в 1936 году; либо, наконец, высказываться в пользу антисоветского мюнхенского пакта и т. д. и т. п.

Предательство 1940 года неожиданно выдвигает Шумана на самый передний план. 16 июня Петэн включает его в качестве статс-секретаря в свое «правительство». «Петэн,— писал в декабре 1944 года французский дипломат Камерер,— вознаградил министерскими портфелями тех, кто поддержал его политику капитуляции: Ибарнегери, Фроссара, Шумана...» Нужно ли напоминать, что это было **первое** «правительство» Петэна, министры которого несут перед историей самую тяжкую ответственность! Шуман проголосовал за капитуляцию перед Гитлером и за уничтожение республики, иначе говоря, за рабство, в которое был ввергнут французский народ и от которого его спасла через 4 года армия Советского Союза.

Впрочем, те, кто так настойчиво двигал Шумана вперед, вскоре опомнились. Вернее говоря, в высших кругах Ватикана и франко-немецкого стального картеля решили так: не следует расшифровывать до конца всю пятую колонну, надо сохранить кое-кого и на будущее, на случай непредвиденных событий. К концу лета Петэн убрал из своего «правительства» группу «министров», в их числе был и Шуман. Но надо было сделать так, чтобы о нем забыли окончательно. И вот под предлогом того, что за Робером Шуманом... «охотится гестапо» (!), лукавые отцы-иезуиты передали его на попечение группе французских монастырей. Там его попросту заперли на ключ, и в таком «консервированном» состоянии он пребывал до самого конца гитлеровской оккупации.

* * *

Святые отцы посещали затворника в его уединении и держали его в курсе событий. Предвидя скорое освобождение Франции, и сам Ватикан и западноевропейские тресты давно перепродались финансовой олигархии Соединенных Штатов. Шуману предстояло перейти на службу к новым могущественным господам из-за океана и служить им так же верно, как он служил великой герцогине Люксембургской, Вильгельму II, Пуанкаре и Петэну. Но Шумана не могла смутить никакая перемена декораций. За свою беспокойную жизнь он сменил уже столько ливрей, что напялить на себя любой другой бутафорский костюм не составляло для него никакого труда.

Шуман предстал перед трибуналом по «чистке». Судьи были тщательно проинструктированы, и они признали этого бывшего сообщника Петэна чистым, как утренний снег. В июне 1946 года он уже получил портфель министра финансов.

Правду сказать, это был лишь «испытательный стаж»: к Шуману пока еще присматривались из-за океана. Но он сумел так быстро удовлетворить своих новых хозяев за счет французской экономики, что 24 ноября 1947 года уже оказался во главе французского правительства.

В течение восьми месяцев своего премьерства Шуман провел так называемые «гнусные законы» против рабочего класса, подписал агрессивный брюссельский пакт, участвовал в лондонских соглашениях, поставивших крест на гарантиях безопасности Франции. «Кабинет» Шумана отличился рекордным количеством таких предательств национальных интересов. Однако в начале лета 1948 года ему пришлось убраться под напором негодования всех честных французов.

* * *

Покровители Шумана решили пристроить его на более устойчивое место. В июле 1948 года ему доверили министерство иностранных дел, в котором он сменил Жоржа Бидо. Какой-нибудь юморист мог бы сказать по этому поводу: на Кэ д'Орсэ министры уходят и приходят, а Ватикан остается!..

С тех пор более тридцати месяцев Робер Шуман возглавляет французское министерство иностранных дел, несмотря на все перемены в составе кабинета, столь частые за последнее время. Он охотно принял участие в англо-американских провокациях вокруг «берлинского вопроса» летом 1948 года; он беспрекословно по мановению руки Трумэна подписал Атлантический пакт; он помог Ачесону летом 1949 года сорвать совещание Совета министров иностранных дел в Париже; наконец, он показал себя полностью готовым к услугам, когда надо было прикрыть флагом ООН преступления американских интервентов в Корее.

Но Шуман стал министром иностранных дел не только по причине исключительной гибкости своего позвоночника. Вашингтонские империалисты вступали в это время в новый этап своей политики подготовки новой войны. После заключения агрессивного Атлантического пакта они перешли к воссозданию гитлеровского военного арсенала в Руре и гитлеровской армии в Западной Германии. Осуществление этого заговора против мира зависело во многом от Франции: именно фран-

цузскую промышленность предполагалось обратить на поставку сырья для рурского арсенала, а французским юношам готовилась судьба пушечного мяса в антисоветской войне. Но это означало также, что Франция могла и провалить весь план, если иметь в виду огромную волну протестов против этого плана, которая поднималась в стране.

ны, получил назначение постоянного представителя в «Совете Атлантического пакта».

В то время американцы как раз занимались сколачиванием марионеточного «правительства» в Бонне. Во главе его они поставили бывшего собрата Робера Шумана на секретной службе у иезуитов — Конрада Аденауэра. Отныне при обсуждении любой франко-германской проблемы достаточно было бы Аденауэру намекнуть на кое-какие старые воспоминания, чтобы у Шумана немедленно пропала охота к препирательствам.

Рисунок Ю. Ганфа

Естественно, что в Вашингтоне Шумана сочли идеальным приказчиком для осуществления намеченной операции — подчинения французской индустрии рурским монополиям. Кроме того в Вашингтоне знали, что этому бывшему петэновскому министру ничего не стоит под новым соусом возродить «сотрудничество» с германской реакцией. И, наконец, было очевидно, что чувство национального негодования, охватывающее все больше французский народ, едва ли окажет какое-либо воздействие на Робера Шумана.

Едва усевшись в министерском кресле на Кэ д'Орсэ, Шуман принялся сколачивать себе «штаб» из людей, которых ему охотно предоставила клика франко-германских стальных магнатов. Начальником своей канцелярии он назначил некоего де Бурбон-Бюссэ, члена одной промышленной семьи, связанной до войны с монополиями гитлеровского рейха. Затем был извлечен из «резерва» Франсуа-Понсе, брат генерального директора одной из крупнейших фирм, управляемых де Ванделями. В свое время Франсуа-Понсе был французским послом при Гитлере, сейчас он срочно был назначен «полномочным комиссаром» при правительстве Западной Германии. Близкий родственник де Ванделей, де Лейсс, был поставлен во главе департамента печати. Де Отклок, другой отпрыск той же семьи, был направлен послом в Брюссель уговаривать бельгийских металлозаводчиков подчиниться картелям Рура. И, наконец, Эрве Альфан, отец которого оказал де Ванделям всем известные услуги после первой мировой войны, получил назначение постоянного представителя в «Совете Атлантического пакта».

Тридцать месяцев все эти господа трудились с великим усердием и в строгой тайне: требовалось выработать для заокеанских поджигателей войны такую формулу возрождения агрессивной Германии, которая не слишком раскрывала бы намерения Уолл-стрита. Однако перед лицом бдительной советской политики мира и настойчивой разоблачительной работы международного демократического общественного мнения секрет становился секретом полишинеля, тайное делалось явным.

И мистер Ачесон вынужден был в конце концов открыть карты. В середине прошлого года был опубликован американский план восстановления военного потенциала Западной Германии. Ачесон проявил при этом особую «деликатность», окрестив этот план «планом Шумана» — пусть, мол, французы знают, в кого бросить первый камень. Вышеуказанный план означал не что иное, как передачу всей металлургической и угольной промышленности западноевропейских стран, и в первую голову Франции, под власть американо-немецких монополий Рура. Немецкому военному потенциалу, таким образом, придавался размах, какого он не имел никогда в истории. Франция должна была принести в жертву свою металлургию и закрыть, как «излишние», часть своих угольных шахт, что уже постепенно и начало проводиться в жизнь.

Вслед за этим 24 октября 1950 года на заседании Французского Национального собрания был оглашен американский диктат о восстановлении фашистской армии в Западной Германии. Напуганный бурными дебатами, Шуман все пять заседаний молчал, как в рот воды набрав. Но депутаты-патриоты постарались разъяснить народу смысл этого трусливого молчания. Депутаты-коммунисты Флоримон Бонт, Франсуа Бийю, Альфонс Дени, Анна Шелль, Матильда Пери, бывший дипломат Жильбер де Шамбрэн, бывший министр III Республики Пьер Кот, правый депутат Шарль Серр и даже старый пуанкарист Андрэ Марэн выходили на трибуну, чтобы пригвоздить к позорному столбу французских сообщников политики ремилитаризации Западной Германии.

— Нет и не найдется ни одного французского солдата,— воскликнул Флоримон Бонт в своей замечательной речи,— ни одного французского офицера, верных традициям французской национальной чести, которые согласились бы проливать кровь рядом с теми, кто расстреливал наших заложников и мучил наших детей, угнанных в рабство,— проливать кровь за то, чтобы вновь осуществились мечты о гитлеровской «великой» Германии!

Подчеркнув с силой, что залогом безопасности Франции может быть только присоединение к предложениям советской делегации в ООН и к декларации Пражского совещания, оратор бросил в лицо Шуману и его клике гневные слова:

— Ремилитаризация Западной Германии превратила бы Францию в солдата нового фашистского рейха. Ремилитаризация сделала бы Западную Германию судьей во всех внутренних вопросах французской жизни, решать которые призван только французский народ. Франция превратилась бы в объект жадного и злобного реваншизма немецких империалистов. Ремилитаризация Западной Германии, в какой бы форме и под каким бы предлогом она ни проводилась, означает для Франции войну! Мы убеждены,— заключил свою речь Флоримон Бонт,— что французский народ несмываемыми письменами запишет в своей памяти имена тех, кто, соглашаясь на восстановление агрессивных германских вооруженных сил, возобновляют предательский акт Мюнхена и изменяют заветам французского Сопротивления.

Сын бойца войны 1870 года, сам солдат войны 1914 года и отец двух солдат 1939 года, Флоримон Бонт заплатил четырьмя годами заключения в тюрьмах Даладье, Петэна, Дарлана и Эйзенхауэра за то, что непреклонно боролся против пятой колонны, за независимость Франции и отстаивал франко-советскую дружбу. Подлинный француз говорил от имени французского народа...

* * *

Круг замыкается. Карьера Робера Шумана идет к своему логическому завершению. После тридцати лет тайного служения немецкому империализму он непоправимо разоблачил себя на плане перевооружения Западной Германии, бросив вызов самым священным чувствам французской нации. Многим миллионам французских демократов не надо было ждать этого дня, чтоб разгадать подлинное лицо Шумана. Напрасно его патроны тщатся выдать его действия за «французскую политику». Весь мир видит сейчас Шумана таким, каков он есть.

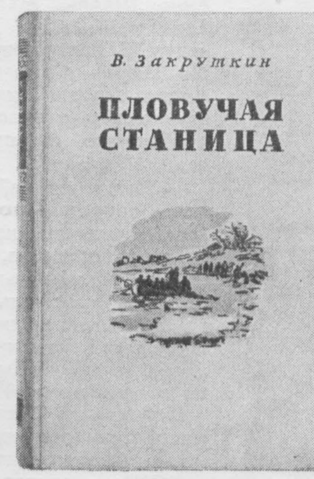
Газеты каждый день приносят нам отклики того сурового негодования, которое подымается из глубин французского народа против политики ремилитаризации Германии, против авторов этой политики и ее соучастников. Французский народ не враг немецкому народу: он умеет отличить немецкий народ от Германии реакционных реваншистов и милитаристов. Французский народ не забыл ни Сталинграда, ни франко-советского договора. Никакая сила в мире не принудит его к чудовищной «коалиции» с неофашистской немецкой армией против Советской Армии-освободительницы. Никакая сила в мире не заставит французов идти вместе со вчерашними оккупантами и палачами Франции против тех, кто спас Францию от фашистского ига ценою своей благородной крови. Если вашингтонские торговцы смертью будут со свойственным им тупым упрямством продолжать свой «эксперимент», тем хуже для них!

Перевод с французского.

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Романтика профессии

...Ярки и многообразны трудовые будни людей, живущих на берегах тихого Дона. О мужественных донских рыбаках, о романтике рыбачьей профессии поведал читателям ростовский писатель Виталий Закруткин в книге «Пловучая станица».

Не только в опасностях сурового рыбачьего труда видит автор эту романтику. В конце романа В. Закруткин приводит любопытный разговор между двумя инспекторами рыболовного надзора. Один из них, старик, говорит:

«От меня не уходил ни один браконьер!.. Я неделями гонялся за ними на лодке, настигал в снегах, где-нибудь в самом потаенном таежном зимовье. Я состязался с ними в ловкости, отваге, выносливости, дьявольской хитрости, глаз с них не спускал, знал все их мысли, потом ловил на месте преступления и беспощадно карал!»

В ответ на это герой романа Василий Зубов иронически замечает:

«Вы, оказывается, неисправимый романтик... Я же все это знаю только по книгам. Ловцы креветок, устричные пираты в желтых платках, связанные веревками короли браконьеров,— об этом в свое время писал отличный инспектор рыболовного надзора Джек Лондон. Но все это в далеком прошлом. Честное слово, в рыбоводных пунктах, в выведении новых пород промысловой рыбы и в зарыблении колхозных степных водоемов гораздо больше романтики, чем в желтых платках устричных пиратов!»

Именно в этой «беспокойной устремленности в будущее» и заключается романтика, рожденная нашей жизнью, ею-то и увлечены герои романа «Пловучая станица».

Успех книги определяется тем, что В. Закруткин с большим мастерством и знанием дела развенчивает вредные традиции прошлого, за которые цепляются наиболее отсталые рыбаки. Опасность этих традиций в том, что даже сравнительно передовые люди мирились с ними, прикрываясь афоризмами вроде таких:

«Правила правилами, а государство сидеть без рыбы не может, государство требует выполнения плана добычи любой ценой».

Подобные делляческие рассуждения председателя рыболовецкого колхоза Мосолова открывали лазейку для хищнического лова, для любителей поживиться за счет государства — браконьеров.

В борьбе против нездоровых настроений небольшой группы рыбаков объединились лучшие люди артели — парторг Архип Иванович Антропов, комсомолец Степан Худяков, рыбовод колхоза Груня Прохорова и многие другие. Борьба эта началась задолго до событий, описанных в романе. Но она стала более острой и успешной в те дни, когда в станице Голубовской появился новый участковый инспектор рыболовного надзора Василий Зубов.

«Мы не можем ждать милостей от природы; взять их у нее — наша задача». Это мичуринское положение направляет и деятельность Зубова и труд рыбаков-новаторов, убежденных, что и в рыбном хозяйстве тоже должны быть утверждены законы социалистического производства, что оно может и будет развиваться по плану, независимо от стихийных бедствий, от любых капризов природы.

«Наш брат-рыбак по старинке на свое дело смотрит: он только берет от реки, на иждивении у нее состоит, вроде как инвалид при собесе. А по-моему, рыбак должен хозяином на воде стать, как крестьянин на земле. Советский рыбак должен не только добывать, но и производить... Сеять надо рыбу... И притом сеять не абы какую рыбу, а лучшие сорта... Сеять и ухаживать за ней надо, выращивать ее, как знатная колхозница ягнят или поросят выращивает»,— говорит парторг Антропов.

В романе показана связь труда и науки. Мы видим, с какой любовью Зубов и комсомольцы оборудуют рыбоводный пункт, вместе с профессором Щетининым переживаем его неудачи в опытах с белугами, радуемся его успехам.

Трудны первые шаги Василия Зубова. Профессию свою он узнал и полюбил по книгам да по лекциям преподавателей техникума. В жизни все оказалось гораздо сложнее. Прежде чем что-либо решить, надо было внимательно присмотреться к людям, вникнуть во все детали рыбачьего промысла. В круг своих служебных обязанностей Зубов входит постепенно, без шума и треска, ничем не напоминая пресловутую «новую метлу».

Невелик участок работы, доверенный государством Зубову. Но его страстное, творческое отношение к делу, влюбленность в свою, как ему кажется, самую замечательную профессию в мире, высокая принципиальность, уменье смотреть в будущее придают образу молодого инспектора рыболовного надзора черты государственно мыслящего человека.

Но одних его личных хороших качеств было бы недостаточно, чтобы сломать силу вредных привычек и привить всем рыбакам хозяйское, бережное отношение к естественным богатствам родной реки, чтобы заставить каждого думать о завтрашнем дне. Решающую роль сыграло то, что бок о бок с молодым коммунистом шли его товарищи по труду, его единомышленники. То, что В. Закруткину удалось в живых, зримых образах показать единую, целеустремленную волю большого коллектива советских людей, их дружбу и сплоченность, их энергию, рожденную благородной целью, составляет одну из самых сильных сторон романа «Пловучая станица».

Обаятелен образ рыбовода колхоза Груни Прохоровой, с первого же знакомства полюбившейся читателям. Вездесущая и неугомонная, она несет в себе типические черты поколения молодых строителей коммунизма — жизнерадостность, неиссякаемую творческую энергию, уменье преодолевать любые трудности.

Колоритна фигура парторга Архипа Ивановича Антропова. В этом образе сочетается нетерпимость к тем, кто «на чужом хребту в коммунизм въехать норовят», и трогательная, отеческая забота о подлинных тружениках-новаторах. Поэтому рыбаки от души любят своего парторга, идут за ним.

Интересен в романе образ Пимена Талалаева. Этот человек из тех, которые «в полсилы работают или же видимость одну показывают, и я, дескать, герой, и я жизнь свою на общее дело кладу... а у самого руки нечистые и мыслишка только про свою хату...» Крушение Талалаева, «обкрадывавшего завтрашний день» государства, выглядит в книге вполне закономерным, художественно оправданным.

Не все образы в романе выписаны с необходимой полнотой и убедительностью. Секретарь райкома партии Назаров очерчен несколькими скупыми штрихами, его психологическая характеристика недостаточно глубока. Нетрудно увидеть, что в обрисовке образов профессора Щетинина и деда Малявочки автор во многом шел от известных литературных героев.

Некоторые возражения вызывает и композиция произведения. Местами роман несколько растянут. Повествование о поездке Василия и Груни в Москву ничего не прибавляет к художественным достоинствам романа, а лишь замедляет его развитие.

Недавно Совет Министров СССР принял постановление о сокращении сроков строительства канала Волга — Дон и орошении засушливых земель Сталинградской и Ростовской областей. В романе В. Закруткина читатель видит начало этих гигантских работ.

«Река станет жить иной жизнью»,— говорит профессор Щетинин. Он рисует колхозникам грандиозные планы преобразования природы и нового подъема экономики. И не только рыбаки, участники этой беседы, но и все читатели новой книги В. Закруткина, заглядывая в это уже недалекое будущее, ощущают его величественную красоту, чувствуют близость коммунистического завтра.

Ю. ИВАЩЕНКО

В. Закруткин «ПЛОВУЧАЯ СТАНИЦА». Роман. «Советский писатель». М. 1950. 356 стр. Ц. 8 руб. 50 коп.

Пою коммунизм

Так назвал свою новую книжку один из виднейших наших поэтов, певец советского Азербайджана Самед Вургун.

Лучшие ее страницы овеяны пафосом созидания, защиты мира и дружбы народов. Путеводной нитью ко всему разнообразию тем, впечатлений, мыслей и чувств, наполняющих книжку, может служить стихотворение «Читая Ленина». Это гимн ленинизму — «итогу всей мудрости земной», бессмертному учению, которое исторически утвердилось под гениальным водительством Сталина в славных победах советского строя, воспитало миллионы борцов за коммунизм, направляет борьбу за мир и счастье народов.

И, глядя в лица новым
поколеньям,
Я вижу правды ленинской
красу,
Я чувствую: живет
бессмертный Ленин —
И благодарность Сталину
несу!

В мощном размахе творческих планов советского государства, в их реальности, во всем самом лучшем, смелом и новом в нашей жизни — ум, воля, душа великого вождя народов.

А Сталин, словно зодчий
величайший,
Вложил свой жаркий труд
и мастерство
И в завиток орнамента
мельчайший
И в общий план
строительства того!

Учению Ленина — Сталина обязаны народы тем, что заветная мечта нескольких поколений революционеров осуществилась на одной шестой земного шара и Родина наша стала маяком свободы для всех трудящихся на свете.

...На трибуне Вроцлавского конгресса защитников мира — негр-художник (поэма «Негр говорит»). Он клеймит расовую дискриминацию, фашистскую, человеконенавистническую политику американских дельцов-атомщиков. Настороженно затихает зал:

Предчувствие большой
грозы растет в молчании
таком.
В глазах людей клубился
гнев, которому пределов
нет.
Казалось, он тугим жгутом
людей, как сноп,
перевязал.
А негр взволнованно
дышал, сжимая руки
в кулаки,
И, выступив из берегов,
почти захлестывали зал
Почти что видные валы его
обиды и тоски.

Поэт с подлинным вдохновением передает возвышенную силу правды, обличающей поджигателей новой войны. Негр — герой поэмы — верит в мощь миролюбивых народов. Он знает, что «нет в мире ничего сильней семьи трудящихся людей». Гордое чувство человеческого достоинства, решимость бороться до конца, вера в победу миллионов борцов за мир, от имени которых говорит негр,— все это обязано своим рождением и расцветом тому же всепобеждающему учению Ленина — Сталина. Изображено это поэтически проникновенно и осязаемо:

Я угадал по свету глаз:
негр видит Сталина
сейчас,
Он разговаривает с ним,
когда с трибуны смотрит
вдаль,
Я угадал по свету глаз:
он слышит сталинский
приказ...

В любом уголке земли, где идет битва за свободу, независимость и мирное счастье народов, взоры ее участников обращены к маяку коммунизма — Советской стране,— где «Кремль накинул на плечо тумана серую шинель...», где

...над покоем всей земли
одно горит окно Кремля,
Не спит великий человек
над картой наций и
земель.
Горит высокое окно, и
сердце бодрствует одно.

Гневная отповедь поджигателям войны звучит в стихотворении «Заря встает с востока», прославляющем героический подвиг воинов Корейской народно-демократической республики.

Еще окутана дымом разрывов многострадальная корейская земля, еще не осела пыль на развалинах городов, разрушенных американскими интервентами, а все-таки солнце победы светит Народной армии Кореи, предвещая грядущую зарю коммунизма:

И надо всей планетой
нашей,
И тут, и там, куда ни глянь,
Встает все выше и все
краше
Коммунистическая рань.

Передает ли поэт впечатления от недавних заграничных поездок или повествует о жизни бакинского нефтяника Мурада, рассказывает ли он о заре социалистической революции или о сегодняшнем нашем дне — во всем чувствуется единство поэтического мироощущения, зоркое восприятие современности. Оно придает беспощадную остроту стихам, обличающим социальные уродства капиталистического мира — нищету масс, кровожадные вожделения черчиллей («Последняя картина», «Лондонская старуха», «Банкет»). Оно же позволяет поэту раскрыть подлинный гуманизм и мудрость сталинской политики мира, которая помогает германскому народу избавляться от охвостий фашизма и строить свое свободное, демократическое государство («Берлинский каменщик и советский офицер»).

Повествуя о том, как в памяти вождя народов возникают давние эпизоды революционной борьбы в Баку, поэт говорит:

Он вспоминает прошлый
день затем,
Чтобы к себе приблизить
день грядущий!

Автор стремится и в этом следовать любимому вождю и учителю, образ которого многократно возникает на страницах книги. Во многих стихах Самеду Вургуну удается показать, как минувшее, перекликаясь с сегодняшним, обращено к будущему.

С наибольшей рельефностью и близостью облик коммунизма предстает в поэме «Старые друзья», предстает, как реальное счастье советской действительности, рожденное доблестным трудом простых советских людей — таких, как мастер Мурад и его друзья.

Уже в первом стихотворении сборника «Читая Ленина» Самед Вургун, обращаясь к певцам мира и свободы во всем мире, с гордостью называет имя своего поэтического наставника:

Пусть римский друг, и
пражский, и московский —
Поэты мира — строятся
в ряды!
Наш командарм —
Владимир Маяковский.
Так будем же отважны
и тверды!

Во вступлении к поэме автор дает бой «литературным мещанам», которые ищут поэзию не в самой жизни, не в бурном кипении нашей повседневности, с ее большими чувствами и выдающимися событиями, а где-то на стороне.

Свое призвание поэт видит в том, чтобы раскрыть поэтический смысл и красоту окружающего, выразить творческие порывы, жар высоких чувств героев нашего времени.

* * *

В сборнике «Пою коммунизм» есть стихотворения, уступающие и по мысли и по силе выражения названным выше, лучшим стихам. Слабость таких стихотворений как «Могила Маркса», «Статуя матери», вероятно, в известной мере зависит и от неудач перевода.

Однако эти частные недостатки не могут изменить яркого впечатления от книжки. Она радует читателя поэтической свежестью, широким кругозором, боевой направленностью к защите мира и пламенной влюбленностью в сегодняшний день советской земли.

О. РЕЗНИК

Самед Вургун «ПОЮ КОММУНИЗМ». Стихи и поэмы. Переводы М. Алигер, П. Антокольского, А. Жарова, И. Оратовского, П. Панченко и А. Плавника. Баку, Азернешр. 1950. 84 стр. Ц. 5 руб. 65 коп.

У северного берега Телецкого озера находится поселок Государственного Алтайского заповедника — Яйлю.

Горный Алтай

Между мохнатыми зеленовато-синими горами всходит над Алтаем солнце. И сразу обнажается вся четкая, яркая красота этого удивительного края.

Над причудливыми нагромождениями каменных глыб, похожими на гигантские древние руины, встают алтайские кедры. Стройные, они будто вычерчены на небе. Пушистые ели взбираются по склонам, а над ними зажигаются снега вершин.

И так живописна эта красота, что кажется, нарочно она отразилась вся в водах Телецкого озера, будто стараясь повториться дважды. Телецкое озеро зовут сердцем горного Алтая.

Крепкими, новыми домами встал на алтайской земле поселок Яйлю. Здесь ведутся научные наблюдения и систематизируется материал по изучению леса и его обитателей.

Летом отсюда уходят в горы вереницы туристских групп и научные экспедиции.

Благоустроенный поселок Государственного Алтайского заповедника располагает большим подсобным хозяйством.

Фото С. Галаджа

«Доброе утро!» Алтайские белки в курсе всех событий заповедника. При встрече необходимо обменяться последними впечатлениями.

Синее блюдце озера спрятано в горах на высоте 1800 метров над уровнем моря.

Вдохновенный ХУДОЖНИК

К 5-летию со дня смерти И. М. Москвина

Ученик и сподвижник К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, Иван Михайлович Москвин воплотил в своем творчестве лучшие черты сценического искусства Художественного театра — глубину мысли, правдивость чувств, стремление помочь зрителю через художественный образ познать действительность.

Сам Москвин создал ряд ярчайших образов классической и современной русской драматургии. Он был одним из самых любимых артистов Горького и Чехова. В пьесах «На дне» и «Вишневый сад» Лука и Епиходов относятся к числу наиболее совершенных из созданных Москвиным образов. Советские зрители имели возможность видеть Москвина почти во всех его лучших ролях.

Уже после Великого Октября Москвин создал ряд ярчайших образов в пьесах советских драматургов и русских классиков. Он был до конца типичен в обрисовке и персонажей прошлого — от Пугачева в трагедии К. Тренева до роли купца Прибыткова в «Последней жертве» Островского. Какая галерея сценических портретов, написанных ярко, свежо и сильно: вот безудержный враль Ноздрев, пьяный самодур Хлынов, а вот умный, сдержанный, волевой адмирал Белобров в пьесе Крона «Офицер флота»!..

В день семидесятилетия И. М. Москвина, 18 июня 1944 года, в 822-й раз давался спектакль «Царь Федор Иоаннович» А. К. Толстого, которым 26 октября 1898 года впервые открывал свои двери Художественный общедоступный театр. И теперь, как и тогда, главную роль играл Москвин. Разница только была в возрасте исполнителя. В 1898 году Ивану Михайловичу было всего 24 года, а в день юбилея 70 лет.

Но когда, бесшумно собирая мягкие складки, раздвинулся занавес и Москвин вышел на сцену в облике царя Федора, когда вновь зазвучал певучими интонациями его голос, когда чудесно засветились его глаза, зрительный зал перестал думать о возрасте артиста-юбиляра. Все, кто был на спектакле, целиком подпали под обаяние необычайно тонкого и проникновенного искусства. Все развитие роли было отмечено особой трогательностью, особой взволнованностью. Казалось, будто Москвин впервые выступает в этом, им горячо любимом образе, так свежо и непосредственно произносились им слова, так много было истинного вдохновения в каждом движении.

Блестящий представитель реализма, Москвин навсегда вписал свое имя в славную летопись советской театральной культуры. Его вклад в сокровищницу русского искусства громаден. Творчество Москвина увенчано славой и бессмертием.

Н. В.

Говоря о работе актера в театре, мы никогда не должны забывать о том, что такое театр в нашей стране, какую огромную роль он играет в строительстве новой жизни... Если в театре зритель видит правдиво изображенную жизнь, спектакль глубоко западает ему в память, волнует его и многому учит.

Из этого ясно, что нам, актерам советского театра, надо играть так, чтобы оставался этот большой след в душе зрителя, чтобы театр показывал ему настоящую правду.

И. Москвин.

Москвин показывался в роли Федора и произвел на меня огромное впечатление. Я плакал от его игры, и от умиления, и от радости, и от надежды на то, что среди нас находятся такие талантливые люди, могущие вырасти в больших артистов.

К. Станиславский

Одним из замечательных достижений Москвина была роль странника Луки в пьесе Горького «На дне»... поражало, как этот, тогда еще совсем юный Москвин сумел так перевоплотиться в многоопытного, по-своему умудренного старика. Его безнадежное обнадеживание, его безрадостная радость глубоко западали в душу...

Т. Щепкина-Куперник

...Антон Павлович пришел к образу довольно полного, уже не молодого Епиходова, которого он дал в первой редакции пьесы... Но у нас не было подходящего по фигуре артиста, и в то же время нельзя было не занять в пьесе талантливого и любимого Антоном Павловичем актера И. М. Москвина, который в то время был юный и худой. Роль передали ему, и молодой артист применил ее к своим данным... Мы думали, что Антон Павлович рассердится за эту вольность, но он очень хохотал, а по окончании репетиции сказал Москвину:

— Я же именно такого и хотел написать. Это чудесно, послушайте!

Помнится, что Чехов дописал роль в тех контурах, которые создались у Москвина.

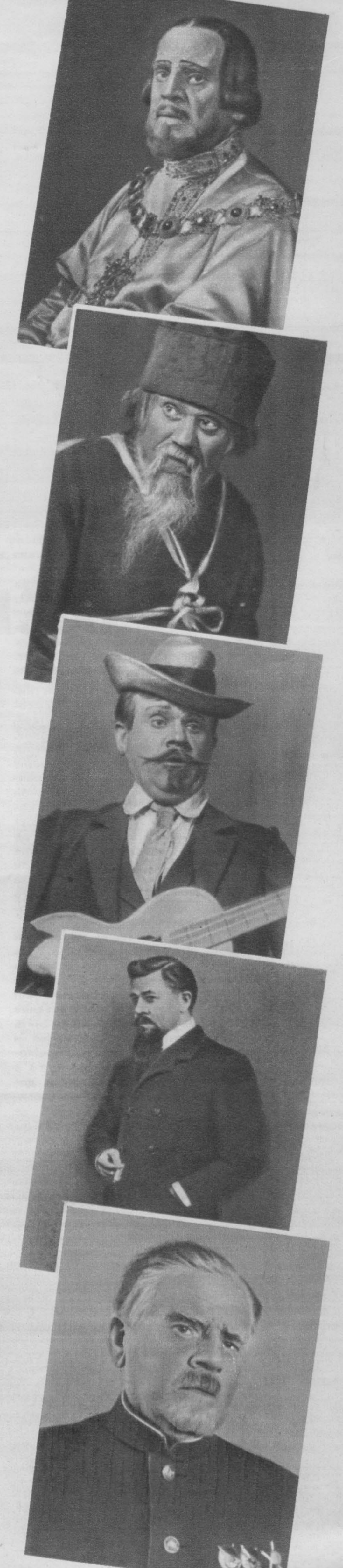
К. Станиславский

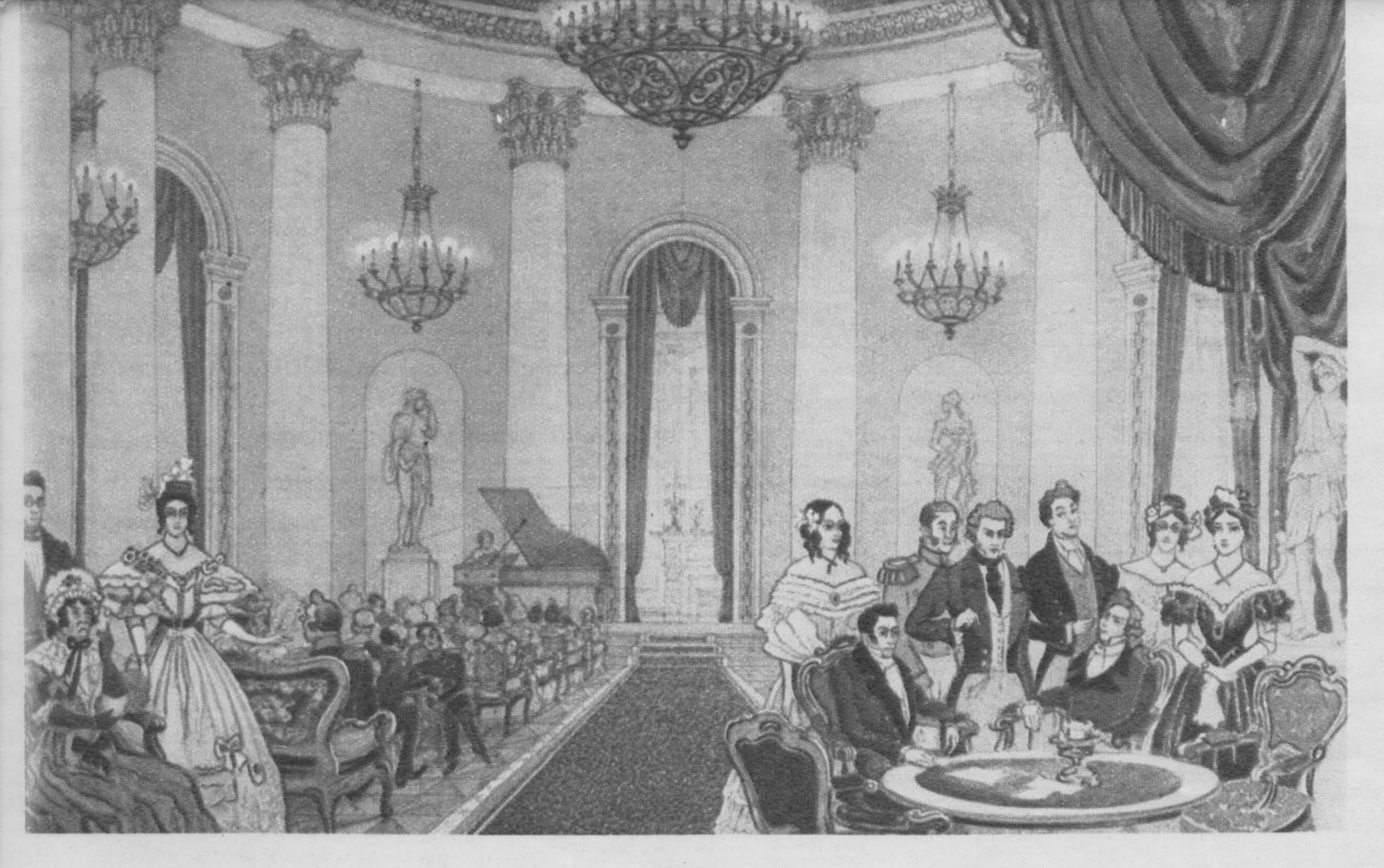
Огромной силой протестующего духа, неприятия общественных и моральных устоев старой, царской России был насыщен этот образ... Невозможно забыть сцену допроса Феди Протасова у следователя. В исполнении Москвина она была предельно простой, возвышенной и обладала вместе с тем покоряющей драматической силой.

Н. Хмелев

...Облик замечательного человека, — адмирала Белоброва, прошедшего все ступени флотской службы от матроса дореволюционной России до флотоводца Военно-Морского Флота СССР, умудренного огромным жизненным опытом, чуткого, с полуслова понимающего каждое движение человеческой души и любящего флот и его людей отцовской, нежной и заботливой любовью,— создал И. Москвин с исключительной, незабываемой силой.

Б. Лавренев

А. Уткин. Зал Виельгорского. Эскиз декорации к фильму «Славься, народ» («Глинка»). Режиссер — Г. Александров.

ЗА ЭКРАНОМ КИНО

О. ЛЕОНИДОВ

Лучшие фильмы советской кинематографии отличаются высокой идейностью и мастерством художественного воплощения. Разнообразны сюжеты, жанры, место и время действия в наших кинокартинах, но все в них характеризует стремление к жизненной правде. Стало привычным, что советские кинематографисты ведут съемки именно в тех местах, где должны развернуться события фильма, будь то Москва или Ленинград, Украина, Прибалтика или зарубежные страны. Но это правило допускает и вполне понятные исключения.

Только с помощью декораций можно воссоздать древнюю Русь времен Александра Невского или Минина и Пожарского, старую Москву эпохи Ивана Грозного или Санкт-Петербург в царствование Петра Первого. Невозможно снять без декоративных сооружений и фильмы из недавнего прошлого: так неузнаваемо меняются с каждым годом городской и деревенский пейзажи Родины. Съемки «Сталинградской битвы» начались на развалинах города-героя, но восстановление его шло столь быстрыми темпами, облик города так сильно менялся, что уже для второй серии фильма сталинградские улицы и дома годов войны пришлось строить на площадке киностудии в Москве.

В декорациях снимаются жилые помещения, служебные кабинеты, лаборатории. Съемки в цехах заводов и фабрик обычно монтируются со съемками в декорациях, точно копирующих подлинные объекты: только так можно обеспечить необходимую мощность света и создать мизансцены для игровых эпизодов с участием актеров.

Творцом этих декораций, воспринимаемых с экрана как вполне реальный мир, является художник. По его эскизам десятки и сотни мастеров возводят разнообразные сооружения, делают мебель, бутафорию, в цехах киностудий изготовляют реквизит.

Старейшие деятели советского кино С. Козловский и В. Егоров, ныне народные художники РСФСР, начинали свою работу в дореволюционной кинематографии. Тогда фильмы оформлялись в большинстве крайне примитивно, декорации были рисованные, плоскостные. Все необходимое режиссеру для той или иной сцены писалось на полотне.

В книге «Первые годы русской кинопромышленности» А. Ханжонков вспоминает, как изготовлялась декорация опочивальни для фильма «Боярин Орша». Художник нарисовал две бревенчатые стены с окном и дубовой дверью с железными скобами. Нарисованы были и полка с резной утварью и иконостас с горящей лампадой. Все выпуклости изображались графически. Двери делались тоже из полотна, натянутого на бруски. К дрожанию подобных «сооружений» зрители относились с такой же снисходительностью, как к любой театральной условности...

Подводное царство в «Русалке» тоже было изображено на плоскостном заднике и прибито к стене дома, около которого велись съемки. Для изображения мельницы была использована дачная купальня с незначительной плотницкой доделкой. Входами в господские хоромы послужили постройки «в русском стиле», находившиеся в Сокольниках на участке, арендованном Ханжонковым.

Как наивны эти картинки детства нашей кинематографии по сравнению с достижениями художников советского киноискусства!

За тридцать с лишним лет в советской кинематографии выросло не одно поколение выдающихся художников. Многие из них удостоены почетных званий и Сталинских премий. Лауреатами Сталинских премий являются Н. Суворов (фильм «Великий перелом»), В. Егоров («Без вины виноватые»), С. Мандель («Русский вопрос»), Е. Еней («Пирогов»), А. Уткин («Встреча на Эльбе»), Л. Мамаладзе («Сталинградская битва»), А. Пархоменко («Падение Берлина»). Дважды удостоен Сталинской премии художник Мосфильма В. Каплуновский — за кинокартины «Глинка» и «Падение Берлина». Сталинскими премиями отмечены художники И. и В. Никитченко, М. Семенов, Л. Александровская-Турылева — специалисты так называемых комбинированных съемок.

Ряды художников регулярно пополняются молодежью — питомцами художественного факультета Всесоюзного государственного института кинематографии. Среди молодых выдвинулись за последние годы Г. Мясников и М. Богданов — художники фильмов «Каменный цветок», «Мичурин», «Смелые люди».

Оформление советских фильмов отличается высоким художественным качеством и полной достоверностью.

При постановке исторической кинокартины советский художник тщательно изучает эпоху, ее архитектуру, живопись, бытовой уклад, использует в качестве моделей музейные экспонаты. Бутафоры воспроизводят последние с такой безупречной точностью, что копии не отличишь от оригиналов.

Киноаппарат зорче, «въедливее» невооруженного человеческого глаза. Малейшая неряшливость в постройке декорации, в фактуре материала сразу же выдает неправду. Поэтому художник и его помощники должны в совершенстве знать все, что попадает в кадр.

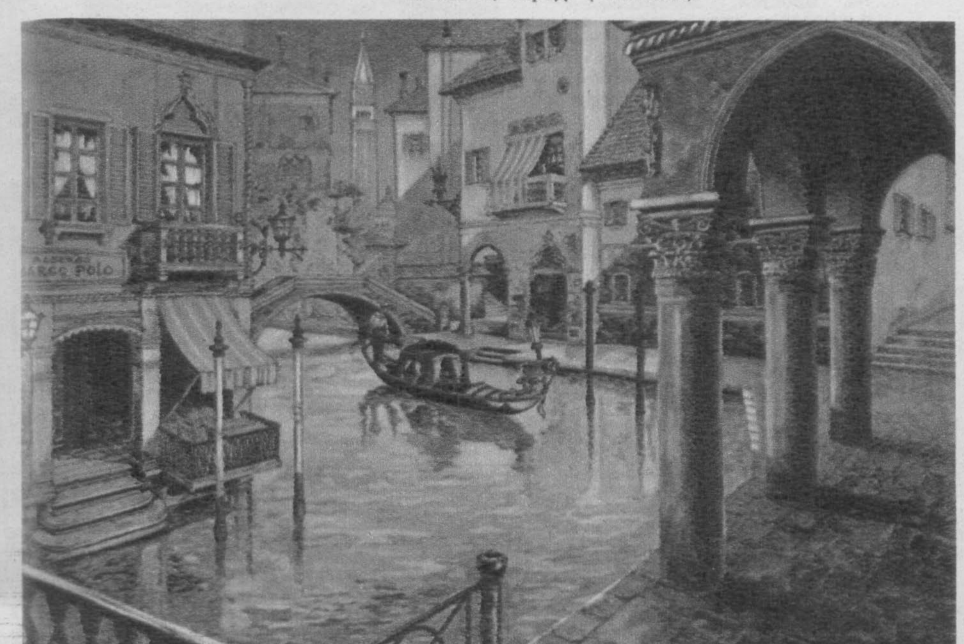
В каждой студии есть свои мастера-самородки, по многу лет работающие в кино и горячо преданные своему трудному и ответственному делу. Среди таких «умельцев» надо в первую очередь назвать братьев Назаровых — строителей декораций в студии Мосфильм. Как тонко чувствуют они стиль, понимают и расшифровывают эскиз!

Необычайную изобретательность проявили кинохудожники в годы Великой Отечественной войны. Тогда в студиях, перебазированных в Среднюю Азию, в Грузию, снимался ряд фильмов, действие которых происходило на фронте, в оккупированных районах Украины и Белоруссии, в городах-героях Ленинграде, Севастополе. И вот для картины «Два бойца» построили в Ташкенте ленинградские набережные, улицы, пейзажи Гатчины, Петергофа. В Тбилиси для кинокартины «Малахов курган» соорудили и самый курган, и улицы Севастополя, и памятник Корнилову. Моряки-севастопольцы, находившиеся в Тбилиси, приходили на съемки — посмотреть «родные места».

В столице Казахстана Алма-Ате для первой серии «Ивана Грозного», снимавшейся в годы войны, были воздвигнуты боярские терема, царские палаты, московские соборы...

Совершенно новый и гораздо более сложный этап начался для искусства кинохудожника с переходом к съемкам цветных филь-

А. Уткин. Канал у гостиницы «Марко Поло». Эскиз декорации к фильму «Славься, народ» («Глинка»).

мов. В отличие от американских фильмов с их резкими красками, утомляющими глаз пестротой и контрастностью, советские кинокартины привлекают зрителя естественными тонами, мягкими переходами из цвета в цвет. Создавая эскизы декораций, костюмов, натурных кадров, художник должен заранее разработать всю цветовую гамму кинокартины, чтобы каждый предыдущий кадр и в цвете монтировался с последующим.

Мягкая цветовая гамма — результат большого экспериментального труда. При съемках и в павильонах и на натуре естественную окраску объектов зачастую приходится то приглушать, то усиливать.

Когда для фильма «Падение Берлина» была впервые заснята на цветную пленку сцена боя, вся съемочная группа, по словам режиссера М. Анджапаридзе и директора картины В. Циргиладзе, пришла в отчаяние: получился чудесный пейзаж с серебристой рекой, голубым небом, изумрудной травой на первом плане, и только где-то вдалеке, лениво клубясь, поднимались дымки. Расплываясь в пушистые облака, они украшали и без того красивый мирный пейзаж.

В. Каплуновский. Комната Барбюса в пригороде Парижа. Эскиз декорации к фильму «Поджигатели». Режиссер — Л. Арнштам.

В. Каплуновский. Лестница в рейхстаге. Эскиз декорации к фильму «Поджигатели».

Что же произошло? Раскинутые на общем плане люди в серых шинелях были «поглощены» яркими красками летней природы. Стало ясно: войну надо показывать иначе. Начали пробовать применение цветных дымов и цветных факелов. Кроме того решили снимать бой или в пасмурную погоду или при неполном солнечном освещении, и только тогда добились правды.

Особенно наглядно виден объем и сложный характер работы художников цветного кино по фильму «Падение Берлина». Для этой картины В. Каплуновский и А. Пархоменко сделали свыше восьмидесяти эскизов декораций в цвете. Параллельно Л. Александровская создавала эскизы в цвете к комбинированным кадрам, Е. Куманьков и Е. Свидетелев произвели зарисовку свыше шестисот кадров в цвете — для тонального решения картины. В. Перелетов и А. Жаренов изготовили до двухсот эскизов костюмов.

Один только «немецкий комплекс» потребовал постройки восемнадцати декораций. Общие планы штурма рейхстага задумано было снять на натуре. Но рейхстаг, как известно, находится в английском секторе, и английские власти не разрешили съемку, воссоздающую подлинную картину славной победы Советской Армии. Пришлось спешно строить декорации, и тут возникли новые трудности. До той поры съемка с домакеткой считалась в цветном кино неосуществимой: подогнать друг к другу объект съемки и домакетку казалось невозможным, тем более при съемке с дымами, взрывами, стрельбой из пушек...

Съемочная группа во главе с постановщиком М. Чиаурели пошла на смелый эксперимент. Художник В. Каплуновский за одиннадцать дней построил лестницу рейхстага в натуральную величину, установив три домакетки (архитектурные модели, сливающиеся при комбинированной съемке с декорацией).

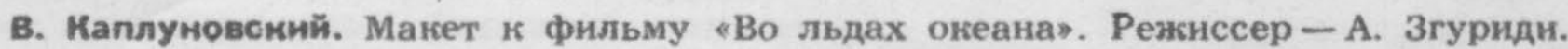
Художник и оператор считали, что снимать можно только один час в середине дня и только в солнечную погоду... Но когда на площадке собиралось до пяти тысяч человек и для съемки общих планов рейхстага отведенного времени не хватало, а солнце то пряталось в тучах, то на мгновение появлялось вновь,— все предварительные условия были забыты. Л. Александровская стояла возле макета и срочно его перекрашивала, пригоняя к декорации в соответствии с меняющимся освещением...

Результаты получились отличные — вряд ли кто из зрителей усомнится в том, что видит на экране подлинный рейхстаг.

Кинохудожник у нас — равноправный соавтор драматурга и постановщика, оператора и актера. Вместе разрабатывают они партитуру фильма, вместе исполняют ее.

Совсем иные цели ставит перед художниками кино буржуазных стран. Все здесь подчинено бизнесу, наживе. Вместо дорогостоящих экспедиций, вместо творческих поисков и экспериментирования — стандартные декоративные объекты, заранее изготовленные «на все случаи жизни». На площадках Голливуда высятся фанерные города, улицы, кварталы, европейские гавани и африканские селения. С незначительными изменениями одновременно или последовательно фигурируют они в десятках фильмов, действие которых происходит в самые различные эпохи, в самых различных частях света. Сегодня это улица портовых кабаков Марселя, завтра в этой же декорации снимают Калифорнию, сегодня здесь разыгрывается современная гангстерская мелодрама, завтра — «историческая» ковбойская лента. Можно ли в таких условиях говорить о творческом методе кинохудожника, неизбежно становящегося ремесленником!

Работа советского кинохудожника — подлинное творчество. Все глубже и совершеннее овладевая методом социалистического реализма, мастера советской кинематографии, драматурги и режиссеры, артисты, операторы и художники несут народу великую правду жизни.

В. Каплуновский. Макет к фильму «Во льдах океана». Режиссер — А. Згуриди.

Певец родного села

За рекой Мокшей в Мордовской АССР раскинулось большое село Кочелаево. Здесь живет и работает один из старейших русских художников, заслуженный деятель искусств РСФСР Федот Васильевич Сычков.

Вы входите в просторный дом со стеклянной крышей, и вас окружает мир веселья, молодости, яркого солнца, цветов...

Художник показывает нам картины одну за другой. В них ощущается горячая любовь мастера к детям, к жизни. Вот румяная, с озорными глазами улыбающаяся крестьянская девочка в полушубке и красном платке; вот несутся с гор санки с веселыми ребятишками...

В мастерской художника около 300 картин. А сколько сот их разошлось по музеям и по частным собраниям!

Вся жизнь Ф. В. Сычкова связана с родным селом. Здесь, в Кочелаеве, он родился в 1870 году в семье бурлака. С детства у мальчика проявлялась страсть к рисованию, он постоянно чертил углем и мелом на стенках, а попав в сельскую школу, стал копировать рисунки из учебников и книг. Счастливый случай привел двадцатитрехлетнего крестьянского парня в Петербург.

Здесь его работы увидел Илья Ефимович Репин. Сычков хорошо помнит репинские слова о себе:

— Давайте ему больше книг, пусть он больше читает, развивается. Он из деревни, ему это необходимо.

Художественную школу в Петербурге Сычков окончил за два с половиной года вместо пяти и в 1896 году поступил в Академию художеств, где учился у Репина. Сычков бережно хранит записку, в которой великий художник дает ему разрешение на копирование портрета своей работы. «Сычков хороший живописец», — говорится в записке.

В 1900 году, окончив Академию, Сычков вернулся в родное село. Здесь он создал большие полотна: «Учительница», «Мяльщицы льна», «Возвращение с базара», «Зимой на катке», «Трудный переход», «Летом в деревне», «Праздник в деревне», «Деревенская свадьба», «Девишник», «Первый выход молодой» и многие другие. Широко представлена в творчестве Сычкова жизнь советской деревни: «Праздник урожая», «Вручение государственного акта на вечное пользование землей», «Встреча героя», портреты колхозников-передовиков, героев Отечественной войны.

Особое место занимают многочисленные этюды, сделанные во время заграничной поездки художника. Чудесны залитые солнцем виды Рима, Неаполя, Помпеи, Капри.

Недавно отмечалось 60-летие художественной деятельности Федота Васильевича и 80-летие со дня рождения. В Кочелаеве была открыта выставка его картин и состоялось чествование художника, организованное правительством Мордовской республики.

Несмотря на маститый возраст, Федот Васильевич Сычков деятелен и бодр.

Мы видим его в мастерской, стоящим у мольберта с палитрой в руках. На холсте любимый сюжет Сычкова — радостные, счастливые дети колхозного села.

А. ХРАБРОВИЦКИЙ

Пенза.

Ф. Сычков. В ЗИМНИЕ КАНИКУЛЫ.

Ф. Сычков. ШАЛУНЬЯ.

Ф. Сычков. КАТЯ.

Д. Ростовцев резко сворачивал влево...
Фото Н. Волкова

Лыжник катит с гор...

Л. БРАСЛАВСКИЙ

— Еще есть надежда! — сказал Ростовцев. То, что он произнес это вслух, хотя рядом никого не было, выражало крайнюю степень решимости. Он взглянул на горы. Укутанные снегом, они вздымались вдали мощными, суровыми перепадами. Сплошные темные тучи словно срезали их вершины.

Склон горы, где стоял Ростовцев, был размечен красными и синими флажками. Извилистой линией они уходили на полкилометра ввысь. Каждая пара флажков составляла узкие ворота. Пятьдесят таких ворот, расставленных под самыми различными углами друг к другу, создавали замысловатый зигзагообразный коридор. Флажки условно заменяли естественные препятствия...

Один раз Ростовцев уже промчался среди них. Теперь ему предстояло это сделать вторично.

На финише, у подножья горы, там, где сидели судьи, толпились лыжники. После первой попытки скоростного спуска с искусственными препятствиями (слалом) впереди был Черкасов из «Динамо», за ним Ростовцев из команды Вооруженных Сил и третьим Сергей Шустов. Где он?..

Прошло то время, когда Дмитрий Ростовцев мог думать только о себе. Теперь он не знал ни минуты покоя. Лучшие ученики из тех сорока, которых он растил в горнолыжной школе в Москве, были здесь, на живописных склонах Заилийского Ала-Тау, вместе с ним. И как равные с равным, они делили с ним все волнения спортивной борьбы. Кто из лыжников станет чемпионом Союза и, что не менее почетно, какая команда будет впереди?

Дмитрий Ростовцев разыскал в толпе лыжников Сергея Шустова. Невысокий, ладно скроенный паренек — его любимый ученик — был близок сейчас к большой победе.

— Сергей! — Ростовцев обнял его за плечи. — Ты так же хорошо должен пройти во второй раз. Покажи то же самое время — и станешь мастером спорта...

Он не столько уговаривал, сколько внушал.

— А вы? — Сергей взглянул ему прямо в глаза.

— Я тоже буду бороться!

Ростовцев увидел, как дрогнули губы Сергея. Он прочел его мысли. Ведь Шустов проигрывал ему всего лишь семь десятых секунды, почему же для него запретно первое место?!

— Тебе я не советую рисковать! Каждый сбитый флажок — это семь штрафных секунд. Ты показал очень хорошее время. Упадешь — потеряешь все...

Он напоминал ученику о том, что тот сам хорошо знал.

Они поднимались по крутой горе. Накануне по ней скатилась снежная лавина. Там, внизу, были видны бесформенные нагромождения снега — следы беспокойной жизни гор.

Неожиданно стало светлеть... Полуденное солнце прорвалось сквозь мутную пелену туч. В голубых просветах поплыли легкие, прозрачные облака, засверкали верхушки высоких елей, и на снежный склон от деревьев, от причудливых скал, от сугробов пали длинные, синие тени. Ледянистый, фирновый снег делался мягче и вязче...

— Можешь теперь идти смелее, не делать таких крутых заходов, — сказал Ростовцев. — Сейчас снег удержит лыжи...

Он показал ему несколько мест, где можно было «выпрямить» путь, точнее, «вписаться» в фигуры из флажков, а следовательно, выиграть секунды.

Внизу судья давал условный знак стартеру — начиналась вторая попытка. Надо было еще поговорить с другими учениками, посоветовать им, сказать хотя бы несколько ободряющих слов. Ростовцев едва не забыл о том, что предстоит ему самому: пройти второй раз трассу слалома со скоростью, недосягаемой для остальных.

Все взоры были прикованы к нему, когда, полусогнув ноги, приготовив палки к толчку, он стоял на старте, ожидая сигнала судьи.

Резко оттолкнувшись, Ростовцев ринулся вниз. Справа и слева мелькнули флажки. Близко под углом стояли вторые ворота. С непостижимой быстротой, перекинув тяжесть тела на левую ногу, он проскочил сквозь них. Есть! Мгновенно оторвав задники лыж от снега, повернувшись на палках в другую сторону, он кинулся в третьи ворота...

Крутизна склона прибавляла скорость. Но что это? Много спортсменов прошло до него по трассе. И здесь, на крутом повороте, они ребрами лыж, окантованных сталью, соскоблили снег до земли. Поздно было что-нибудь предпринимать!.. Лыжи Ростовцева скрестились, он упал на бок. Две секунды потеряны. Исправить ошибку! Бороться до последнего метра! Он вскочил и, отчаянно работая палками, телом, ногами, помчался еще быстрее, вздымая снежную пыль...

Заключительные фигуры дистанции Ростовцев преодолел безупречно. По сравнению с первой попыткой удалось сбросить всего немногим более секунды...

Вытирая вспотевшее лицо, глубоко дыша, он посмотрел наверх, туда, где был старт. Жаль, что уже ничего нельзя изменить, а надо только ждать, как пройдут дистанцию другие участники.

Сейчас все его мысли были сосредоточены на главном сопернике. Как пройдет трассу Вячеслав Черкасов? Обычно он выступает неровно...

Вот он на горном склоне, двадцатидвухлетний динамовец. Стараясь меньше рисковать, он проходит одну фигуру за другой. Да, Черкасов избрал единственно верную тактику. Он скользит среди флажков, стараясь не зацепить их, и в то же время сохраняет достаточно высокую скорость. Черкасов прошел прекрасно. Он победил.

Ну что ж! Более десяти лет тому назад Ростовцев вот так же победил в горах Кольского полуострова известного слаломиста Вадима Гиппенрейтера. Ростовцеву было тогда двадцать лет. Он учился на третьем курсе Механико-машиностроительного института имени Баумана. Приятно было, вернувшись в институт чемпионом Советского Союза, прочесть несколько строчек приказа, в котором ему объявлялась благодарность за успехи в учебе и спорте.

Это были годы, когда Ростовцев пламенно увлекался спортом. Шесть раз с тех пор он выступал на первенство страны в свитере чемпиона с гербом Советского Союза на груди. Что могло быть почетнее?!

Сейчас чемпионом страны стал представитель «Динамо». Но ведь еще не разыграно командное первенство!

Со все возрастающим нетерпением ждал он, когда на старте появится Шустов. От его результата будет зависеть многое.

Конечно, Ростовцев не оставался безучастным к тому, что происходило на трассе, особенно в те минуты, когда спускались его ученики... Им было по двенадцать — тринадцать лет, когда они пришли к нему в школу. Они выросли, сформировались на его глазах не только физически. Он знал, что спорт помог им отработать лучшие черты характера — настойчивость, волю, трудолюбие. И теперь, глядя на них, он обнаруживал эти черты...

На трассе его ученик Саша Хвостиков. Он слесарь. Будто стачивая фигуры, он плавно проходит среди флажков. Мягко и гибко проносится Владимир Афанасьев, по профессии вышивальщик знамен. Еще через несколько человек, четко и быстро проскакивая самые опасные места, завершает дистанцию сапожник Петр Ломов... Они все показывают хорошие результаты. Лучшие, чем у большинства. Они входят в группу сильнейших! Но Ростовцев почти не отдает себе в этом отчета, настолько он поглощен ожиданием Шустова.

И в то мгновение, когда любимый ученик появляется на горе, Ростовцев уже ничего не замечает вокруг. Он весь сосредоточен на маленькой фигурке, которая, все увеличиваясь в размерах, стремительно приближается к нему.

Сергей Шустов избрал совсем не тот темп, который ему предложил учитель. Он идет несравненно быстрее, чем в первый раз. Он сам решил бороться за первое место!..

Половина дистанции уже позади. Шустов решительно входит в одну из самых сложных фигур — запутанный лабиринт ворот — и, кидаясь то вправо, то влево, то вниз, благополучно вырывается из него. Молодец!

Ростовцев сам бы не мог пройти эту фигуру лучше. Он это чувствует, словно сейчас вместе с Шустовым совершает спуск.

До финиша остается совсем мало, не более ста метров... Последние препятствия Шустов должен преодолеть легко. Раз, два, три... Ростовцев хватается за голову. На самом выходе из «змейки», зацепившись лыжами за флажок, Шустов падает. Все пропало!

Весь в снегу, Шустов отчаянно вскакивает и мчится дальше. Сделав крутой поворот, он останавливается недалеко от учителя.

Нахмуренные брови, сжатые кулаки, надутые от огорчения губы... Взглянув на него, Ростовцев только улыбнулся.

Результат Шустова все же хорош!..

Вся команда собралась вокруг него. Юноши и девушки. Они стояли и молча смотрели, как заканчиваются соревнования. По склону промчался последний лыжник. Солнце снова спряталось в тучи, и по сумраку, окутавшему горы, можно было определить, что прошло уже много времени.

К Ростовцеву подошел судья, пожилой человек с задорно блестевшими глазами.

— Я поздравляю вас! — сказал он. — По командному зачету вы впереди! Это залог будущих успехов...

Множество рук одновременно протянулось к Ростовцеву. Он ухватил их, сколько мог. В Москву, в свою школу, где их с волнением ждут, они возвращаются победителями!

С тех пор прошло меньше года...

Нынешней зимой сильнейшие горнолыжники Союза съехались в солнечное Бакуриани на Кавказе. Был здесь и Дмитрий Ростовцев со своими учениками.

Белоснежный склон горы Кохта словно ожил. С головокружительной быстротой мчались по нему лыжники, лавируя среди препятствий... Снова шло соревнование в ловкости и бесстрашии.

Первое место среди сильнейших занял офицер Советской Армии Дмитрий Ростовцев.

Успешно выступали и его молодые ученики. Они уверенно идут за своим учителем к вершинам спортивного мастерства.

Без поражений

«Динамо» (Москва) — чемпион страны по русскому хоккею

Трехнедельный турнир восьми сильнейших команд русского хоккея привлек на архангельский стадион «Динамо» тысячи трудящихся города — любителей и знатоков этой интересной игры.

Кроме архангельской команды общества «Водник», на ледяном поле выступали: чемпион СССР прошлого года — команда Дома офицера (Свердловск), многократный победитель кубка СССР — «Динамо» (Москва), столичная команда «Спартака», два коллектива Ленинграда — «Красной зари» и Института физического воспитания имени Ленина, а также хоккеисты Краснознаменного Балтийского флота (Таллин) и «Трактора» (Харьков).

Большинство матчей прошло в упорной борьбе. В семи матчах были зафиксированы ничьи, а в одиннадцати встречах перевес победителя выразился всего в 1—2 гола.

35 : 2! С таким счетом команда московского «Динамо» выиграла первое место, набрав 14 очков из 14 возможных. В составе победителей выступали 5 заслуженных мастеров спорта: С. Ильин, В. Трофимов, С. Соловьев, В. Блинков и Н. Медведев — и 6 мастеров: С. Андреев, Ю. Блинов, В. Савдунин, Н. Артемов, И. Давыдов и Б. Петров.

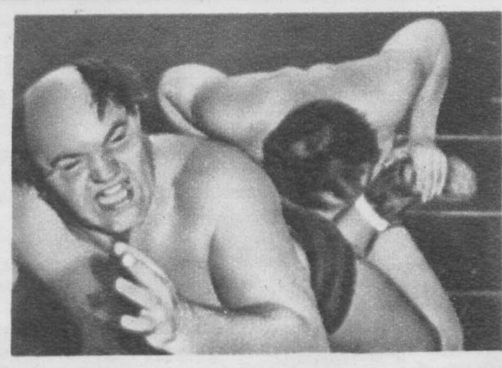
Динамовцы показали высокий класс русского хоккея. Они пользовались поперечными передачами, вели игру на больших скоростях, демонстрировали разнообразную и гибкую тактику.

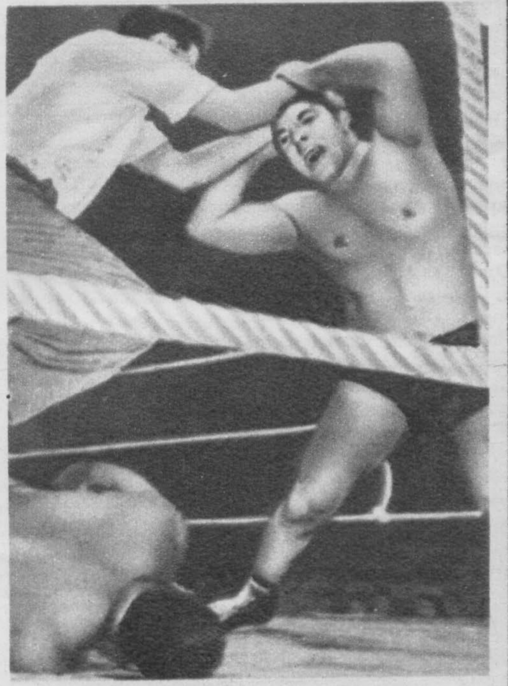
Второе место осталось за прошлогодним чемпионом — командой свердловского Дома офицера. Они проиграли лишь динамовцам в первом туре (0 : 5). Третье призовое место второй год подряд заняла команда московского «Спартака» (она выступала в этом турнире без своих сильнейших нападающих В. Листикова и Н. Дементьева).

Последние два места заняли харьковские хоккеисты команды «Трактор» и спортсмены «Красной зари».

Спорт по американскому образцу

Спорт в странах капитала давно утратил свое подлинное назначение — способствовать укреплению здоровья и гармоничному развитию человеческого тела. Владычество денег наложило на спорт свои отвратительные, звериные черты, превратило его в средство наживы. При помощи такого «спорта» буржуазия стремится пробудить у широких масс самые низменные инстинкты.

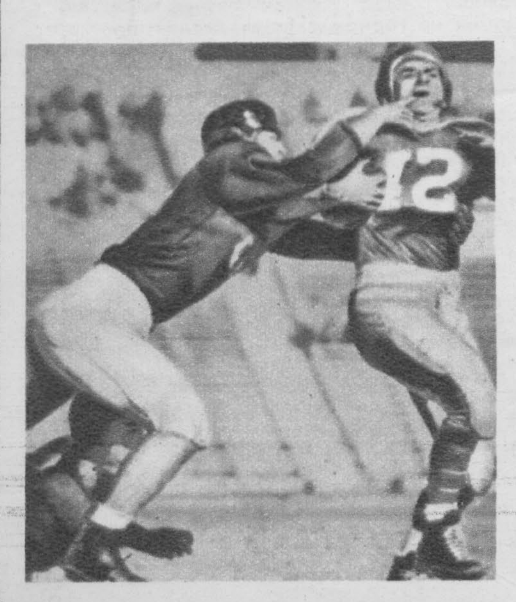

Здесь показана так называемая вольная борьба в Западной Германии. На верхнем снимке одному из «борцов» удалось ухватить зубами ногу своего противника. Справа финал матча. Побежденный лежит в крови на ковре. Разъяренный победитель хочет любой ценой его добить. Чтобы успокоить его, судье самому приходится применить прием «вольной борьбы». Журнал «Вельтшпигель» (Западная Германия), опубликовавший эти фото, приводит также следующее интервью с одним из участников матча:

Вопрос: «Слышали ли вы что-нибудь о Шекспире?». Ответа не последовало.

Вопрос: «Знаете ли вы, кто такие Моцарт, Рафаэль?». Ответа не последовало.

Вопрос: «Умеете ли вы хотя бы считать до трех?». Ответ: «До десяти».

←

Это момент игры в регби в США. Игрок команды университета в Сан-Франциско прорвался с мячом в руках. Но не тут-то было! Защитник из команды Санта Клара погнался за ним и сунул палец в рот прорвавшемуся противнику с явным намерением разорвать рот. Зная нравы американских университетов, можно не сомневаться, что «студент» справа не останется в долгу и откусит «партнеру» палец (фото из американского журнала «Зис уик»).

→

Такие «вольные бои», потрафляющие самым низменным вкусам публики, устраиваются в Западной Германии. Площадка для драки предварительно заливается толстым слоем жидкой грязи. На снимке две женщины в начале боя. Элементарное чувство уважения к женщине здесь ради прибыли в буквальном смысле слова втоптано в грязь (фото из «Вельтшпигель»).

Сем. НАРИНЬЯНИ

Рисунки Е. Ведерникова

лодому автору рекоменд...
вступления в Союз писателей. И все это было правильно, ибо автор был талантлив.

Позже, однако, выяснилось, что веселый, жизнерадостный талант рассказчика природа по ошибке вложила в грудь пустого, легкомысленного человека и этот человек не умножил с годами своего таланта, а расплескал его на мелочи.

— Шаховской никогда не хотел учиться своему искусству и стал посредственный стихотворец,— заметил как-то Пушкин.

Точно так же можно было сказать и про Василия Салова. В последние годы он уже писал не рассказы, а рассказики, а когда

...ечатать эти
...л работать
... Он сочинял
... цирка и
...али конфе-
...екдотами и

...аська выру-

...екдотов по-
...десятилетие.
...ов утратил
... и чувство
...ате чего на
...амая непри-
...дъюбилейной
... говорилось
...ать в перио-
...ства вашего
...очинениями».
... и сам отнес
... Бесфамиль-
...ну, критику
...сту Новохат-
...цати весьма
...м. Получили
... письма и не
...амое непри-
... том, что Ва-
...исан с писа-
...вой книге и
... том же пи-
...ед ним нель-
...ь и сказать:
...в нет дома.
...рососедски-
...ов приходил
...ам без при-
...на квартиры
... и говорил:
... ради, юби-
...щения.
... написать ни
... отговорить-
... меня грипп.

...ак-то легко
...х ни в чем
... кармана

...исать и не
... написана.
... ней свою
подпись.

Бесфамильному хотелось спустить юбиляра с лестницы, но вместо этого он, как человек мягкосердечный, только болезненно поморщился и сказал:

— Статей писать я не буду. а заявление в секцию подавайте, поддержу.

И вот вопрос о юбилее обсуждается на заседании бюро секции. Члены бюро долго мнутся, мямлят, видно по всему, что Салов им совсем не симпатичен. Но так как члены бюро уже много лет живут в одном доме с Саловым и не хотят обижать его отказом, то они, не глядя друг другу в глаза, в конце концов стыдливо принимают решение о юбилее.

Труднее членам бюро было договориться о докладчике. Ни один из них не хотел брать на себя такой миссии. После долгих препирательств докладчиком было решено полагать критика Дармодатского.

— Товарищи! — закричал Дармодатский. — Вы не имеете права! Это нечестно! Да, я приветствовал в свое время творчество Салова, но ведь это же был ранний Салов. А творчество Салова-позднего я отрицаю вообще! Оно вне искусства. Я так и прошу записать мои слова в протоколе.

И вот в воскресный день в малом зале клуба состоялся злополучный вечер. Большая часть членов секции предусмотрительно захворала и на вечере быть не смогла, та же, меньшая часть, которая явилась на вечер, чувствовала себя весьма неловко. Эта неловкость объяснялась главным образом тем, что гости не знали, как держаться с Саловым. Ругать юбиляров не принято, а хвалить Васю было не за что. В результате в кулуарах говорили о чем угодно: о новом костюме юбиляра, о его седеющих висках, легковой машине,— только не о его творчестве.

— Что делать? Чего нет, того нет,— говорил, балагуря, Салов.

Он был единственным человеком, который не терял присутствия духа на этом, не совсем обычном вечере.

На правах юбиляра Салов сидел в президиуме вместе с известными, уважаемыми писателями и строил из-за их спины уморительные рожи кому-то в зале.

Критик Дармодатский начал между тем обзор творческой деятельности Салова такой фразой:

— Пошлые, безидейные рассказы нашего дорогого юбиляра, написанные в свойственной ему развязной манере...

Но даже и такое многообещающее начало не смогло остепенить Салова. Он продолжал резвиться: подавал с места реплики, подмигивал, острил, ставя порой в весьма затруднительное положение председательствующего. Бесфамильный мимикой и жестами давал понять присутствующим, что с сегодняшнего юбиляра взятки гладки:

«Разве вы сами не знаете его? Ведь это же Вася!»

После критики Дармодатского с чтением дружеских эпиграмм выступил поэт Березкин. То, что термин «дружеский» носил чисто условный характер, свидетельствовала самая добродушная из эпиграмм, которую мы воспроизводим здесь:

Он сорок лет на белом свете,
А сорок лет не малый срок.
Все сорок лет он на примете,
Как опечатка в сорок строк.

— Очепатка в опечатке! — крикнул с места неунывающий юбиляр.—Во мне не сорок строк, а все пятьдесят.

Но эта реплика повисла в воздухе. Никто в зале даже не рассмеялся. Драматургу Попову стало жаль юбиляра, и он поднялся на трибуну, чтобы сказать хоть что-нибудь в его защиту.

— Говорят, Салов оторван от нашей действительности,— сказал Попов. — Это не совсем так. Салов жадно стремится познать жизнь. Совсем недавно я встретил вечером Салова у ворот трамвайного парка. Как, по-вашему, зачем он ходил туда?

Бедный Попов не успел еще открыть рта, чтобы ответить на поставленный вопрос, как Салов поспешил крикнуть в свойственной ему развязной манере:

— Известно, зачем: на свидание с вагоновожатой.

После этой реплики уже никому из присутствующих не хотелось больше заступаться за юбиляра. Список ораторов иссяк, и председательствующий пригласил гостей в соседний зал на ужин.

Поздно ночью писатель Бесфамильный, критик Дармодатский и поэт Березкин ехали домой и обменивались впечатлениями о вечере.

— Вася похож на усатого мальчика,— сказал Дармодатский,— на него даже сердиться трудно.

— А юбилей, по-моему, прошел ничего,— не совсем впопад ответил поэт Березкин. — Жаль только, шницель был плохо поджарен.

А Александр Васильевич Бесфамильный сидел и думал о большом писательском доме, в котором, к сожалению, проживало немало всяких временных квартирантов, ловко использующих в своих целях мягкосердечие и нерешительность хозяев.

Схватка с леопардом

Был конец ноября. Утром по слегка припорошенной снегом лесной дороге бригадир Цнелпсинского колхоза в Юго-Осетии Самсон Табуев шел в соседнее село.

Вдруг среди деревьев мелькнул какой-то зверь.

«А ну, я его попугаю»,— решил Табуев и бросил камень в темнеющий за деревьями силуэт. В воздухе сверкнуло что-то большое, золотисто-рыжее с черными пятнами, и в ту же секунду зверь повис на колхознике.

Завязалась борьба. Человек сбросил зверя и сам кинулся на него. Долго катались они по земле, пока человеку не удалось добраться до горла своего врага и сдавить его. Задыхаясь, хищник широко раскрыл пасть. Табуев сунул в нее свою шапку.

Сопротивление ослабло, и Табуев, скатившись по откосу оврага, поволок животное к речке. Израненный Табуев нашел в себе достаточно сил, чтобы сбросить зверя в воду. Оставив его барахтаться в холодной воде, Табуев поспешил в соседнее село.

Арсен Кумшев, председатель гвиргвинского колхоза, всплеснул руками, увидев Самсона Табуева всего в крови и в лохмотьях. «Что за зверь — не знаю,— ответил Табуев на расспросы.— Только в ребячьих книжках видел на картинках. У нас такого сроду не бывало...»

Арсен Кумшев обмыл и перевязал Табуева и, уложив его в арбу, вместе со своим отцом Вартаном повез обратно в Цнелпси, в больницу.

«Вот здесь это было»,— сказал Табуев, когда они проезжали место недавней схватки.

В этот момент из-за деревьев выскочил пятнисто-золотистый знакомец и кинулся на людей.

«Эх, ни топора, ни ножа не захватили!» — мелькнула разом у все трех запоздалая мысль.

Зверь прыгнул на Арсена. Арсен упал, но тут же подмял под себя врага и крепко прижал его голову к земле. Подбежал отец Арсена и воткнул свою стариковскую палку с железным наконечником в глаз зверю. Палка прошла почти через весь череп. Арсен добил хищника большим булыжником, размозжив ему голову.

Спустя полчаса все были в Цнелпси. Табуев лег на несколько дней в больницу. Арсен Кумшев перевязал разодранную руку и повез тушу зверя — это был великолепный экземпляр леопарда — в областной центр. Здесь с леопарда сняли шкуру, а в зоологическом кабинете Сталинирского педагогического института взялись изготовить чучело. Длина зверя вместе с хвостом — 2 метра, вес — 47 килограммов.

Множество людей, которые пришли взглянуть на зверя, невольно подивились богатырской силе и храбрости колхозников, вышедших победителями в рукопашной схватке с огромным леопардом.

* * *

— Леопардов в Юго-Осетии действительно нет. Известен только один случай, когда в Юго-Осетии заметили леопарда,— сказал нам тов А. Г. Джанашвили, заместитель директора Тбилисского зоосада по научной части,— и имеет он вековую давность. Откуда же мог теперь появиться леопард? Единичные их экземпляры попадались изредка в лагодехских и абхазских лесах Грузии. Возможно, что в Юго-Осетию он попал оттуда. Не исключено также, что этот зверь забежал из более дальних краев,— из субтропиков пограничных районов Азербайджана.

Н. НОВИЦКИЙ

Фото В. Убоженко

— Гражданка, вы разговариваете уже больше трех минут!
— Но мы имеем право на пятнадцать!

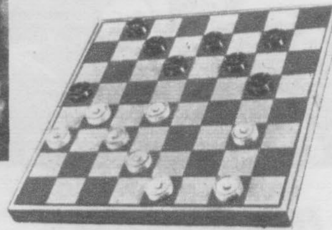
Рисунок Е. Гурова

ШАШКИ

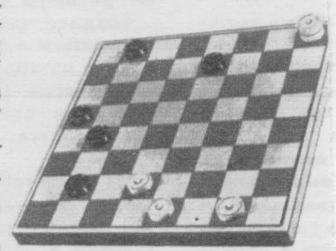
Под редакцией мастера Г. Я. Торчинского

УПУЩЕННЫЙ ВЫИГРЫШ

В партии Корхов — Миротин, игранной в тульской группе полуфинала первенства СССР 1951 года, после 15 хода создалась позиция, показанная на доске. Испытывая серьезные затруднения на левом фланге и опасаясь окружения своих сил, белые решили ценой жертвы шашки прорваться в дамки и форсировать ничью. В партии последовало:

16. b4—c5 d6 : b4
17. a3 : c5 c7 — d6
18. g3—h4 d6 : b4
19. d4—e5 f6 : b2
20. h4 : h8 ...

Белые стремились к этой позиции, считая ее ничейной. В свою очередь и черные примирились с ничьей, которая и была зафиксирована в партии после 20.... b2—c1; 21. d2—c3 b4 : d2; 22. e1 : c3 c1—a3; 23. h8—g7 a3—d6; 24. g1—f2. Однако расчеты белых были ошибочными и должны были повлечь за собой проигрыш партии, если бы черные не допустили на 20 ходу досадной ошибки. А выигрыш был прост:

20. ... b2—a1!
21. d2—c3 ...

Другого ничего нет, так как при любом ином ходе ловится белая дамка.

21. ... b4 : d2!
22. e1 : c3 a1 : g7!!
23. h8 : d8 b8—c7
24. d8 : b6 a5 : c7, и черные выигрывают.

РЕДКИЙ СЛУЧАЙ

В позиции, показанной на доске, ход белых. Имея на две шашки меньше, белые должны добиваться ничьей. Поочередной жертвой четырех шашек белые построили редкую позицию: одна белая шашка делает ничью против семи черных шашек.

Предлагаем читателям самостоятельно найти указанный путь к ничьей.

ЗАДАЧА ИЗ РАССКАЗА ЧЕХОВА

У А. П. Чехова есть рассказ «Репетитор», в котором, между прочим, описывается, как маленький Петя и его репетитор — взрослый гимназист — не могут решить, казалось бы, пустяковой задачи.

Сконфуженный репетитор ссылается на то, что задача эта алгебраическая, но отец Пети решает ее «по-неученому», просто на счетах.

Вот эта задача.

«Купец купил 138 арш. черного и синего сукна на 540 руб. Спрашивается, сколько аршин купил он того и другого, если синее стоило 5 руб. за аршин, а черное 3 руб.?»

Решите ее арифметическим способом.

В этом номере помещены цветные репродукции с картин В. Вихтинского, Б. Жукова, Е. Левина, Л. Чернова, Л. Шматько «Во имя мира», С. В. Рянгиной «Строители агрогорода», Я. Д. Ромаса «Там, где будет Куйбышевская ГЭС» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ. **Редакционная коллегия: А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, К. В. СМИРНОВ, А. Н. СТУДИТСКИЙ.**

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление Л. Шумана

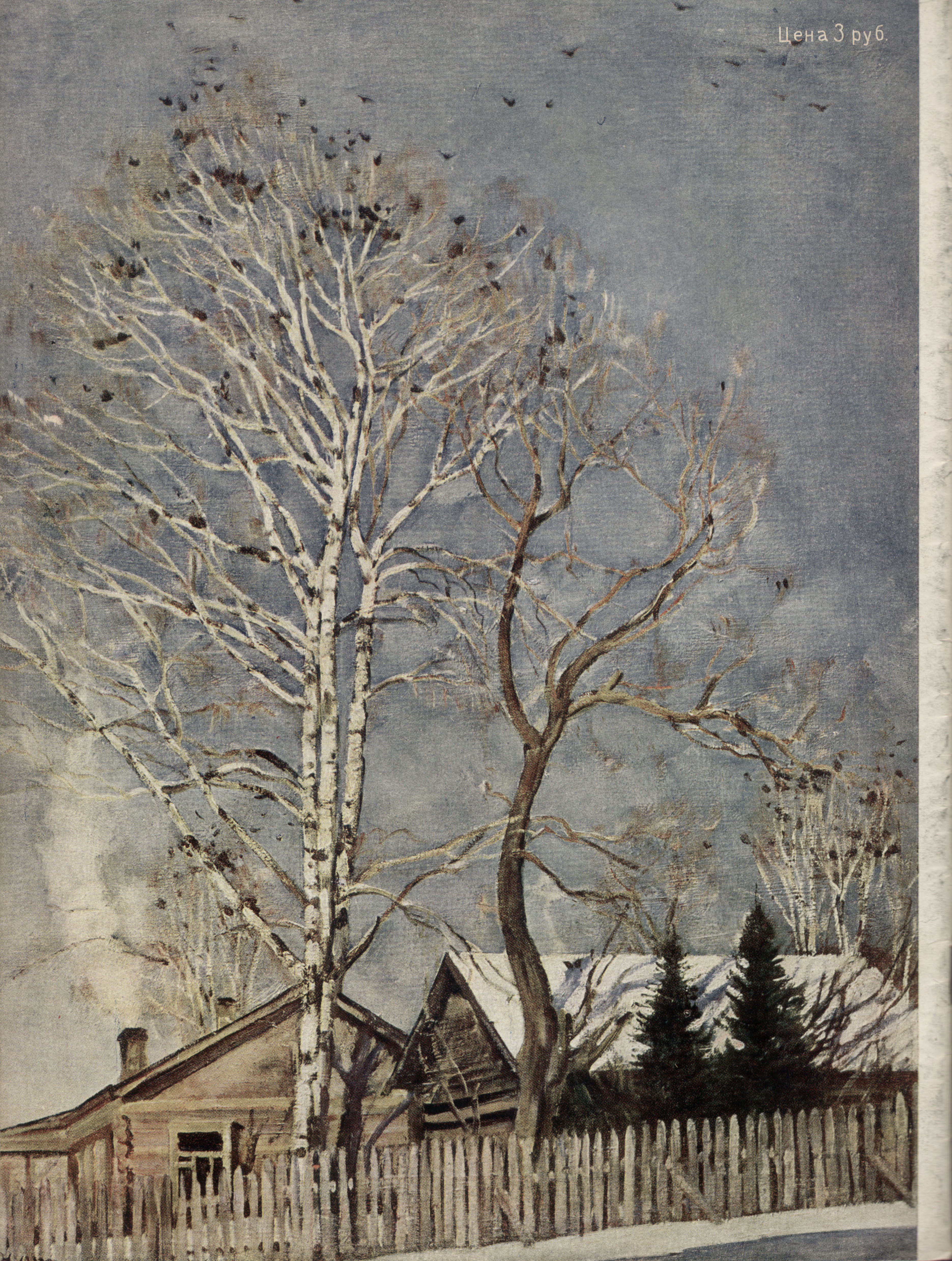
А — 01328. Подписано к печати 6/II 1951 г. Изд. № 89. 5½ печ. л. Тираж 406 000. Заказ 283. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

На лыжной прогулке в окрестностях Бакуриани (Грузинская ССР).

Фотоэтюд
Г. Малиновского

Цена 3 руб.